

Digitized by Google

А. А. Бубликовъ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ВПЕЧАТЛЕНІЯ И МЫСЛИ ОЧЕВИДЦА И УЧАСНИКА.

НЬЮ ЙОРКЪ, Н. І.
1918 г.

• Bublikov,

А. А. Бубликовъ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(ея начало, арестъ Царя, перспективы)

ВПЕЧАТЛЕНІЯ И МЫСЛИ ОЧЕВИДЦА И УЧАСТНИКА.

Нью Йоркъ. 1918 г.

Copyright, 1918,
—by—
Alexander Boublikoff.

—=—
Published March, 1918.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я уже давно уклонился отъ активнаго участія въ политицѣ. Того менѣе предполагать я заниматься ею здѣсь, въ Америкѣ. Но мои здѣшніе друзья и знакомые выражали такой интересъ къ моимъ личнымъ впечатлѣніямъ и мыслямъ по поводу русской революціи, что я рѣшился выпустить настоящую книгу.

Претендую только на одно, что мои «мемуары» искренны и правдивы. Объ ихъ содержательности, а также о жизненности моихъ политическихъ взглядовъ представляю судить читателямъ и.... времени.

A. A. Бубликовъ.

Нью-Йоркъ,
20 фев. 1918 г.

Настанеть годъ—Россіи черный годъ—
Когда царей корона упадеть,
Забудеть чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будеть смерть и кровь:
Когда дѣтей, когда невинныхъ жонъ
Низвергнутый не защитить законъ'
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
начнетъ бродить
И станетъ голодъ бѣдный край терзать,
И зарево окрасить волны рѣкъ!
Въ тотъ день явится мопній человѣкъ
И ты его узнаешь—и поймешъ
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя!... твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшионъ.....

Лермонтовъ.

1830 г.

Неудачная русская революція 1905 года весьма быстро выродилась въ бандитизмъ.

Это до чрезвычайности облегчило Императорскому Правительству борьбу съ нею.

Рядъ отвратительныхъ преступлений, совершенныхъ подъ прикрытиемъ революціонного знамени, злоупотребление такимъ опаснымъ для общаго блага орудіемъ, какъ всеобщая политическая забастовка, и крайняя нетерпимость крайнихъ лѣвыхъ партій, которую можно было поставить вровень развѣ только съ нетерпимостью правительственной, все это вмѣстѣ взятое отвратило отъ симпатій къ революціи всѣхъ людей имущихъ, или мечтающихъ, путемъ упорного труда въ мирной обстановкѣ, добиться извѣстнаго достатка.

Можно, пожалуй, сказать, что эти люди «благослови-

ли» правительство Столыпина на усмирение революции, ибо, действительно, только учаясь, что симпатии значительной части населения уже больше не съ революционерами, правительство возымѣло смѣлость начать беспощадную и систематическую съ ними борьбу. Пошли разстрѣлы, карательные экспедиціи, заполненіе тюремъ и массовая ссылка — словомъ весь обычный арсеналь реакціи былъпущенъ въ ходъ и революционеры, оставшіеся одинокими, быстро были разбиты на голову.

«Успокоеніе» поскольку оно достижимо мѣрами полицейскими, наступило весьма быстро. Но вскорѣ оно было закрыто и по существу: наступила энергической ростъ благосостоянія широкихъ массъ населения. Заработали фабрики, заводы, желѣзныя дороги. Биржа, дававшая прыжки цѣнъ въ десятки пунктовъ въ день, прорывала золотой дождь на толпы людей, осаждавшихъ банкирскія конторы. А кто же не знаетъ, что материальное благополучіе есть лучшій бромъ противъ политическихъ страстей?

Революція кончилась.

Объ ней все позабыли.

Но и ни одна изъ общественныхъ силъ, въ ней участвовавшихъ, — ни революционеры, ни правительство, ни народъ самъ — никто не извлекъ изъ пережитого никакого урока на будущее.

Революціонеры, частью заполнившіе безчисленныя русскія тюрьмы и безбрежную сибирскую тайгу, частью ушедшиѣ искать гостепріимства въ другихъ странахъ, унесли съ собою въ изгнаніе и ссылку только крайнее озлобленіе противъ виновниковъ своего пораженія чрезвычайную увѣренность въ своей правотѣ.

Они не хотѣли даже допускать мысли о томъ, что источникъ ихъ пораженія лежалъ въ ихъ же оп-

въ ихъ оторванности оть подлиннаго русскаго народа. Наблюдая проявленное имъ во время революціи въ широчайшемъ масштабѣ неуваженіе къ чужой собственности, они заключали о томъ, что будто бы этотъ народъ чрезвычайно склоненъ къ соціалистическому укладу жизни, тогда какъ значительной его части гораздо ближе была знаменитая идеология: если *ты* укралъ *мою* жену, то это — плохо, а, если *я* укралъ *твою* жену, то это — хорошо. Они не поняли, что этотъ народъ не дорося еще даже до буржуазной идеологии, цѣлкомъ основанной именно на уваженіи къ чужой собственности, что онъ гдѣ то еще безконечно далеко даже оть современныхъ европейцевъ и американцевъ.

Наконецъ, они не съумѣли сдѣлать даже того, напралшивавшаго, вывода, что ихъ теорія перманентной революціи носила источникъ своей гибели въ самой себѣ, ибо спокойствие душевное есть въ пониманіи широкихъ народныхъ массъ такое великое «благо», за которое народы платили всегда самую дорогую цѣну, вплоть до цѣны собственной политической свободы. Свою профессиональную любовь къ революционному дѣйствію они считали присущей и народу, тогда какъ для послѣдняго революція всегда лишь средство и никогда — цѣль.

Революціонеры упорно не хотѣли понять, что съ тѣмъ материаломъ, который имѣлся на Руси, можно было только скомпрометировать соціалистическую идею, а отнюдь не осуществить на землѣ соціалистический рай, что русскій народъ, не прошедшій курса элементарной политической свободы, если его не удерживать оть слишкомъ быстраго движенія влѣво, всегда будетъ проявлять склонность шарахаться оть крайнихъ увлеченій свободою въ сторону самой же крайней реакціи.

Правительство раздѣлило обычную участъ всѣхъ

реакционныхъ правительствъ — проявило полную безы-
цдѣйность. можно сказать, безграничную политическую
глупость.

Въ уноеніи своей фѣнитальной побѣдой надъ вра-
гомъ внутреннимъ при помощи мѣръ чисто полицейскаго
порядка, оно забыло знаменитое положеніе французскаго
политического дѣятеля, что штыками можно сдѣлать
весьма много, но только нельзя сдѣлать одного — на нихъ
нельзя спѣть.

Знаменитая правительственная формула: «сперва
успокоеніе, а потомъ реформы» расплылась весьма бы-
стро. Изъ всѣхъ реформъ была проведена, да и то не слиш-
комъ энергично, только одна — были сдѣланы шаги къ
насажденію въ Россіи класса мелкихъ единоличныхъ зе-
мельныхъ собственниковъ. О какомъ либо утвержденіи
торжественно обѣщанныхъ политическихъ свободъ не бы-
ло больше и рѣчи.

Правительство не поняло, что долгъ править страною
противъ народа нельзя, что для того, чтобы прочно стоять
во главѣ великой націи, надо умѣть сохранять въ себѣ
великодержавный инстинктъ — надо умѣть предлагать на-
роду задачи, достойныя его, и въ то же время непрерывно
улавливать, въ чемъ состоить его дѣйствительный, кров-
ный интересъ.

Правительство видѣло ясно безсиле дворянства и
духовенства, а потому, пользуясь ими, оно въ то же время
глубоко ихъ презирало, съ ихъ желаниями не считалось,
тѣмъ самымъ питая даже въ этой средѣ недовольство су-
ществующимъ строемъ.

Рабочихъ оно искренно ненавидѣло.

Къ крестьянству оно относилось явно недовѣрчиво.
ибо послѣднее въ дни революціи задѣло интересы помѣ-

щичьяго класса, изъ котораго рекрутировались представители высшей власти въ странѣ.

Въ отношеніи интелигенціи имъ была усвоена столь любезная сердцу всѣхъ реакціонныхъ правительствъ мѣра политика «мелкихъ уколовъ» — непрерывнаго мелкаго издѣвательства надъ ея свободолюбивыми стремлениями.

Наконецъ, къ торговопромышленной буржуазіи отношеніе было опредѣленно враждебное. Бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, кстати сказать назначенный на этотъ постъ бывшимъ царемъ за одно только достоинство — умѣніе безподобно изображать влюбленную пантеру (фактъ!) говорилъ про буржуазію такъ: «это будетъ похоже рабочихъ: тѣхъ можно пострѣлять. А что съ этими сдѣлаешь?».

Словомъ, не было въ Россіи класса или группы людей, съ которыми русскому правительству было бы по пути.

Оно воевало со всѣми, всѣхъ и всего боялось, всѣхъ угнетало, все молодое, свѣжее душило.

Идеологъ русской реакціи поставилъ такую задачу передъ русской властью: «Россію надо подморозить — чтобы не жила», ибо твердая, прочная, незыблемая, застывшая въ своихъ идеалахъ, власть возможна только надъ народомъ неживымъ, не движущимся впередъ, не стремящимся къ политическому совершенствованію.

И русская власть стояла надъ русскимъ народомъ, сильная съ виду, но совершенно одинокая, никому подлинно не нужная.

Ибо подняться до высоты просвѣщенного абсолютизма, точно отформулировать дѣйствительно историческая задачи своего народа и настойчиво ихъ осуществлять было конечно не подъ сплу русскому самодержавію, выродившемуся и духовно, и физически.

Его хватало только на работу отрицательную, на по-лицейской гнетъ. Творчество отъ него, давно отлетѣло.

Поэтому урокъ революціи 1905 г. прошелъ для него совершенно даромъ. Оно не поняло, что русскій народъ перероßъ старыя рамки, что онъ уже *сильно* хочетъ новой, лучшей жизни и что онъ скоро начнетъ самъ ее строить, если ему не дастъ ее его «Богомъ поставленная» власть.

Историческая фраза Александра II, сказанная имъ дворянству при освобождениі крестьянъ: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу» — была совершенно не по плечу ничтожному Николаю II и его столь же ничтожнымъ соvѣтникамъ.

Они не прислушались къ первымъ раскатамъ народнаго трома и не сумѣли отвести отъ себя народнаго гнѣва настоящимъ служеніемъ народу — государственнымъ творчествомъ въ соотвѣтствии съ бродившими въ душѣ народа новыми идеалами.

«Успокоеніе» народа, прекращеніе имъ революціонныхъ «безпорядковъ», они приняли за отказъ націи отъ своихъ желаній новой, лучшей жизни.

Самъ народъ, мыслящее общество... только что, казалось бы, испытавшie на своей спинѣ послѣдствiя политического экспериментаторства, революціоннаго и реакціоннаго, не сдѣлали того простого вывода, что для того, чтобы имѣть «хорошую» политику, народу надо отстранить отъ этого дѣла профессіоналовъ, безразлично, будь они справа, или слѣва, и взять его въ свои руки.

Наоборотъ, интересъ къ политикѣ палъ до невѣроятія.

Если въ чёмъ и былъ неправъ бывшій русскій премьеръ Коковцевъ, когда онъ утверждалъ, что въ Россіи въ 30 верстахъ отъ желѣзной дороги никто политикой не

интересуется, то, развѣ, въ томъ, что ею не занимались и тѣ, кто жилъ вплотную у желѣзной дороги.

Интересъ, какой еще поддерживался къ политикѣ, но-силъ чисто спортивный характеръ. Публика съ полнымъ политическимъ безстрастіемъ, хотя и не безъ любопытства, наблюдала: кто кого одолѣетъ, революціонеры-ли — правительство, или правительство революціонеровъ? Кто кого лучше поддѣнетъ: Правительство «оппозицію Его Величества», какъ именовалъ свою партію лидеръ ка-детовъ Милюковъ, или оппозиція правительство?

Какъ будто это «кто кого одолѣть?» «кто кого пере-спорить?» не касалось самыхъ близкихъ, самыхъ суще-ственныхъ интересовъ г.г. зрителей политической скачки съ препятствіями.

Г. Дума рѣшительно никакой поддержкой въ странѣ не пользовалась. Правительство могло ее распускать сколько угодно и въ странѣ не раздавалось и тѣни проте-ста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умѣли «обезвреживать» черезъ законодательную об-струкцію верхней палаты и потому, что немногого опасались заграницы — какъ бы не лишили кредита.

Маразмъ былъ вполнѣшній.

Какое то затишье передъ бурей.

Всякая партійная жизнь прекратилась и не потому, что ее убивало политическoe преслѣдованіе, а потому, что пропалъ къ ней интересъ.

Всѣ были недовольны, но никто не хотѣлъ дѣятель-но бороться съ нестроеніемъ государства. Всѣ ушли въ личную жизнь и, хотя всѣ сознавали, что «такъ дальше жить нельзя», то ограничивались одной воркотней, фрон-дированіемъ въ узкомъ кругу знакомыхъ и друзей. Никто и не помышлялъ о созданіи вліятельнаго общественнаго мнѣнія, о выработкѣ политическихъ идеаловъ и о настой-

чивомъ проведений ихъ въ жизнь.

Полнымъ безсиліемъ вѣяло отъ всего въ странѣ. Не было на высотѣ задачъ, которыя исторія должна была поставить передъ русскимъ государствомъ, никто — ни правительство, ни профессиональные политики, ни самъ народъ.

А между тѣмъ надвигались грозовые тучи величайшихъ испытаній. И когда бѣда пришла, то мудрено ли, что разразилась вновь революція?

Было бы удивительнѣе, если бы она не пришла. Это, пожалуй, было бы признакомъ того, что народъ безнадежно палъ, если бы онъ не сдѣлалъ даже той почти конвульсивной попытки спасти себя, какой являлась для него революція.

И удивительно ли также, что эта революція донесла его чрезвычайно быстро до крайнихъ предѣловъ отвратительной охлократіи?

Вѣдь въ народѣ къ моменту революціи не было ни одной интегрирующей, творческой силы. Все одряхлѣло, все извѣрилось въ себя, ничто не давало и тѣни надежды на выходъ, на спасеніе. Не видно было никакихъ шансовъ спрятаться съ положеніемъ съ помощью старой политической машины. Эта старый строй не донесъ до момента революціи ни одного действительно авторитетнаго политического дѣятеля, ни въ средѣ правительства, ни въ средѣ оппозиціи, ни одного человѣка съ волей и характеромъ, на котораго нація могла бы возложить свои надежды. Десятилѣтія систематической деморализации народа давали себѣ знать: въ странѣ неоказалось никакихъ, подлинно государственныхъ элементовъ.

При этихъ условіяхъ неотвратимъ былъ *полный* переворотъ, неизбѣженъ былъ хаосъ и попытка начать но-

вое творчество изъ этого хаоса, изъ ничего, поиски какихъ то совершенно новыхъ идей и новыхъ людей, ибо старые методы и старые дѣятели безнадежно потеряли всякий кредитъ въ глазахъ страны.

При этомъ становится вполнѣ понятнымъ, что эти старые политические дѣятели дореволюціоннаго періода не могли желать революціи, а, не желая, — и не вѣрили въ ея пришествіе.

Эта ихъ увѣренность въ невозможности революціи, заражала даже и стороннихъ наблюдателей. Недаромъ специальный англійскій посланецъ, посѣтившій Россію незадолго до революціи, лордъ М., еще чуть не наканунѣ этой революціи докладывалъ своему правительству о полной ея невозможности: вѣдь ему обѣ этомъ говорили буквально всѣ, съ кѣмъ ему пришлось сталкиваться въ Петербургѣ — и представители власти, и представители оппозиціи.

Да ни одинъ отвѣтственный политический дѣятель и не могъ сознательно желать революціи. Всякій понималъ, что Россія, изнемогавшая подъ бременемъ вѣнчаней войны, не могла одновременно поднять на свои плечи еще и бремя перестройки всѣхъ внутреннихъ отношеній. Финансированіе войны и финансированіе въ то же время соціальной справедливости не могло быть по плечу экономически слабой странѣ, и такъ уже безудержно шедшей къ банкротству.

Послѣдующее вполнѣ подтвердило эти опасенія. Русское государство, доведшее свое кредитное обращеніе съ 1,650,000 рублей предъ войной до 8 миллиардовъ рублей къ моменту революціи, послѣ нея, не воюя, пришло къ 18 миллиардамъ въ Октябрѣ пр. года. Когда я уѣзжалъ изъ Россіи (въ Сентябрѣ), «Експедиція заготовленія госу-

дарственныхъ бумагъ» выпускала въ день до 72 миллионовъ рублей. Впослѣдствіи, говорять, ея «производительность» была повышена до 125 миллионовъ. Но если даже остановиться на цифрѣ 72 мил. въ день, или 2 миллиарда въ мѣсяцъ, то сейчасъ бумажное обращеніе въ Россіи должно достигать 25—26 миллиардовъ рублей. Далеко ли отсюда до полнаго крушеннія денежной системы, до полнаго банкротства? А финансовое банкротство является лишь вѣшнимъ выраженіемъ непосильности для страны такихъ двухъ задачъ, какъ война и революція.

И было ясно впередъ, что, изнемогая подъ бременемъ этихъ двухъ задачъ, страна попытается сбросить съ своихъ плечь первую.

А выходъ изъ войны, перестройка всѣхъ вѣщнихъ отношеній въ моментъ величайшаго мірового кризиса представляли собой такой прыжокъ въ неизвѣстность, который никакъ не могъ предвѣщать для Россіи ничего доброго.

Поэтому то ни одинъ отвѣтственный политический дѣятель, даже такой, какъ лидеръ октятристовъ, А. И. Гучковъ, лично, почти физически не переваривавшій Николая II, не заходилъ въ своихъ желаніяхъ дальше мечтаній о персональномъ низложеніи Николая, чтобы въ періодъ регенерства Михаила надѣть несовершеннолѣтнѣмъ Алексѣемъ попытаться создать въ Россіи нечто аналогичное Англійскому государственному строю съ царемъ царствующимъ, но не управляющимъ.

И тѣмъ не менѣе революція пришла, ни кѣмъ не желанная, никѣмъ не подготовленная (вѣдь всѣ революціонные партіи были совершенно разгромлены), для всѣхъ страшная той неизвѣстностью, которую она съ собой несла.

Началась она какъ то странно, почти подозрительно. Рабочіе квартали въ началѣ оставались совершенно спокойными. Уличные беспорядки дѣлали разношерстную толпу въ достаточной степени добродушно настроенную и уже нисколько не грозная, та самая толпа, которая такъ безподобно охарактеризована Викторомъ Гюго въ его разсказѣ мальчугана, раненаго при усмирѣніи. Мальчуганъ оправдывается передъ матерью, что не онъ виноватъ въ томъ, что онъ раненъ, а солдаты, которые не соблюли правильныя игры — начали стрѣлять раньше того третьяго сигнала, послѣ котораго полагается удирать.

Такая же игра въ беспорядки происходила и на улицахъ Петербурга. Люди толпились на Невскомъ, шарахаясь въ боковыя улицы при видѣ коннаго патруля, порою кричали и свистѣли, а больше даже прогуливались молча, или съ шутками и смѣхомъ.

Вдругъ войска (а кто говорилъ — переодѣтые солдатами полицейскіе) начали стрѣлять. Упали въ разныхъ мѣстахъ ни въ чёмъ неповинные прохожіе, частью даже не имѣвшіе ни малѣйшаго желанія участвовать въ демонстраціи и случайно проходившіе по своимъ дѣламъ.

Примѣненіе отнестрѣльного оружія отнюдь не оправдывалось положеніемъ дѣла. Несомнѣнно ту толпу, кото-

рая ходила по Невскому, можно было разсъять несравненно более невинными средствами. Опасного для «существующего строя» въ ней не было ровно ничего.

Въ аналогичныхъ случаяхъ, напр., французская полиція не прибѣгаетъ даже къ палкамъ.

Поэтому раздавшіеся вдругъ выстрѣлы невольно наводили на мысль, что кому то было желательно довести дѣло именно до кроваваго столкновенія.

Охотно даешь вѣру свѣдѣніямъ о томъ, что самые «безпорядки» были инсценированы правительствомъ.

Говорили мнѣ и въ Петербургѣ и въ Стокгольмѣ, что они были согласованы во время знаменитыхъ свиданій столь прославившагося русскаго министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова съ германскимъ агентомъ Фонъ-Люциусомъ въ стокгольмскомъ Грандъ-Отелѣ.

Намѣчалось, будто бы, что, ссылаясь на угрозу революціи, русское Императорское правительство потребуетъ отъ союзниковъ согласія на заключеніе имъ сепаратнаго мира.

Если принять эту версію, то поведеніе властей въ Петербургѣ въ первые дни революціи становится вполнѣ понятнымъ. Чтобы легенда о революціонной опасности стала вѣроятной, надо устроить въ дѣйствительности «маленькую революцію», а для сего — произвести уличную стрѣльбу, хотя бы въ ней и не было никакой надобности.

Безъ такой задней мысли, даже и глупое русское правительство не могло бы начать стрѣльбу въ памятные дни конца Февраля — для нея не было никакихъ показаний даже съ чисто полицейской точки зрѣнія. *Tакie* беспорядки бывали въ Петербургѣ не разъ и всегда они ликвидировались безъ стрѣльбы.

Но тутъ сбылись евангельскія слова о подъявшихъ мечъ.

Уже въ первый день произошель случай острого неповиновенія войскъ: на Знаменской площади казакъ зарубилъ полицейскаго пристава, распоряжавшагося стрѣльбой. Самая же стрѣльба явно намѣренно со стороны стрѣлявшихъ оказывалась почти безрезультатной (вѣдь за время всей первой русской революціи убитыхъ въ Петербургѣ оказалось менѣе двухсотъ).

На другой день произошло еще болѣе яркое нарушение дисциплины. Волынскій полкъ, отказавшись стрѣлять по мирнымъ гражданамъ, вышелъ на улицу передъ казармами и оттуда, по случайному совѣту одного изъ рядовыхъ, направился къ Таврическому дворцу — мѣсту засѣданій Государственной Думы. Тамъ въ это время собрались и члены Думы, и уцѣльвшіе отъ полицейскаго разгрома послѣ первой революціи члены революціонныхъ партій. Въ городъ устремились съ окраинъ рабочіе. Въ Думу стали приходить разрозненные части другихъ полковъ. Только черезъ два дня, послѣ долгихъ переговоровъ съ Родзянкой пришелъ въ полномъ составѣ во главѣ съ командиромъ Преображенскаго полка — надежда династіи.

Кончились «безпорядки», началась «революція».

Но въ нее все еще весь продолжали не вѣрить.

Въ этотъ моментъ пришелъ въ Думу Высочайшій указъ о роспускѣ Думы.

Говорилось внослѣдствіи часто, что Дума отказалась разойтись. Это весьма неточно.

Дума ли не собралась, какъ таковая.

Члены Думы, по полученніи указа, собрались въ *частное* совѣщаніе для обсужденія положенія дѣлъ, становившагося все болѣе грознымъ.

Члены правыхъ партій уже отсутствовали, но и остальные не проявляли никакой склонности къ рискованнымъ решеніямъ. Во всякомъ случаѣ мое предложеніе

перейти изъ «полуциркульного» зала въ залъ общихъ со-
браній и тѣмъ самыемъ офиціально установить фактъ не-
подчиненія формально выраженной волѣ монарха, не имѣ-
ло ровно никакого успѣха, хотя я тутъ-же пророчество-
валъ: «Вы боитесь отвѣтственности? Но отъ отвѣтственно-
сти Вы не уйдете, а достоинство свое уроните безвозврат-
но».

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ, между
прочимъ, прославившійся впослѣдствіи своимъ радика-
лизмомъ министръ Некрасовъ выступалъ съ предложені-
емъ учрежденія какого то пятичленнаго Комитета съ ни-
кому неизвѣстнымъ генераломъ Маниковскимъ во главѣ,
было, наконецъ, рѣшено образовать «Временный коми-
тетъ для поддержанія порядка и для спопенія съ органи-
зациями и лицами» изъ 12 членовъ Думы.

Самая длиннота названія Комитета нарочито подчер-
кивала его нереволюціонность.

Уже во время преній въ засѣданіе ворвался офицеръ — начальникъ войскаго караула съ просьбой о защите противъ толпы солдатъ, студентовъ и рабочихъ, плотнымъ кольцомъ обступившихъ Дворецъ и желавшихъ «снять» карауль.

Толпа вошла во Дворецъ и расположилась въ Екате-
рининскомъ и Кругломъ залахъ. Начался митингъ, не-
прерывно продолжавшійся нѣсколько дней и ночей. Ска-
зался сразу великий грѣхъ русской интелигенціи, столь
дорого впослѣдствіи стоившій Россіи — поплы рѣчи, рѣ-
чи и рѣчи. Говорили безъ отдыха, до потери голоса, и ни-
кто не думалъ, что надо же начать дѣйствовать.

Толпа стала постепенно приводить представителей
старого режима. Примыкавшій къ засѣданію Думы «ми-
нистерскій» павильонъ, въ которомъ раньше члены Пра-

вительства собирались передъ выступлениями въ Думъ, былъ превращенъ въ арестное помѣщеніе.

Однимъ изъ первыхъ былъ приведенъ Предсѣдатель Государственного Совѣта, бывшій министръ Юстиціи, всесвѣтно прославившійся по дѣлу Бейлиса, И. Г. Щегловитовъ.

Я тутъ же замѣтилъ, что половина сдѣлана: изъ правительства вынуты мозги. Это былъ несомнѣнно не только вреднѣйший, но умнѣйший изъ совѣтниковъ Николая.

Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, хотѣль, было, взять его подъ свое покровительство, но Керенскій, въ это время съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе становившійся кумиромъ толпы, отстранилъ Предсѣдателя. Произошла патетическая сцена, когда присяжный повѣренный, только что собиравшійся идти подъ судъ того же Щегловитова за послѣднюю свою думскую рѣчь, арестовывалъ именемъ народа бывшаго Генераль-прокурора.

Старое правительство еще продолжало собираться, хотя глава его, ничтожнѣйший кн. Голицынъ, уже подалъ со страху въ отставку. О его душепнастроеніи можно судить по одной маленькой подробности, которую добродушно передавалъ одинъ изъ этихъ бывшихъ министровъ: «когда мы засѣдали въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, то вдругъ потухло электричество. Что тутъ за шумъ и гамъ пошелъ, что тутъ вообще произошло, я ясно себѣ не представляю. Но зато, когда электричество вновь зажглось, то я вполнѣ ясно усмотрѣль себя сидящимъ подъ столомъ, вмѣстѣ съ другими министрами».

Разумѣется, не съ такимъ настроениемъ бороться съ революціей и бывшіе г.г. министры начали разбѣгаться. Министръ Юстиціи Добровольскій сѣль въ бѣсть въ Итальянское Посольство. Впослѣдствіи онъ самъ сдался и

быть отправленъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и сидѣть по настоящеѣ время. За этимъ господиномъ числится дѣла чисто уголовнаго характера и ему не избѣжать катоги при любомъ режимѣ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Протопоповъ, спрятался, было, у весьма популярнаго въ Петербургѣ знатокя Бадмаева, но потомъ самъ пріѣхалъ въ Думу и сдался Керенскому, котораго онъ, ко всеобщему смѣху, привѣтствовалъ при этомъ титуломъ Ваше Высокопревосходительство. Протопоповъ тоже въ Петропавловскѣ и умираетъ отъ прогрессивнаго паралича. Министръ Земледѣлія Риттихъ спрятался такъ, что до сихъ поръ о немъ нѣтъ никакихъ свѣданій. Министры иностраннѣхъ дѣлъ Покровскій и Путей Сообщенія Войновскій-Кригеръ не были даже и арестованы. Послѣдняго я только задержалъ на нѣсколько дней въ его же собственномъ кабинетѣ въ Министерствѣ, чтобы охранить его отъ возможныхъ экзекуцій со стороны толпы. Покровскій авторитетный финансистъ и настолько уважаемый человѣкъ, что поговаривали даже о возможности включенія его въ коалиціонный кабинетъ въ качествѣ министра финансовъ. Теперь онъ избранъ предсѣдателемъ Правленія Сибирскаго Банка. Министръ Путей Сообщенія Кригеръ — Войновскій вернулся въ частное желѣзнодорожное дѣло и состоитъ предсѣдателемъ Правленія богатѣйшей желѣзной дороги на Югъ Россіи — Владикавказской. Министръ Торговли сперва спрятался, а затѣмъ объявился въ роли приказчика у извѣстнаго и въ Америкѣ Норвежско-руссаго пароходчика Іонаса Лида. Это такое ничтожество, что его даже арестовать не хотѣли.

Въ Государственной Думѣ тѣмъ временемъ продолжались рѣчи.

Я многократно обращался ко многимъ вліятельнымъ членамъ Думы, въ томъ числѣ къ Предсѣдателю Думы

Родзянко, къ Керенскому, къ Чхеидзе, Некрасову и другимъ съ указаніемъ на то, что это — занятіе совершенно бесплодное и небезопасное, что пора уже брать власть въ руки, иначе Царь можетъ собраться съ силами, прислать войска съ фронта и быстро подавить все движение, что захватъ власти всего легче осуществить черезъ занятіе Министерства Путей Сообщенія, которое обладаетъ своей собственной телеграфной сѣтью, неподчиненной Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Однако мои указанія не встрѣчали сочувствія и лишь 28-го утромъ Предсѣдатель Думы на мое повторное обращеніе нѣсколько даже взволнованнымъ тономъ отвѣтилъ: «такъ если это необходимо, пойдите и займите».

Въ отвѣтъ на это я вынуль изъ кармана заготовленное уже мною воззваніе къ желѣзнодорожникамъ и предложилъ Предсѣдателю его подписать, а также порученіе отъ Комитета Государственной Думы занять Министерство Путей Сообщенія.

Характерно, что въ обращеніи этомъ слова: «старая власть пала», которыми оно начиналось, Родзянко замѣнилъ словами: «старая власть оказалась безсильной» — настолько еще въ это время въ Думѣ не вѣрили, что революція уже совершилась и къ прошлому возврата нѣть. Родзянко такъ и сказалъ: «Какъ можно говорить «пала»? Развѣ власть пала?».

Тѣмъ временемъ вокругъ Думы творилось нѣчто неизобразимое. Вся улица передъ Дворцемъ была забита грузовыми автомобилями, полными солдатъ. Толпа стояла такая, что было трудно пробиться. Вѣдь въ Думѣ быль центръ всего, туда несли все: и захваченное на станціи серебро, и пулеметы, и какія то огромныя несгораемыя кассы, и ружья безъ конца, и ручныя гранаты. Какие то матросы принесли даже мину Уайтхеда. Динамита было

столько, что если бы въ зданіе попалъ снарядъ, то вѣроятно отъ него ничего бы не осталось. Недаромъ великий князь Кириллъ, который привелъ въ Думу свой гвардейскій экипажъ, недолго засидѣлся въ Думѣ. Покосился, покосился на валявшіяся вокругъ ручныя гранаты и ушелъ домой.

Въ невѣроятнѣйшемъ шумѣ и толкотнѣ стоило великаго труда добиться отъ Военной Комиссии Государственной Думы назначенія въ мое распоряженіе пары грузовиковъ съ солдатами. Третій грузовикъ я уже самъ взялъ на улицѣ и, на легковомъ автомобилѣ во главѣ этой своеобразной арміи изъ солдатъ разныхъ частей безъ одного офицера, я отправился въ походъ на государственную власть Россіи. *)

По городу шла въ это время непрерывная пальба изъ ружей и пулеметовъ — работали поразсаженные по чердакамъ молодцы Протопопова.

Обѣзжая особенно «бойкія» мѣста, добрались мы наконецъ до Министерства.

Я разставилъ часовыхъ у всѣхъ дверей, а самъ, во главѣ толпы солдатъ, направился въ кабинетъ Начальника Управленія желѣзныхъ дорогъ и потребовалъ къ себѣ старшихъ чиновъ вѣдомства.

Встрѣча мнѣ была оказана, какъ я и предвидѣлъ, самая сердечная. Старшій Товарищъ Министра, инж. И. Н. Борисовъ*) протянулъ мнѣ руку со словами: «Ну слा-

*) Остальные министерства были заняты сутками и болѣе позже.

*) Кстати напомню, что незадолго до революціи закончила свои труды работавшая подъ предсѣдательствомъ инжен. И. Н. Борисова и при ближайшемъ моемъ участіи особая комиссія изъ правительственныйыхъ чиновниковъ и представителей различныхъ общественныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ по выработкѣ, согласно предложенной мною идеи, такъ называемаго «плана сѣти», т. е. списка дорогъ, которыхъ подлежать сооруженію въ ближайшіе годы, чтобы съ одной стороны удовлетворить назрѣвшія нужды страны, а съ другой стороны —

ва Богу. Наконецъ то! А мы Васъ еще вчера ждали».

И действительно, было самое время кому нибудь становиться во главѣ вѣдомства. Движеніе начинало разваливаться. Начальникъ Сѣверо Западныхъ ж. д. Ф. М. Валуевъ быль убитъ. Начальникамъ службъ угрожали тѣмъ же. Служащіе начинали разбѣгаться. Спасти положеніе могли только спокойныя,увѣренныя, распоряженія изъ центра.

Второй Товарищъ Министра, Козыревъ, извѣстный своей реакціонностью, однако, тоже обѣщалъ полное содѣйствіе, оговорившись только, что онъ ничего не предприметъ противъ священной особы Государя.

Такъ состоялось завладѣніе государственной машиной, покинутой старыми хозяевами.

Безропотно подчинились старшіе, съ великой радостью — младшіе. Впослѣдствіи линіи меня прямъ засыпали выраженіемъ своего восторга отъ переворота и готовно-

создать мощный, согласованный въ своихъ частяхъ единый желѣзно-дорожный аппаратъ, въ которомъ ни одна часть не препятствовала бы, по недостатку мощности, работѣ остальныхъ частей. Теперь, когда Америка рѣшила ввести, по примѣру Россіи, объединенное руководство работою дорогъ, ей слѣдуетъ подумать о созданіи аналогичной комиссіи изъ специалистовъ дѣла. Если этой комиссіи и не слишкомъ много будетъ труда по установленію списка еще недостающихъ линій въ столь богатой дорогами странѣ, какъ Америка, то зато придется много потрудиться надъ раздѣленіемъ линій на разряды въ зависимости отъ ихъ мощности и тѣхъ требованій на перевозки, которыхъ къ нимъ будутъ предъявляться при установленіи планомѣрного раздѣленія перевозокъ между дорогами, по сведенію въ одну монопольнуюмагистраль столь многочисленныхъ въ Америкѣ параллельныхъ линій, идущихъ зачастую на десятки миль рядомъ, безъ всякой пользы для населенія, но съ совершенно ненужными расходами для дорожевладѣльцевъ, по разработкѣ вопросовъ о конечныхъ станціяхъ и, особенно, по устраненію этихъ ужасныхъ пересѣченій въ уровняхъ, столь понижавшихъ провозную способность Американскихъ дорогъ. Въ Россіи по однопутнымъ дорогамъ мы пропускаемъ до 21 пары въ сутки, а по двухпутнымъ до 48 паръ. На Американскихъ дорогахъ обѣ этомъ и думать нельзя и въ значительной мѣрѣ изъ за пересѣченій въ уровняхъ.

сти удвоить, утроить свои усилия на благо родины. Но какъ недолго все это длилось!

Первымъ моимъ дѣломъ было отправить по всей стѣти сообщеніе желѣзнодорожнымъ служащимъ о совершившемся и призывъ къ великой работе на пользу свободной отнынѣ страны. Я писалъ имъ: «Государственная Дума знаетъ, что только величайшимъ напряженіемъ энергіи каждого желѣзнодорожника можно восполнить недостаточную техническую мощность нашего желѣзнодорожного аппарата, разрушенаго плохимъ хозяйствомъ старого режима. Родина ждеть отъ Васъ болыне, чѣмъ исполненія долга. Она ждеть отъ Васъ подвига».

Вторымъ дѣломъ было узнать: гдѣ Царь.

Оказалось, что онъ только что дѣлалъ попытку пробраться въ Петербургъ по Николаевской ж. д. (соединяющей Петербургъ съ Москвой), но, доѣхавъ до ст. Тосно, узнать тамъ, что Николаевскій вокзалъ въ Петербургѣ въ рукахъ революціонныхъ войскъ, и повернуль обратно въ Бологое въ надеждѣ, обогнувъ Петербургъ съ Юга, проѣхать въ Царское Село по Виндавской или Сѣверо-Западнымъ ж. д. Я сейчасъ же отдалъ распоряженіе, чтобы его не выпускали съвернѣе линіи Бологое-Пековъ, разбирая рельсы и стрѣлы, если онъ вздумаетъ проѣзжать насильно. Одновременно я воспретилъ всякое движеніе воинскихъ поѣздовъ ближе 250 в. отъ Петербурга.

Но оказалось, что эти мѣропріятія были уже не нужны. Какъ миѣ внослѣдствіи передавали лица Царской свиты, какъ только царь узналъ, что на сѣти командую я, а вокзалъ Николаевской ж. д. занять какимъ-то невѣдомымъ поручикомъ Грековымъ, онъ какъ-то сразу сдался. *).

*) Въ то же время я сдѣлалъ попытку войти въ сношенія съ великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, въ то время Намѣстникомъ на Кавказѣ. Для этого я ему телеграфировалъ: «Въ виду исключительной стратегической важности скорѣйшаго окончанія Чер-

Правда, онъ еще дѣлалъ попытки вступить въ перегоры въ Предсѣдателемъ Государственной Думы, просилъ его пріѣхать къ нему на встречу, но это уже была агонія.

Предсѣдатель Г. Думы еще колебался,ѣхать ли ему, или нѣть. Я даже держалъ для него подъ парами три экстренныхыхъ поѣзда на каждой изъ прилегающихъ къ Петербургу дорогъ.

номорской ж. д. и въ виду обнаруженной Главнымъ инженеромъ этой дороги явной неспособности ускорить постройку полагалъ бы его удалить и назначить Главнымъ инженеромъ лично мнѣ извѣстнаго чрезвычайно энергичнаго строителя, обладающаго опытомъ въ скорой постройкѣ дорогъ, инж. Перлова. Испрашуваю на это назначеніе согласія Вашего Высочества. Комиссаръ Государственной Думы Бубликовъ». Великій Князь понялъ ловушку и стала запрашивать Ставку, какъ ему поступить, ибо по существу онъ-де совершенно согласенъ съ Бубликовымъ, но не знаетъ, какъ ему сноситься съ такимъ новымъ должностніемъ лицомъ. Не знаю, отвѣтъ ли Ставки или демонстраціи передъ Дворцомъ, вызванныя моей депешей жеизнорожникамъ, убѣдили въ необходимости меня прѣиздавать, но черезъ два дня я имѣлъ уже отвѣтъ Великаго Князя.

Впослѣдствіи въ ловушку, устроенную ему Временнымъ Правительствомъ, Великій Князь уже попался. Онъ получиль назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ, выѣхалъ отъ претанной ему Кавказской арміи, по дорогѣ получиль распоряженіе Временнаго Правительства о его смѣщенії. Это была все та же боязнь контрѣ-революціи и несомнѣнно интересъ арміи тутъ приносили въ жертву. Великій Князь несомнѣнно напшелъ бы въ себѣ больше энергіи противупостоять развалу арміи, чѣмъ ген. Алексѣевъ. Всего вѣроятнѣе онъ, прежде всего, перешелъ бы въ наступленіе, не дожидаясь лѣта, да и Калушъ и Тарнополь при немъ не прошли бы безнаказано и этотъ позоръ русской арміи, если бы и произошелъ, то былъ бы имъ смытъ.

Ужасъ береть, когда вспоминаешь объ этомъ постыднѣйшемъ епизодѣ русской истории. Особенно когда знаешь твердо, что въ эти самые дни Австрія готовилась сдаваться. Богемія была наканунѣ бунта, Галиційскіе поляки въ парламентѣ открыто говорили, что они знаютъ откуда придется удовлетвореніе ихъ национальныхъ стремлений и не желаютъ терять время и энергію на переговоры съ австрійскимъ правительствомъ. Даже австрійскіе офицеры въ Вѣнѣ, не стѣсняясь громко говорили: «Ну теперь — конецъ! Больше мы воевать не можемъ!» И вѣдругъ...

Сбылось Гинденбурговское предсказаніе о нервахъ.

Но событія назрѣвали быстро. Захвативъ думскія помѣщенія, осколки революціонныхъ партій 1905 г., какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе въ Петербургѣ, спѣшно формировали Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, разумѣется совершенно самочинно, безъ какого либо подобія выборовъ, и Совѣтъ этотъ съ каждымъ часомъ поднималъ голову, становился требовательнѣе.

Еще въ ночь съ 1 на 2-е Марта Милюковъ на вопросъ: «какова же будетъ программа новаго министерства?» отвѣчалъ: «ну конечно программа блока!». (Блокъ называлось весьма умѣренное соглашеніе всѣхъ думскихъ партій, кромѣ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, созданное усилиями Милюкова въ цѣляхъ парламентарной борьбы съ Царскимъ министерствомъ).

А черезъ два часа въ засѣданіе Думскаго Временнаго Комитета явился представитель Совѣта Стекловъ и сталъ требовать полнаго отреченія и республики.

Я телеграфировалъ Дворцовому Коменданту, легендарному ген. Воейкову: «передайте Его Величеству, что Предсѣдатель Государственной Думы по измѣнившимся обстоятельствамъ пріѣхать не можетъ».

Поехалъ въ Псковъ не Родзянко, а Гучковъ и Шульгинъ, и не для соглашенія, а съ требованіемъ отреченія.

Имъ не пришлось убѣждать Императора. Онъ его нашли уже покорнымъ народной волѣ, съ готовымъ текстомъ акта отреченія въ рукахъ.

Надо, впрочемъ, признать, что и попытка сопротивленія, была бы почти безнадежна. Въ это время мое обращеніе къ железнодорожникамъ съ извѣщеніемъ о начавшейся революціи облетѣло уже всю Россію и всюду встрѣчено было взрывомъ энтузіазма. Даже попытка не сразу объявить служащимъ мое обращеніе была сдѣлана только однимъ Начальникомъ Южныхъ дорогъ. Черезъ день уже

вся Россія знала отъ жельезнодорожниковъ, что Государственная Дума встала во главѣ революціи и царству Николая II пришелъ конецъ.

Одной изъ основныхъ чертъ характера семьи Романовыхъ является ихъ лукавство. Этимъ лукавствомъ проникнуть и весь актъ отреченія.

Во первыхъ, онъ оставленъ не по фромѣ: не въ видѣ манифеста, а въ видѣ депеши Начальнику штаба въ Ставку.

При случаѣ это — кассационный поводъ.

Во вторыхъ, въ прямое нарушеніе основныхъ законовъ Имперіи Россійской, онъ содержитъ въ себѣ не только отреченіе Императора за себя, на что онъ конечно имѣлъ право, но и за наслѣдника, на что онъ уже опредѣленно никакого права не имѣлъ.

Цѣль этого беззаконія очень проста. Права наслѣдника этимъ нисколько по существу не подрывались, ибо по бездѣтномъ и состоящемъ въ мorganатическомъ бракѣ Михаилѣ, въ пользу которого отрекся Николай, все равно автоматически имѣть вступать на престолъ Алексѣй. Но зато на время безпорядковъ съ него какъ бы снимался всякий odium, какъ съ отрекшагося отъ своихъ правъ.

Какая иронія судьбы! Этотъ актъ самонизложенія монарха пришлось получать изъ его рукъ двумъ убѣжденымъ монархистамъ — Гучкову и Шульгину.

И они продолжали не вѣрить, что революція совершилась, что въ Россіи нѣть и больше быть не можетъ монарха.

Гучковъ, пріѣхавъ въ Петроградъ, смѣло пошелъ объявлять актъ отреченія въ мастерскія Сѣверо-Западныхъ дорогъ, не взирая на старателыя убѣжденія не дѣлать этого со стороны только что назначенного мною, на мѣсто убитаго Валуева, новаго начальника дорогъ —

Павловского, который хорошо знать, чѣмъ это кончится.

Рабочіе обступили Гучкова и, когда онъ, прочитавъ актъ отреченія, воскликнули: «да здравствуетъ Императоръ Михаилъ II», то рабочіе пришли въ страшную ярость и, закрывъ помѣщеніе мастерскихъ, проявили недвусмысленное намѣреніе актъ уничтожить, а Гучкова линчевать.

Лишь съ великими трудами удалось одному изъ моихъ агентовъ, присутствовавшему при этомъ, убѣдить рабочихъ, что недостойно было бы съ ихъ стороны убивать довѣрчиво пришедшаго къ нимъ человѣка, когда этому человѣку ничего не сдѣлалъ даже Николай.

Самый актъ потихоньку, съ задняго крыльца, увезли мои подчиненные съ вокзала ко мнѣ въ Министерство и я хранилъ его у себя въ кабинетѣ.

Вокругъ вопроса, поднятаго сразу рабочими Варшавскіхъ мастерскихъ, разгорѣлась страшная борьба.

Рѣшеніе въ первую голову зависѣло отъ самого Михаила.

Къ нему отправилась на частную квартиру на Миллонной депутація изъ въ членовъ Государственной Думы, по три изъ числа защитниковъ принятія имъ престола и адвокатовъ полнаго отречения также и Михаила гъ пользу Учредительнаго Собранія. (Набоковъ, Милковъ, Шульгинъ, Керенскій, Некрасовъ и еще одинъ, котораго фамилію я забылъ).

Не трудно было сторонникамъ второго рѣшенія привлечь Михаила на свою сторону. Онъ никогда не выражалъ желанія царствовать, даже когда былъ наследникомъ (до рождения Александра) и тѣмъ менѣе могъ онъ прельститься этой перспективой въ столь трудное время.

«Уговоры» не заняли долгаго времени. По крайней мѣрѣ я скоро, всего черезъ нѣсколько часовъ, вслѣдъ за

первымъ отреченіемъ получиль и второе и мы приступили къ ихъ печатанію. Эта лестная обязанность пала на типографію Министерства Путей Сообщенія, ибо всѣ другія типографіи въ городѣ не работали (кромѣ одной типографіи Нового Времени, печатавшей бюллетень, издаваемый думскими журналистами), а рабочіе министерской типографіи были съ утра мною задержаны именно въ виду предстоявшаго печатанія манифестовъ *).

Еще до отреченія Михаила уже былъ составленъ новый кабинетъ.

Составъ его былъ слѣдующій:

Министръ-Предсѣдатель, онъ же Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кн. Г. Е. Львовъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ членъ Гос. Думы П. Н. Милюковъ.

Министръ Юстиціи чл. Гос. Думы А. Ф. Керенскій.

Министръ Военный и Морской А. И. Гучковъ.

Министръ Финансовъ М. И. Терещенко.

Министръ Земледѣлія, чл. Госуд. Думы А. И. Шингаревъ.

Министръ Путей Сообщенія членъ Гос. Думы Н. В. Некрасовъ.

*) Любопытная подробность. Совѣтъ Министровъ получивъ отреченіе Михаила, обсуждать въ Таврическомъ Дворцѣ, въ такой формѣ его опубликовать. Кн. Львовъ предложилъ начать его съ обычныхъ: «Божію Милостію, Мы Михаилъ II....» и только присутствовавшіе (?) въ этомъ засѣданіи Совѣта Министровъ, мои сотрудники по Министерству Путей Сообщенія, инж. Ю. В. Ломоносовъ и прислов. Е. Ф. Сѣдельниковъ, отправленные мною за актомъ отреченія, возстали противъ этой попытки смутить народъ какимъ-то невѣдомымъ ему Императоромъ Михаиломъ и объяснили кн. Львову, что народъ знаетъ Великаго Князя Михаила Александровича, а никакаго Михаила II не знаетъ. Такимъ образомъ лишь благодаря внимательству случайныхъ лицъ не была сделана еще одна нелѣпость. Характерный образчикъ безпомощности кн. Львова.

Министръ Торговли и Промышленности членъ Гос. Думы А. И. Коноваловъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія проф. Мануйловъ.

Государственный Контролеръ членъ Госуд. Думы И. В. Годневъ.

Оберъ-Прокуроръ Святейшаго Синода членъ Госуд. Думы В. Н. Львовъ.

Общая черта всѣхъ этихъ новыхъ министровъ была, что все это были люди «хорошіе», честные, благожелательные, искренне преданные родинѣ, почти сплошь хорошие ораторы, но въ дѣлѣ государственного управлѣнія совершенныи новички. Если еще хотя кн. Львовъ и Гучковъ стояли въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ во главѣ большихъ общественныхъ учрежденій — Земскаго Союза первый и Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета второй, и Коноваловъ былъ наследственнымъ фабрикантомъ (его мануфактура — первая по времени учрежденія въ Россіи), то всѣ остальные никогда ни съ какимъ практическимъ дѣломъ ничего общаго не имѣли.

Это былъ въ существѣ не Кабинетъ Министровъ, имѣвшій управлять великой страной въ отвѣтственнѣйшій моментъ ея исторіи, а нѣкій семинаръ государственного управлениія.

Всѣмъ приходилось, прежде всего, учиться, потому что знали они въ сущности только одно дѣло — говорить рѣчи и критиковатъ чужую работу.

По политической окраскѣ кабинетъ былъ опредѣленно кабинетомъ «кадетскаго засилія» и не соотвѣтствовалъ политической обстановкѣ, опредѣлившейся уже къ моменту его образованія.

Изъ 11 министровъ 4 — Милюковъ, Шингаревъ, Некрасовъ и Мануйловъ офиціально состояли членами ка-

детской партіи, а два—кн. Львовъ и Коноваловъ, хотя и числились прогрессистами, но были къ ней весьма близки. настолько, что Львовъ передъ революціей даже состояль официа́льно членомъ партіи, и лишь вышелъ изъ нея по какому то пустяковому разногласію, а Коноваловъ наоборотъ вступилъ въ партію послѣ выхода своего въ отставку изъ министровъ.

Далъе въ кабинетъ входили 2 члена совершенно мифической партіи октябристовъ—Гучковъ и Годневъ и одинъ даже правъе октябристовъ—членъ такъ называемой партіи центра, В. Н. Львовъ.

Объ эти партіи были въ свое время измыщлены правительствомъ для созданія видимости правительственаго большинства въ Думѣ и никакихъ корней въ странѣ не имѣли. Лучшее тому доказательство, что послѣ революціи эти партіи ровно ничѣмъ не обнаружили своего существованія.

Любопытно отмѣтить, что «правые» В. Н. Львовъ и И. В. Годневъ держали себя въ кабинетѣ неизмѣнно лѣвѣе кадетъ и являются виновниками многихъ нелѣпыхъ дѣйствій первого Временного Правительства.

Лѣвыя партіи были представлены только однимъ А. Ф. Керенскимъ, социалистомъ-революционеромъ по партийной принадлежности.

Наконецъ, совершенно исключительный по курьезности элементъ правительства являль собой новый министръ финансовъ—М. И. Терещенко.

Абсолютно нельзя объяснить, кого онъ представляль въ кабинетѣ, такъ же какъ никогда послѣ нельзя было добиться, кто его «выдумаль» — всѣ откращивались, и Родзянко, и Гучковъ, и Милюковъ*).

*) Когда я сказалъ Гессену, соредактору «Рѣчи», что честь изобрѣтенія Терещенка приписывается П. Н. Милюкову, то онъ мнѣ живостью отвѣтилъ: «Это клевета на Милюкова!».

Молодой человѣкъ со стажемъ маленькаго чиновника по балетной части, никому въ Россіи не извѣстный, въ финансахъ ровно ничего не смыслящій, онъ, однако, только одинъ съ Керенскимъ умудрился удержаться на министерскомъ посту — сперва финансовъ, а затѣмъ иностранныхъ дѣлъ — вплоть до большевистскаго переворота.

Его управление вѣдомствомъ носило весьма своеобразный характеръ. За 3 мѣсяца, что онъ стоялъ въ главѣ Министерства Финансовъ, онъ ни разу не удосужился принять докладъ отъ Директора Департамента Государственного Казначества — этого главнаго бухгалтера Государства Россійскаго! Изъ высшихъ чиновъ вѣдомства смѣнился только одинъ Товарищъ Министра А. И. Николаенко — за смертью. Во главѣ Государственнаго Банка продолжалъ стоять И. П. Шиповъ, у котораго хватало лояльности самому громогласно удивляться, какъ это могутъ *его* (!) держать при новомъ Правительствѣ.

Въ то время, когда поддержаніе финансовъ государства являлось дѣломъ первѣйшей важности, мы побоялись, страха ради іудейска передъ улицей, поставить во главѣ вѣдомства авторитетнаго банкира, или экономиста-практика, и предпочли взять юношу безъ всякихъ знаний и безъ опоры въ странѣ. Естественно, что для «укрѣпленія» своего «завоеванія революції» — министерскаго портфеля — онъ долженъ былъ начать съ первого же дня раздачу государственныхъ средствъ, — вѣдь надо же было быть «пріятнымъ». И раздача началась. Закладывался фундаментъ будущаго краха. Ни одной финансовой реформы не было проведено, ни даже, намѣчено. Въ области практики финансовой, Министерство Финансовъ «не замѣтило» такого явленія, какъ захватъ русскихъ банковъ и промышленности отдѣльными лицами. Стакѣевъ и Ко. контролируетъ свыше 50 предпріятій и 4 банка (Русско-

Азіатскій, Петербургскій Частный, Соедин. и частью Волжско-Камскій), Ярошинскій имѣеть тоже 4 банка (Русскій Торгово-Промышл., Русскій для вѣнчаней торговли, Кіевскій частный и, почти, Петербургскій Международный) и свыше 350 миллионовъ «долгу» въ нихъ. Денисовъ — владѣлецъ Сибирскаго банка. Животовскій — Ростовскаго, Немировскій — Воронежскаго, и т. д. Явленіе — новое для Россіи и, казалось бы, не лишенное интереса для Министра Финансовъ, но Терещенко и не подумать подвергнуть его официальному и всестороннему разслѣдованию и изученію — какъ оно должно отразиться на интересахъ национального хозяйства. Биржа не была открыта и этимъ съ одной стороны, затруднилась реализація Займа Свободы, а съ другой — сдѣлалась невозможной нормальная переоцѣнка промышленныхъ бумагъ на новый, обезцѣненный рубль. Теперь, благодаря этому, нѣмцы скучать русской промышленной акціи по баснословно низкимъ цѣнамъ (ш, разумѣется, постѣ этого отмѣнять большевистскую «национализацию»). Съ Займомъ Свободы запоздали на добрый мѣсяцъ, не использовали весь энтузіазмъ первыхъ дней революціи и дождались, пока буржуазія уже успѣла перенестись безудержной агитацией крайнихъ-тѣхъ, а эти послѣдніе — додумались до агитациіи противъ Займа Свободы.

Въ публикѣ за Терещенкой закрылась образная кличка «жениха съ состояніемъ». Объясняется она тѣмъ, что онъ — молодъ, красивъ и отъ отца, известнаго на югѣ сахарозаводчика, унаследовалъ состояніе въ десятки миллионовъ.

Это было анекдотическій элементъ кабинета.

Но положительнымъ его несчастьемъ было самъ Министръ-Предсѣдатель, кн. Г. Е. Львовъ. Вѣчно растерянный, вѣчно что-то забывшій, ничего не предусматривающій, постоянно старающейся всемъ угодить, всемъ быть

пріятнимъ, ищущій глазами, кому бы еще уступить, какой бы еще выдумать компромиссъ, онъ быль, какъ бы ходячимъ символомъ беэ силія Временного Правительства.

Необходимой по переживаемому моменту властности въ немъ не было и помину. Наоборотъ, онъ весь точно пропитанъ быль непротивленствомъ.

Это ему мы въ значительной мѣрѣ обязаны всемирно прогремѣвшей исторіей съ захватомъ дачи Кипесинской, въ которой беизадено утонулъ престижъ власти Временного Правительства, да, пожалуй, и всякой власти на Руси вообще, и психологически подготовилось пришествіе большевиковъ.

Это онъ всегда, на всѣ предложенія разогнать эту банду силой отвѣчалъ: «нѣть, пусть они начнутъ! Пусть, не на насъ надеть вина въ пролитіи крови!» И эта боязнь крови заставляла отказываться отъ всякаго дѣйствія тамъ, гдѣ быть можетъ, было достаточно простого брандшойта, или даже одного энергичнаго окрика (недаромъ вѣдь большевистскую репетицію 3-го юля прикончилъ дождь). Боялись капель крови, а ея пролилось и прольется еще цѣлое море, потому что страна, переставъ уважать власть и бояться ея, впала въ анархію.

Но нельзя особенно за это винить кн. Львова и его кабинетъ. У нихъ есть серьезнѣйшее оправданіе.

Русская интеллигенція, уже десятки лѣтъ созрѣвшая для участія въ политической жизни страны, но недопускаемая правительствомъ до нормальной, здоровой, политической борьбы, уже давно поддалась искушенню перенести политический споръ въ область морали.

Она доказывала — и дѣйствительно доказала и своей странѣ и всему миру — что русская самодержавная власть имморальна, ибо держится она только насилиемъ.

Трудно, поэтому, было русской интеллигенціи, когда

власть неожиданно свалилась ей въ руки, сразу же начать примѣнять принужденіе — силой заставлять непокорныхъ исполнять велѣнія власти.

Экспериментъ управления при помощи одного убѣжденія былъ для русской интеллигентіи психологически неизбѣженъ.

Но за кн. Львовыемъ были еще и другіе грѣхи, въ которыхъ онъ не имѣеть уже никакого оправданія.

Этого человѣка уже два года называли въ качествѣ «общественного» кандидата на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и, однако, къ моменту революціи у него не оказалось даже готоваго списка новыхъ губернаторовъ, ни даже непосредственныхъ сотрудниковъ.

Своимъ первымъ Товарищемъ, фактическимъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ взялъ первого подвернувшагося подъ руку сотрудника по Земскому Союзу — Д. М. Щелкина, вѣчно заспаннаго, совершенно безцѣннаго юношу, притоднаго, развѣ, для составленія журналовъ засѣданій по несложнымъ вопросамъ, каковую роль онъ до того и исполнялъ въ Канцеляріи Государственной Думы.

Немудрено, если съ такимъ сотрудникомъ дѣятельность кн. Львова сразу пріобрѣла анекдотический характеръ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Министра было смѣщеніе всѣхъ губернаторовъ и градоначальниковъ. Но такъ какъ своего списка кандидатовъ не было, то былъ примѣненъ слѣдующій «оптовый» пріемъ: губернаторами и градоначальниками были назначены соответственные предсѣдатели земскихъ управъ и городскіе головы.

При этомъ было упущено изъ вида, что эти «выборные» по закону должности на дѣлъ въ подавляющемъ числѣ случаевъ были замѣщены или прямо по назначению

губернаторовъ, или такими «земскими» людьми, которые для губернского «начальства» были завѣдомо «пріемлемы», т. е. попросту болѣе или менѣе реакціонны. Въ результатѣ, чиновники 1-го сорта были замѣнены такими же чиновниками, но только 2-го сорта.

Иногда же подобный пріемъ уиравления приводилъ къ прямому скандалу. Такъ, напр., въ Одессѣ былъ случайно весьма приличный градоначальникъ — Сосновскій и уже совершиенно неприличный городской голова Пеликанъ — извѣстный на всю Русь глава мѣстной черной сотни, абсолютно непавидимый населеніемъ, человѣкъ, которому за многія дѣла единственное мѣсто было-тюрьма.

И вотъ такой-то человѣкъ оказался градоначальникомъ Одессы волею революціоннаго Русскаго Правительства!

Мудрено ли, что на мѣстахъ поспѣшили поскорѣе отѣлаться отъ подобныхъ агентовъ центральной власти и приступили повсемѣстно къ выбору губернскихъ «комиссаровъ» на мѣсто львовскихъ горе-губернаторовъ.

Если къ этому прибавить, что уже въ первые дни революціи всюду была разогнана вся наружная и секретная полиція, а создававшаяся кое-гдѣ милиція была въ подчиненіи у мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, то оказывается, что въ нѣсколько дней въ Россіи быть уничтоженъ весь аппаратъ власти и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ тѣхъ порь занималось лишь составленіемъ, по полу-чавшися со всѣхъ концовъ телеграммамъ, весьма изящныхъ картограммъ аграрныхъ и иныхъ беспорядковъ въ странѣ, да посыпаниемъ отвѣтовъ, что оно лишено возможности что либо сдѣлать и обратилось къ содѣйствію военныхъ властей.

На Руси, въ сущности, не стало никакой власти. А между тѣмъ потребность во власти сильной чувствовалась всѣми, и раныше, и постѣ. Даже у Керенскаго она выра-

зилась въ его «страшной» реторикѣ на Московскомъ Со-вѣщаніи. Но это уже была только реторика безъ всякой возможности реального осуществленія. Слушатели слушали и невольно думали: «пужаетъ, а не страшно».

Такимъ то способомъ кн. Львовъ даже и материально подготовилъ будущее торжество большевиковъ.

Какимъ же, дѣйствительно, образомъ всякая власть, будь она коалиціонная, или не коалиціонная, и въ любой странѣ, могла бы сопротивляться первой же попыткѣ насилия надъ ней, если у нея не имѣлось никакого аппарата для воздействиія на непокорное меньшинство?

Между тѣмъ, въ Россіи имѣлась еще и специальная причина, по которой требовалась безконечно сильная власть.

Эту причину выяснить уже болѣе лѣтъ тому Монтескье въ своемъ *Esprit des lois*. Онъ тамъ выводить законъ, по которому каждому пространственному размѣру государства соответствуетъ опредѣленная форма правлениія, и нельзя, безнаказанно для формы правлениія, мѣнять размѣры государства и, безнаказанно для размѣровъ его, — мѣнять форму правлениія. По скольку, говорить онъ, государству малому приличествуетъ форма правлениія республиканская, а государству размѣровъ среднихъ — монархія, постольку государство огромное токмо деспотіемъ цѣлости удерживаться можетъ*)

*) Весьма популярное возраженіе противъ мысли Монтескье состоить въ томъ, что онъ не предусматривалъ возможности еще одного рѣшенія, которое будто бы, нашла Америка. Она существуетъ при всѣхъ ея огромныхъ размѣрахъ, не превращаясь, однако, въ деспотію. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи легко убѣдиться, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ первый же разъ, когда ихъ страна подверглась экзамену какъ государство, немедленно же, инстинктомъ дѣловыхъ людей, учуяли, въ какомъ направлениі надо начать строить свою государственную власть. Началось неизроятие увеличеніе силы и власти Президента. Я думаю очень

Поэтому не только все государство мыслящее въ Россіи, но весь народъ въ совокупности какимъ то здоровымъ инстинктомъ всегда рвался къ этой сильной власти. Я думаю, что и успехъ большевиковъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что въ нихъ учили людей, склонныхъ создать именно сильную власть.

А Временное Правительство кн. Львова не только не утвердило твердую власть, но уничтожило даже саму возможность ея утверждения.

Поэтому то я и считаю кн. Львова прямо человѣкомъ фатальнымъ для русской свободы.

Русскому народу, помимо того, что русское государство было силою сколочено изъ многочисленныхъ, довольно разнородныхъ, частей и, слѣд., только известной долей силы могло быть удержано въ цѣлости, сильная власть была нужна еще и по мотивамъ психологическимъ.

Русские люди за долгіе годы, когда имъ отказывали въ правѣ на активное участіе въ устроеніи судебъ родной страны, чрезвычайно привыкли къ бозопрѣтвенной оппозиціи, къ политической воркотнѣ и фрондерству. Свою нелюбовь къ власти самодержавной они неминуемо должны были перенести и на всякую власть вообще.

Надо было предусматривать, что еще долгое время всякая власть на Руси будетъ носить въ себѣ источникъ своей смерти въ день своего рожденія. Всякаго человѣка будутъ переставать любить и начнутъ критиковать и ему сопротивляться, кзакъ только онъ возьметъ власть въ руки и только за то, что онъ — власть.

Съ этимъ душенастроениемъ русскихъ людей (вполнѣ,

недалеко то время, когда въ его рукахъ будетъ сосредоточена такая власть, которой позавидовалъ бы любой Артабсерксъ. Эта власть не имѣть дикихъ выражений, она умѣряется общественнымъ мнѣніемъ, но это не мѣшаетъ ей быть безъ-ответственной, дискреціонной и централизованной въ одномъ человѣкѣ.

кстати сказать, уживающимся съ яснымъ *сознаниемъ* необходимости сильной власти) необходимо было самымъ настойчивымъ образомъ бороться, съ одной стороны, путемъ энергического творчества въ духѣ народныхъ желаній, а съ другой — путемъ не менѣе энергического подавленія всякихъ попытокъ къ непослушанію волѣ страны со стороны отдельныхъ лицъ и грушъ.

А кн. Львовъ занять позицію упорнагоничегонедѣланія и непротивленія.

Итогъ его дѣятельности, съ удивительнымъ сарказмомъ и остроуміемъ, подвелъ шопулярный въ Петроградѣ юмористический журналъ «Сатириконъ». Въ «министерскомъ» № этого журнала, гдѣ были болѣе или менѣе удачно высмеяны всѣ министры, кн. Львовъ изображенъ въ видѣ мраморной фигуры, сидящей на тронѣ. Подпись на монументѣ: «Кн. Львову за благонравіе и безвредность». Поясненіе къ картинѣ гласить: «Личность легендарная. Говорить, будто бы былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Будто..!

Не надо было обладать большими даромъ прорицателья, чтобы предугадать, что изъ этого всего получится.

Поэтому, когда 3-го Марта ко мнѣ въ Министерство пріѣхалъ вновь назначенный Министръ Путей Сообщенія Некрасовъ и сталъ меня уговаривать сотрудничать съ нимъ въ качествѣ его товарища, пока ему удастся — вѣроятно въ ближайшемъ же будущемъ — убѣдить Совѣтъ Министровъ назначить его министромъ безъ портфеля, то я постарался уклониться отъ этой чести.

Главнымъ моимъ мотивомъ было то, что, по моему глубокому убѣжденію, съ *такимъ* предсѣдателемъ Временное Правительство должно будетъ свалиться черезъ какихъ нибудь два мѣсяца, увлекши въ свое мѣсто паденія и кадетскую партию — единственную, на которую Россія еще могла надѣяться.

Неизбѣжность прохождения Россіей періода увлече-
нія крайними политическими и соціальными ученіями
вырисовывалось для меня уже тогда вполнѣ ясно.

Поэтому, сдавъ черезъ нѣсколько дней Министерство
Некрасову, я закончила свое участіе въ правительствен-
ной дѣятельности.

Всюминная теперь эти 6 дней и ночей безпрерывной
работы, я думаю что я могу ими гордиться.

Желѣзнодорожники, увлеченные моимъ призывомъ и
личнымъ примѣромъ, работали дѣйствительно богатырями.

Не взирая на свирѣпствовавшіе въ дни революціи по
всей Россіи небывалые заносы, наша сѣть работала какъ
никогда. Въ Петербургъ, напр., подавалось до 2000 ваго-
новъ, чего не бывало ни до, ни послѣ революціи.

Благодаря этому, Петербургъ въ дни борьбы не испы-
таль голода. Тешерь, когда этого не произошло, трудно да-
же себѣ представить, что бы было въ обратномъ случаѣ.

Милліонной желѣзнодорожной арміи сразу же была
привита единственная спасительная для всего будущаго
Россіи мысль, что спасеніе страны, спасеніе собственного
благополучія лежитъ только въ величайшемъ напряженіи
труда народнаго и ни въ чемъ другомъ.

И люди со восторгомъ несли этотъ трудъ на бла-
го своей отнынѣ свободной родины.

И какъ все это потомъ измѣнилось!

Что дѣлали въ это время другіе важнѣйшіе на Руси
факторы?

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ за эти дни
усиѣль родить свой знаменитый «приказъ № 1». съ кото-
рого пошло разрушеніе нашей арміи, паденіе виѣшняго
престола государства и исчезновеніе всякой внутренней
безопасности, и дѣятельно работать надъ созданіемъ сво-
ихъ развѣтвленій по всей странѣ. Словомъ, готовился къ

захвату власти въ будущомъ. Пока же онъ опредѣленно занять позицію печальной памяти «Звѣздной палаты», т. е. безответственнаго закулиснаго органа, фактически ведущаго государственную политику за спиной, якобы, полномочнаго отвѣтственнаго лишь передъ всѣмъ народомъ Кабинета.

Временное Правительство ... начало свою дѣятельность съ того, что, обойдя мотча этотъ проклятый приказъ прикрыло его своимъ авторитетомъ, вѣрнѣе, сразу поставило себѣ въ подчиненное въ отношении Совѣта положеніе.

Первый шагъ къ разрушенію русской государственности прошелъ безъ протеста со стороны новой государственной власти. Русская интеллигентія, составившая эту власть, такъ привыкла въ царскія времена только ворчать на культурно и государственно-разрушительныя дѣйствія императорскаго русскаго правительства, а не бороться съ ними, такъ и теперь ограничилась только тѣмъ, что понегодовала на безумное, самоубийственное для Россіи дѣйствіе новаго пана, но не сдѣлала ни малѣйшей попытки серьезно бороться съ анархическимъ духомъ приказа, даже внося дѣйствія, руками Политавова и Гучкова (!), постаралась придать ему quasi закономѣрный видъ.

Политически болѣе зрѣлымъ людямъ было, однако, уже тогда ясно, что этотъ приказъ — начало конца. Я помню, какъ представитель французской арміи на кавказскомъ фронте, доблестный полковникъ Шардини, съ рыданіемъ спрашивалъ: «Зачѣмъ это? Вѣдь это — конецъ Россіи!»

И вѣрно: il n'y a le premier pas qui coute.

Дальнѣйшее разрушеніе русской государственности ишли уже гладко.

И что удивительнаго, что Россію раздѣленную, растерзанную взаимнымъ недовѣріемъ и ненавистью, немцы теперь берутъ голыми руками? Tu l'as voulu.....

Не понимаю я также, чего обвиняютъ большевиковъ въ томъ, что они «лишили» Россію арміи. Развѣ большевики писали «приказъ № 1»? Развѣ они положили прочное основаніе дѣлу уничтоженія русской арміи? Развѣ большевики смолчали передъ Калушемъ и Тарнополемъ? Наоборотъ, большевики грабителей, насильниковъ и мородеровъ, насколько слышно, разстрѣливаютъ даже безъ суда.

Земства и города ... усиленно «демократизировались», но къ сожалѣнію, заполнялись при этомъ людьми, весьма мало пригодными для реальной работы, но зато весьма склонными къ неудержимой раздаче земскихъ и городскихъ средствъ безъ всякихъ соображеній съ ихъ доходнымъ бюджетомъ.

Началось разрушеніе культурной работы десятильгтій, работы, которой, съ полнымъ основаніемъ, гордилась Россія и которой удивлялись иностранцы. Ненавистный царскому правительству земскій «третій элементъ» частью разогнанъ, частью разбрѣжался самъ. То, что не удавалось Плеве и Маклаковымъ, то съ легкимъ сердцемъ довольно быстро сдѣлали преобразованія земскія и городскія самоуправленія.

Государственная Дума утвердивъ, черезъ свой Временный Комитетъ, первый составъ Совѣта Министровъ, какъ бы почила отъ дѣла. Она не собиралась даже и въ частныя совѣщанія. Часть членовъ ушла въ министры и въ товарищи министровъ, часть уѣхала на мѣста въ качествѣ комиссаровъ или по личнымъ дѣламъ. Играть какую либо роль она и не пыталась. Тѣмъ болѣе, что въ это время была создана теорія, по которой вся государственная власть въ Россіи преемственно сосредоточилась въ рукахъ Временного Правительства, и Г. Дума, какъ таковая, даже и собираясь не имѣть права. На этомъ

особенно настаивалъ П.Н.Милюковъ. Это не помѣшало ему въ послѣдствіи, послѣ ухода въ отставку, прийти въ частное совѣщеніе этой же Думы жаловаться на нѣмецко-совѣтскую интригу, жертвою которой онъ, будто бы, палъ. Несомнѣнно, что только усилиемъ Милюкова Дума обязана тѣмъ, что ею не было сдѣлано даже малѣйшей попытки какъ нибудь вліять на ходъ событій. Вѣдь не на заявленія же В. Н. Львова, что кн. Львовъ получилъ власть изъ рукъ самодержавнаго Царя Михаила II и передъ Думой не отвѣтствененъ, обращали вниманіе, когда Думу не созывали и не дѣлали попытокъ и ее демократизировать по тому методу, по которому деморатизировались Городскія Думы и Земства, хотя бы черезъ включеніе всѣхъ «неправыхъ» членовъ первыхъ трехъ Думъ? Постепенно Дума лишалась всякаго значенія, всякаго вліянія на ходъ событій. Думскій Комитетъ замкнулся въ узкій кругъ дѣль по распределенію пожертвованій, поступавшихъ въ Думу, и лишь въ самое послѣднее время, когда событія стали уже явно угрожающими, Дума стала пытаться высказывать свое мнѣніе. Но ея безсилie, отсутствіе всякой опоры въ странѣ, начало чувствоватьться съ первого дня. Поэтому всѣ раздавшіеся впослѣдствіи крики противъ «контрреволюціонной» Думы и требованія ея разгона являлись результатомъ просто напуганнаго воображенія крайнихъ партій. Дума медленно незамѣтно умирала. Агонія ея началась еще въ послѣдніе дни Февраля, когда она не проявила мужества открыто и смѣло стать во главѣ движенія, взять его въ свои руки. Еще весной, къ немалому негодованію моихъ думскихъ коллегъ, я позволилъ себѣ въ газетномъ интервью высказать, что Дума — это политический трупъ, который ничто уже не можетъ гальванизировать.

Дѣйствительность, увы, оправдала мое предсказаніе.

Політическія партії начали всероссійскую партійную грызню, натравливаніе всѣхъ противъ каждого и каждого противъ всѣхъ, прошовѣдь классової и всякой інной ненависти.

Въ дни, въ которые требовалась консолідація всѣхъ силъ націи, когда надо было, цѣнной взаимной уступчивости, сгруппироваться вокругъ одного знамени и порѣшить съ первѣйшей и важнѣйшей національной задачей — поскорѣе прикончить войну, чтобы затѣмъ перейти къ другимъ задачамъ государственного творчества, началась изступленная пропаганда всякаго разъединенія. Послѣдующая прошовѣдь гражданской войны была только дикарски прямолинейнымъ выводомъ изъ посѣвовъ, сдѣланныхъ въ первые дни (Еще бы, вѣдь во всѣхъ книжкахъ сказано, что въ культурномъ государствѣ требуется партійная борьба и существуютъ классовая противорѣчія, такъ развѣ можно хотя на день отложить ихъ выявление и обостреніе?).

Слова: Россія, родина, отечество — стали почти не-приличными и изъ употребленія на митингахъ были совершиенно изъяты. Можно было «спасти революцію», но «спасти Россію» — это было уже нечто контрреволюціонное.

И Россія, коренная Россія, словно обомлѣла передъ этимъ натискомъ всевозможныхъ наглецовъ. Съ вѣками выработанной привычкой къ повиновенію и уступчивости передъ каждымъ окрикомъ, она терпѣливо сносила это всенародное оплеваніе. Можно было безнаказанно выкинуть плакать «да здравствуетъ Германія», какъ это было сдѣлано въ Бѣлоостровѣ возвращающимся на родину «спасителями», но едва-ли кто рискнулъ бы, да и смогъ бы безопасно пройти по Невскому съ плакатами «Да здравствуетъ Россія». «Все для Родины», «Долой ненависть». «Да

здравствуетъ единеніе и любовь всѣхъ безъ изъятія русскихъ людей»!

19-го марта собрался въ Москвѣ первый Всероссийскій Съездъ Союза Торговли и Промышленности. Составъ его былъ весьма демократическій. Это не была европеизированная петербургская буржуазія, а простые, немудрящіе купцы изъ разныхъ россійскихъ захолустій — почти «хозяйственные мужички», а не купцы. На ихъ лицахъ отпечатывалось політійшее недоумѣніе передъ тѣмъ, что происходитъ, передъ этимъ оплеваніемъ и отрицаніемъ родины. И надо было видѣть ихъ неподѣльный восторгъ, ихъ слезы, ихъ крики безъ конца, когда послѣ долгихъ и не всегда для нихъ понятныхъ рѣчей, я обратился къ нимъ съ простыми словами русского человѣка, «осмѣлился» заговорить о любви къ Россіи, о необходимости *ей* послужить въ первую голову, а не чему либо другому. Когда я призывалъ ихъ стѣной стать «зародину». Если бы кто видѣлъ этихъ плачущихъ людей, обнимавшихъ меня, хотя бы того древняго старика, что бросился цѣловать миѳ руку, тотъ можетъ быть понять бы, сколько лжи, сколько противорѣчія всей русской натурѣ, было, въ проповѣди ненависти. Но..... на любовь и самоожертваніе тогда не было моды. Кошмарные тогда переживала Россія дни и надо было, чтобы начали ее гнать по кускамъ, чтобы проснулись здоровыя чувства, чтобы даже шартийные болтуны заговорили о необходимости спасти Россію и революцію, перестали замалчивать и забывать ее, многострадальную родину — мать.

Пресса сразу же раздѣлилась на двѣ части. Одна стала систематически заподозривать каждый шагъ Временнаго Правительства, другая, — такъ же систематически замалчивать его грѣхи, и неизвѣстно еще, что было вреднѣе.

Демагогія Некрасова вызывала крайнее негодование «буржуазныхъ» журналистовъ весьма различныхъ отънковъ, но на вопросъ, почему же это негодование не отражается на листахъ газетъ, отвѣчали неизмѣнно: напръ *mot d'ordre* — поддерживать Временное Правительство. Лишь много времени спустя, уже послѣ того, когда даже Церетели рѣзко разошелся съ Некрасовымъ въ пониманіи прерогативъ Министра и его подчиненныхъ, появились, наконецъ, статьи противъ Некрасовской демагогіи и то, кажется, только въ однихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Замалчивали все. Не трогали даже нелѣпаго Мануйлова, хотя въ газетной средѣ имѣло большой успѣхъ *mot* одного изъ журналистовъ: «въ моихъ глазахъ Кассо*») оправданъ, ибо онъ выгналъ Мануйлова изъ Московскаго Университета. Это, эй Богу, не было ни глупо, ни вредно для Россіи».

Впрочемъ, г.г. Министрамъ газетъ и некогда было читать. Одни, какъ напр., Коноваловъ, работали такъ, что едва урывали 4—5 часовъ на сонъ, другіе носились съ митинга на митингъ, и..... у х а ж и в а л и. Петербургъ — великий сплетникъ и амурный похожденія нѣкоторыхъ изъ Министровъ не мало способствовали паденію престижа власти. Конечно, все это частная жизнь, но, «публика» любить быть очень строга къ старшимъ и хочетъ, чтобы «излюбленные» люди были, какъ жена Цезаря. Прессы отвѣчала этому настроенію и долгое время не появлялось въ Петербургѣ, не только что каррикатуръ на Министровъ, но даже и почтительной критики. Считалась непозволителынмъ *такихъ* людей затрогивать. Нѣкоторыхъ же, какъ Керенскаго, возвели на такой пьедесталь, что не могла у него не закружиться голова.

Едва ли можно признать, что пресса, особенно буржуазная, была на высотѣ исторической своей задачи.

*.) Ультрапроякціонный Министръ Народнаго Просвѣщенія при Николаѣ II.

Что дѣлать въ это время Царь?

Царь, къ великому моему удивленію, отправился изъ Пскова въ Ставку. Какъ только я получилъ справку о назначеніи въ Могилевъ для литературного поѣзда "А", въ которомъ Царь путешествовалъ по Россіи, я немедленно же телефонировалъ Гучкову, съ согласія котораго это, конечно, только и могло произойти, чтобы выскажать ему свое недовѣріе и опасеніе, какъ бы Царь въ Ставкѣ не вздумалъ организовать сопротивленіе. Но Гучковъ спокойно отвѣтилъ: «Онъ совершенно безвреденъ».

И дѣйствительно, онъ совершенно добросовѣстно подчинился своей участіи. Послѣднее его приказаніе было ген. Иванову, который пытался прорваться въ Петербургъ съ двумя эшелонами георгіевскихъ кавалеровъ — прекратить сопротивленіе и подчиниться новой власти.

Но все таки разрѣщеніе уволенному въ отставку Царю свободно разѣзжать по странѣ, направляясь къ войскамъ, среди которыхъ могли оказаться и преданныя ему, все это не казалось страннымъ съ первого взгляда.

Мотивомъ же согласія на это со стороны Гучкова могло быть только его величайшее — и демонстративное — презрѣніе къ ничтожной личности Николая II.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ такихъ «тонкихъ» чувствъ разумѣется раздѣлять не могъ и сталъ требовать его ареста.

13-го числа марта меня вызвали, сперва къ Родзянко, а затѣмъ въ Совѣтъ Министровъ и предложили, совмѣстно съ 3 другими членами Г. Думы, отправиться въ Могилевъ, арестовать тамъ Царя и доставить его въ Царское.

Первымъ моимъ движеніемъ было отказаться отъ этой «почетной» роли. Слишкомъ мнѣ претило разыгрывать изъ себя тюремщика. Но затѣмъ, поразмысливъ, я

рѣшилъ принять порученіе. Минъ представлялось, что другое лицо на моемъ мѣстѣ (я Ѳхалъ въ качествѣ предсѣдателя) пожалуй не воздержится отъ искушения проявить въ чёмъ либодѣ свою «власть» надъ бывшимъ Царемъ, а всякая даже непочтительность по его адресу, въ моемъ пониманіи, легла бы пятномъ не на него, а на молодую русскую свободу. Вѣдь всякая выходка въ отношеніи человѣка, передъ которымъ еще вчера дрожали 180 миллионовъ человѣкъ, слишкомъ бы уже напомнила извѣстную басню Крылова. А въ тѣ дни русская революція мыслилась еще какъ нечто чрезвычайно красивое.

Надо было, стѣдовательно, выяснить свои задачи и устанавливать цѣлый рядъ положеній. Засѣданіе Совѣта Министровъ произвело на меня впечатлѣніе чрезвычайной безтолковщины, многоговоренія и отсутствія предусмотрительности.

Этими качествами отличались, впрочемъ вѣдь засѣданія Временнаго Правительства. Напр., серьезный (?) вопросъ о закрытіи Шахескало корпуса и обѣ устройствъ на его мѣстѣ, Садовой николы пралорицкіи отнялъ у Совѣта Министровъ 3 часа. При этомъ многие министры постоянно бѣгали къ телефону спрашиваться съ мнѣніями и настроеніями Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Понятно, что и вопросъ обѣ арестѣ Царя потребовалъ длительного обсужденія, тѣмъ болѣе, что и представленіе онъ быть Совѣту Министровъ въ совершенно сыромъ видѣ, какъ голая мысль.

Самый актъ ареста рѣшено было наименовать—объявленіемъ Царя «лишеннымъ свободы». На мой вопросъ, какъ его именовать въ третьемъ лицѣ и при обращеніи, будетъ таковое потребуется, рѣшили именовать: «бывшимъ императоромъ», а относительно титулованія при личномъ обращеніи, поколебавшись немного между Вашимъ Высочествомъ и Вашимъ Величествомъ, останови-

лись на постѣднемъ, однако безъ прибавленія слова Императорское.

Понутно выяснилось, что Царь обращался къ Временному Правительству съ тремя просительными пунктами: 1) обѣ обезпечениіи ему безопаснаго проѣзда изъ Могилева до Царскаго, 2) обѣ охранѣ его во время пребыванія въ Царскомъ и 3) обѣ обезпечениіи его проѣзда на Мурманъ и въ Англію.

Рѣшено всѣ три просьбы удовлетворить и вписать обѣ этомъ въ постановленіе Совѣта Министровъ, коимъ Царь объявлялся личнымъ свободы.

Когда я выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы по только что открытой для движения Мурманской ж. д. удалось пропустить весьма тяжелый Императорскій поѣздъ, то Министръ Путей Сообщенія весьма наивно отвѣтилъ, что тогда придется подождать до весны. Пришло миѣ ему разъяснить, что весной уже павѣрное не придется, вообще, проѣхать по этой дорогѣ, ибо, я на весьма значительномъ протяженіи не будетъ даже и существовать, сейчасть же она держится только тѣмъ, что на ней работаетъ дорожный мастеръ «морозъ». Министръ поспѣшилъ согласиться, что на дорогѣ что-то неладно и обѣщалъ послать на нее высшаго чиновника вѣдомства для осмотра.

Попросивъ Министра о назначеніи миѣ къ вечеру экстрѣннаго поѣзда по Витѣдавской ж. д., я удалился изъ Совѣта Министровъ.

Вопросъ о приставленіи къ арестованному царю стражи и отъ отобраніи у него шпаги такъ и остался не обсужденнымъ, ибо я молча рѣшилъ этихъ церемоній не продѣлывать.

Когда вечеромъ я приѣхалъ на вокзалъ, то оказалось, что наша «секретная» миссія разоблачена, ибо наше встрѣтила цѣлая толпа журналистовъ съ просьбою пустить ихъ въ поѣздъ.

Посовѣтовавшись, мы рѣшили имъ этого не разрѣшать. Однако, одинъ изъ нихъ, с сотрудникомъ «Рѣчи» оказался не менѣе энергичнымъ, чѣмъ его американскіе коллеги и умудрился какъ то пробраться въ служебное отдѣленіе.

Съ утра наше путешествіе стало превращаться въ триумфальное шествіе. По линіи наша поѣздка стала известна, насы встремляли на каждой станціи толпы железнодорожныхъ служащихъ и населенія, говорились привѣтственные рѣчи, раздавались крики «ура». Я старался отвѣтить, хотя въ сутокъ безъ сна и съ постоянными разговорами по телефону давали себя знать — и почти лишился голоса.

Въ Могилевъ мы прибыли тоже подъ общіе крики «ура».

Сейчасъ же мы отправились на автомобиляхъ въ городъ къ Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго — ген. Алексѣеву.

Считая, что бывшему Императору будетъ легче получить приказъ обѣ арестъ изъ рукъ болѣе ему близкаго, военного человѣка, я просилъ ген. Алексѣева принять на себя эту миссію и мы отправились, послѣ короткой бесѣды, обратно на вокзалъ.

Императорскій поѣздъ лит. «А» стоять по правую сторону промежуточной платформы. Напротивъ его, по другую сторону платформы стоять Императорскій поѣздъ лит. «М» — вдовствующей императрицы-матери Маріи Феодоровны, только что прибывшей изъ Киева, чтобы проститься съ сыномъ.

Бывшій Императоръ находился у матери. На платформѣ сновали лица свиты. Почему то счѣль нужнымъ подойти ко мнѣ и представиться герцогъ Лейхтенбергскій, бывшій командиръ эскадры миноносцевъ на Черномъ морѣ. Затѣмъ подошелъ лейбъ хирургъ проф. Федо-

ровъ. Мне невольно бросилось въ глаза, что у него на погонахъ выцарапанъ вензель Николая. Впослѣдствіи оказалось, что это — только на погонахъ шальто. Еще бы вѣдь надо было идти пить чай къ бывшему хозяину. Пр. Федоровъ выразилъ желаніе передать мнѣ кое-что со словъ иностраннѣхъ агентовъ при Ставкѣ и я его пригласилъ прийти въ пути ко мнѣ въ вагонъ, который я тѣмъ временемъ приказалъ прицѣпить къ Императорскому поѣзду. Когда потомъ проф. Федоровъ пришелъ ко мнѣ въ вагонъ, то оказалось, что на его тужуркѣ вензеля въ цѣлости. По прїѣздѣ я повезъ проф. Федорова къ Предсѣдателю Гос. Думы, чтобы онъ самъ ему доложилъ сообщенные мнѣ свѣдѣнія. Въ Гос. Думѣ проф. Федоровъ въ ожиданіи, пока его приметъ Предсѣдатель Гос. Думы, поспѣшилъ сбѣгать въ уборную и тамъ выцарапалъ вензеля и на тужуркѣ. Я рассказываю этотъ глупый эпизодъ какъ образчикъ того, какъ ближайшіе къ бывшему Царю лица спѣшили хамски-попшло отъ него отмежеваться. На обратномъ пути нась осаждали депутаты отъ императорскаго конвоя, отъ поѣздной желѣзнодорожной бригады и даже отъ придворныхъ лакеевъ и поваровъ съ выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ по отношенію къ революціи и съ просьбою передать Г. Думѣ собранная между собой неболышня суммы «на дѣло свободы». Но рекордъ хамства впослѣдствіи побила Гофмаршальская Часть, которая обратилась къ Комиссару по дѣламъ бывшаго Кабинета Его Величества, члену Гос. Думы И. В. Титову, съ запросомъ, давать ли съ фермы молоко дѣтямъ бывшаго Императора. Это болыньмъ то дѣятѣмъ своего бывшаго повелителя!.

Вотъ уже по истинѣ, какъ у Островскаго: «Позвольте мнѣ для Васъ какую нибудь подлость сдѣлать».

Конечно, Николай II слишкомъ многое сдѣлалъ, чтобы отвратить отъ себя сердца своихъ подданныхъ, но

всеже ничто не оправдываетъ этихъ приближенныхъ къ нему лицъ, всю жизньъ пользовавшихся его милостями, въ ихъ стремлениі поскорѣе отмежеваться отъ своего бывшаго бартина въ дни постигшаго его несчастья.

Съ дѣйствительнымъ достоинствомъ держать себя только Оберъ-Гофмаршаль Высочайшаго Двора, князь Долгорукій, который, кажется, и по сей часъ не оставилъ бывшаго Царя.

Б. Министра Императорскаго Двора гр. Фредерикса и пресловутаго Дворцоваго Коменданта ген. Воейкова, знаменитаго автора «Куваки»—скверной ключевой воды, которую бывшій Министръ Путей Сообщенія, С. В. Рухловъ, чтобы имѣть «руку» при Дворѣ, всучивалъ насилиемъ русскимъ путешественникамъ на всѣхъ станціяхъ и въ вагонахъ-ресторанахъ, въ Ставкѣ уже не оказалось. Они уѣхали еще раньше нашего приѣзда и были впослѣдствіи арестованы въ дорогѣ.

Изъ лицъ Государевой свиты мы рѣшили не брать съ собою только адм. Нилова, пользовавшагося дурной славой въ народѣ. Когда я его потребовалъ къ себѣ, то предо мной предсталъ, руки по швамъ, старикъ съ лицомъ пропойцы и трясущимися руками и тихимъ голосомъ отвѣчалъ по военному: «слушаюсь».

Онъ былъ просто жалокъ этотъ старикъ, который, однако, тоже имѣлъ на совѣсти не мало зла, принесенного Россіи. Онъ тоже былъ членомъ той банды, которая десятилетіями старалась деморализовать и душить страну и въ результатѣ дала намъ эту Россію безъ характеровъ, безъ грамотныхъ и честныхъ гражданъ, а лишь до предѣла озлобленныхъ за долгіе годы страданій людей.

Въ окнѣ вагона Императрицы виднѣлся ея силузтъ — женщины въ черномъ съ белымъ платкомъ у глазъ. Видно было, что они прощались.

Б. Императоръ выскоилъ изъ вагона Императрицы

на перронъ и быстрымъ, бодрымъ шагомъ пошолъ наискось къ своему вагону.

На лицѣ у него совершенно не отражались трагическая события, которые имъ переживались. Повидимому, всѣ скружающіе были больше взволнованы, чѣмъ онъ.

Въ живописномъ костюмѣ Собственнаго Его Величества конвоя въ лихо заломленной набекренъ папахѣ, съ закинутой назадъ головой, пронесся онъ по перрону, на ходу козыряя не болыпой, въ 2—3 десятка людей, кучкѣ, собравшейся къ тому времени на перронъ.

Бросился было къ нему пощѣловать его руку адм. Ниловъ, но онъ, не остановившись, съ видимой брезгливостью вырвалъ свою руку.

Вслѣдъ за Императоромъ въ вагонъ вошелъ ген. Алексѣевъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ обратно на перронъ съ постановлениемъ Совѣта Министровъ въ рукахъ, которое и вернуль мнѣ. Актъ объявленія б. Императора липченнымъ свободы состоялся.

Попрощавшись съ ген. Алексѣевымъ, я прошелъ въ свой вагонъ и приказалъ двигаться.

Люди на перронѣ — нѣсколько дворцовыхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ и 2—3 солдата — съ ген. Алексѣевымъ во главѣ молча провожали насъ глазами. И это молчаніе преслѣдовало насъ вплоть до Царскаго.... Только завиша меня у окна задняго салона-вагона, люди молча козыряли, или снимали шапки: народъ точно чувствовать, что везутъ мертвѣца.

Мы выѣхали изъ Могилева въ 4 ч. 45 м. вечера. Въ скорости въ императорской столовой былъ сервиранъ five o'clock tea. Мнѣ передавали потомъ, что за разговоромъ во время чая, между прочимъ, б. Императоръ сказалъ своимъ собесѣдникамъ; «Да, Вы знаете? я липченъ свободы»...

Чѣмъ это хуже знаменитаго «Rien!» въ дневникѣ Людовика XVI въ день взятія Бастиліи?

Кончается, цѣлая эпоха, рушится цѣлый міръ и вдругъ . . . пикантная новость: знаете?....

Что будеть написано въ концѣ концовъ въ новой главѣ русской исторіи, начавшейся въ памятные Мартовскіе дни — еще неизвѣстно. Но романовская 300-лѣтняя глава закончилась поражающе безцвѣтно.

Даже никакаго драматического момента.

Главное дѣйствующее лицо — какой то деревянный солдатикъ, на которомъ ничто не отражается.

Паденіе съ головокружительной высоты, вчера — возможность снести любую голову, сегодня — «лишеніе свободы», вчера — въ рукахъ рычаги не только русской, но міровой исторіи, сегодня — полное безсиліе и ничтожество, кругомъ — измѣна самыхъ близкихъ людей, крушеніе дѣла всей жизни, позоръ и . . . ни одинъ мускуль на лицѣ не дрогнетъ....

Ко мнѣ въ вагонъ пришелъ кн. Долгрукій съ просьбой разрѣшить отправить въ Царское Село двѣ депеши о высылкѣ на вокзалъ автомобилей и экипажей для багажа. Я помѣтилъ на депешахъ «передать разрѣшаю». Комиссарь Государственной Думы А. А. Бубликовъ».

Начальникъ Риго-Орловской дороги инж. Гейнрихсенъ принесъ мнѣ на просмотръ депешу на имя б. Императора отъ герцога Коннаутскаго. Я, не читая, приказалъ передать ее адресату.

Кн. Долгрукій спросилъ не пожелаемъ ли мы обѣдать. Я поблагодарилъ и отказался. Долгрукій ушелъ.

Обращался еще ко мнѣ съ просьбой гр. Модрвиновъ — чтобы остановили поѣздъ въ Гатчинѣ.

Торопились царскіе слуги поскорѣе съ нимъ разстаться. Послѣ, въ Царскомъ Селѣ ихъ не оказалось уже ни одного, кромѣ Долгорукаго. Императрица сама должна

была, въ роли сидѣлки, ухаживать за больными дѣтьми. Ни одна изъ «дамъ свѣта» не пожелала ей помочь.

Пришель въ вагонъ пр. Феодоровъ и стала разсказывать разныя сплетни изъ придворной жизни.

Одна изъ нихъ мнѣ запомнилась, какъ весьма характерная для личности Николая II.

Пришло въ эти дни, съ нарочнымъ, письмо къ нему сть Императрицы изъ Царскаго. Положеніе его дѣтей было очень опасное — корь въ такомъ возрастѣ, вѣдь болѣзнь очень серьезная. Поэтому, совершенно нельзя даже понять, для чего онъ, нѣжный отецъ, почти двѣ недѣли сидѣлъ въ это время въ Ставкѣ. Вѣроятнѣе всего, по инерціи — слишкомъ онъ привыкъ за послѣдніе годы прятаться туда отъ истерички-жены, постоянно закатывавшей ему грандиозныя сцены. По Петербургу даже циркулировало шуточное стихотвореніе, кончавшееся послѣ каждого куплета припѣвомъ:

«Царь же все ъездилъ изъ Царскаго въ Ставку».

Совершенно ясно, какой интересъ должно было представлять для него полученнное имъ большое письмо.

Однако, когда онъ началъ, было, его читать, то вдругъ замѣтилъ, что уже 10 ч. у. — время, полагающееся, по расписанію, на чаепитіе. И, отложивши письмо въ сторону, онъ до 11 час. пить чай!

Какое то каменное сердце!

У этого заводного человѣка, кажется, была одна только страсть, да и та пассивная, какъ пассивно было и его упрямство, это — зависть.

Здѣсь не разъ ослаблялись его задерживающіе центры.

Любопытный эпизодъ разсказывалъ гр. Витте. Когда намѣчалась поѣздка Царя во Францію, то, послѣ того какъ все было уже согласовано съ Французскимъ Правительствомъ и французскія газеты разболтали всѣ подробности

церемоніала пріема, оғь «вдругъ» уперся и заявилъ, что не поѣдетъ: Вѣроятнѣе всего, изъ за какихъ либо сообщеній заграницной секретной полицейской агентуры. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ бытъ въ отчаяніи. Звонить къ гр. Витте, съ ужасомъ разсказывая о томъ всеесвѣтномъ скандалѣ, который вызоветъ оттѣ отказъ отъ поѣздки, и прося помощи. Витте спокойно ему отвѣчаетъ, что онъ жъ завтрему это дѣло уладить. И дѣйствительно, на завтра Николай вѣзть назадъ свой категорической отказъ и вновь рѣшилсяѣхать.

Ламэрдорфъ (кажется, мнѣ память не измѣняеть) присталь къ Витте съ просьбой объяснить, какъ оғь добился этого «чуда». Витте отвѣчалъ: «очень просто! Я ему оказать, что, если рѣшеніе Его Величества не ѻхать непоколебимо, то придется французовъ, въ виду того, что дѣло получило слишкомъ болытую огласку, чѣмъ ипбудъ утѣшить и кого ипбудъ послать, напр., наслѣдника Михаила Александровича. Тогда онъ весьма быстро сообразилъ, что всѣ чествованія, овации и т. п. выпадутъ на долю Михаила, весь вспыхнуль и злынь тоюмъ отрѣзать: — нѣть, я самъ ипбду».

Звѣзда Столыпина, какъ никакъ крупнейшаго, послѣ Витте, человѣка на министерскомъ посту за все царствованіе Николая, несомнѣнно стала меркнуть уже задолго до его смерти и, не застигни его предательская пушля агента-охранника, оғь скоро уже бытъ въ отставкѣ. И единствено по той причинѣ, что онъ въ извѣстныхъ кругахъ, благодаря своему выдающемся ораторскому таланту, стала пользоваться слишкомъ болытою популярностью.

Б. Министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. Игнатьевъ единственный изъ Министровъ Николая пользозвавшійся всеобщими симпатіями, такъ прямо въ Думѣ и го-

гориль: «Господа, хвалите меня пожалуйства поменыше: вѣдь иначе выгонять».

Поразительно мелкая душа вырисовывается изъ этихъ мелкихъ фактовъ!

Вчера — Самодержецъ Всероссийский, сегодня — полковникъ Николай Романовъ, Николай Послѣдній, Николай Кровавый *) (послѣднее название послѣ болшевистской эры, едва ли за нимъ утвердится), онъ вѣрнѣе всего долженъ быть бы называться Николай Ничтожный.

Чего мы боялись? Передъ чѣмъ трепетали? Чему, одни, молились? Что, другіе, ненавидѣли?

Пустое мѣсто!

Утромъ мы уже были въ Царскомъ. Пока мы шли изъ своего вагона къ Царскому павильону, *) б. Царь уже успѣлъ выскочить изъ вагона, пробѣжать до автомо-биля, сѣсть и побѣхать во дворецъ.

Больше я его не видѣль.

*) Когда во время коронованія Николая II произошла известная Ходынская катастрофа (народъ, въ погонѣ за даровыми царскими угощениеми устроилъ давку, въ которой погибло иѣсколько сотъ че-ловѣкъ), то всѣ русскіе ясновидцы въ одинъ голосъ твердили: «кро-вавое будетъ царствованіе». И, оказывается, были правы. Я слы-шалъ въ дѣтствѣ объ одномъ еще болѣе замѣчательномъ предсказа-ніи. Мнѣ передавали, со словъ прадѣда, что Александру I знаменитая ворожея, дѣвица Ленорманъ, предсказала, что послѣ него три Имп-ратора взойдутъ на престолъ, того не ожидая (Николай I, Александръ III, и Михаилъ II), три умрутъ не своей смертью (Николай I отра-вился, Александра II убили революціонеры....), а черезъ 100 лѣтъ родъ Романовыхъ на престолѣ Россійскомъ прекратится. Довольно курьезная легенда?.

*) Между Петроградомъ и Царскимъ Селомъ устроена, вдоль Виндавской ж. д., для проѣзда царя, отдѣльная желѣзнодорожная вѣтка въ 16 миль длиною съ отдѣльнымъ вокзаломъ въ Петроградѣ и въ Царскомъ. Въ послѣднемъ вокзалѣ представляетъ собою преле-стное зданіе въ древне-русскомъ стилѣ. Стоила эта вѣтка много мил-лионовъ, но не является уже такой «безумной» роскошью. До ея со-оруженія проѣзды Царя, его родныхъ и приближенныхъ создавали беднѣу неудобствъ для публики, движение которой по Виндавской ж. д. весьма интенсивно.

Это была его последняя поездка на «императорском» автомобиль. Теперь на нихъ ѣздили члены Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Я приказалъ припѣтить къ моему вагону паровозъ и мы по «царской» вѣткѣ черезъ часъ прибыли въ Петербургъ и отправились въ Г. Думу для доклада Предсѣдателю объ исполненномъ порученіи.

Печальная судьба связала меня съ этимъ человѣкомъ.

28-го Февраля я первый взялъ изъ его ослабѣвшихъ рукъ государственную власть.

Ощути онъ тогда хотя малъйшій приливъ энергіи и я быль бы на висѣлицѣ.

Вѣдь въ Петербургѣ была такая неразбериха, Петербургскій гарнизонъ уже тогда быль настолько деморализованъ, на «верхахъ» такъ мало было толку, порядка и дѣйствительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизіи съ фронта, чтобы восстаніе въ корнѣ было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простымъ перерывомъ желѣзно-дорожного сообщенія съ Петербургомъ: голодъ черезъ три дня заставилъ бы Петербургъ сдаться. мнѣ это, сидя въ Министерствѣ Путей Сообщенія, было особенно ясно видно.

Какъ въ Октябрѣ могли безъ чьего либо сопротивленія прийти большевики, такъ въ Мартѣ могъ еще вернуться Царь. И это чувствовалось всѣми: недаромъ, вѣдь, въ Таврическомъ Дворцѣ нѣсколько разъ начиналась паника.

А 14 Марта я фигулярно выражаясь, вѣиваль послѣдній гвоздь въ его гробъ.

Въ Россїи можетъ быть все, можно вообразить себѣ еще многое, но не возможно одно: восстановленіе на тронѣ Николая II.

Даже въ корниловские дни, когда, компрометируя этого честного генерала, зашевелились въ Россіи монархисты и потихоньку начали мечтать о возможности реставрації, то и имъ ни одному не приходилъ на умъ Николай II.

И честь и слава Керенскому, что онъ во время убралъ его въ Тобольскъ. Если бы въ Ноябрьские дни толпа съ нимъ расправилась, то это легло бы величайшимъ и безсмысленнѣйшимъ позоромъ на свободную Россію.

«Оставимъ мертвыхъ хоронить своихъ мертвцевовъ».

Николай II — это политический трупъ, который никогда не возстанетъ.

Ибо нѣть для «такихъ» Христа.

Не нужны «такіе» народу даже въ дни самаго великаго отчаянія.

И не понадобится Россіи Николай, даже если нѣмцы въ союзѣ съ русскими большевиками и анархистами, скомпрометируютъ въ глазахъ народовъ идею демократіи, покажутъ народамъ наглядно, что «за царемъ надежнѣе».

Казалось бы, *теперь* можно было бы, наконецъ, увѣровать въ революцію, въ то, что она совершилась.

Однако, все послѣдующее показываетъ, что, въ корней, именно этой увѣренности то и не существовало.

Ибо ясно, что человѣкъ, дѣйствительно увѣренный въ существованіи извѣстнаго явленія, въ его прочности, не станетъ никогда предпринимать, для закрѣпленія этого явленія, шаги и дѣйствія, которыя, будучи, быть можетъ, весьма дѣйствительными и полезными въ данный моментъ, въ будущемъ неминуемо подорвутъ или уничтожатъ это самое явленіе.

Не станеть же, напр., человѣкъ, твердо убѣжденный въ прочности своего здороваья и крѣпости своего сердца, принимать, для подкрѣпленія силъ, морфій, сперминъ и т. п. специ, ибо онъ, если и взвинтять его энергию и рабо-

тоспособность на данный короткий промежутокъ времени, то зато въ будущемъ неминуемо подорвать въ корнѣ его здоровье.

Между тѣмъ, что происходило въ это время въ Россії?

Началась всеобщая «защита революціи», «закрѣпленіе» ея «завоеваній».

Для этого требовалось политическую аморфную, можно сказать совершенно аполитичную, безграмотную россійскую публику поскорѣе распространять и разобратъ по партийнымъ лавочкамъ.

Каждая партія на перебой старалась навербовать себѣ членовъ, нисколько не всматриваясь въ ихъ умственное и моральное содержаніе.

Въ это то самое время и народились «мартоўскіе» соціалисты, какъ ихъ презрительно называли «буржуи», или люди, у которыхъ было достаточно совѣсти, чтобы не примазываться къ соціализму изъ личныхъ выгодъ. Быстро усмотрѣвъ, что въ ближайшемъ будущемъ политический радикализмъ будетъ весьма ходкимъ товаромъ, эти quasi — соціалисты старались другъ друга перещеголять. крайностью своихъ «убѣждений».

Одинъ известный итальянскій депутатъ-соціалистъ, посѣтившій Россію постъ революціи, уѣзжая, резюмировалъ свои русскія впечатлѣнія такъ: «я конечно, какъ соціалистъ, не могу не радоваться успѣхамъ соціализма въ Россіи. Но вотъ то обстоятельство, что въ Россіи, столь слабо развитой экономически, и вдругъ такъ много соціалистовъ, заставляетъ меня сомнѣваться: да подлинные ли они?».

Увы, скептицизмъ почтенного опыта политика едва ли не былъ весьма и весьма обоснованъ.

Вполнѣ ясно представить себѣ картину уклада жизни въ случаѣ торжества соціалистическихъ идей, безъ права

собственности и т. п., и действительно всѣмъ существомъ своимъ пропикуться увѣренностью, что въ этомъ «новомъ мірѣ» спознаешь истинное счастье — все это, да еще при отсутствіи всякой, не только что политической, а элементарной умственной подготовки, вещь абсолютно невозможная въ теченіе нѣсколькихъ дній.

Поэтому, если среди рождавшихся въ эти памятные дни Марта сотень тысячъ соціалистовъ и были люди искренніе, то это быть простой, сѣрый народъ, который воспринялъ соціализмъ не умомъ, а сердцемъ, какъ пѣкую новую религію, которая должна создать счастье и правду на землѣ. А интеллигенты, которые въ Мартовскіе дни «задѣлались» соціалистами, почти сплошь руководствовались сображеніями карьерными. Ибо что же, прежде всего, мѣшало имъ быть соціалистами до переворота?

Увы,, многіе изъ нихъ въ то время состояли въ Союзѣ Русского Народа, въ националистахъ, или вообще гдѣ нибудь пресмыкались.

Мнѣ, напр., лично (а также и находящемуся сейчасъ въ Нью Йоркѣ моему помощнику по Министерству въ дни революціи пр. Ломоносову) очень хорошо известенъ случай, когда человѣка, для «убѣжденія» въ необходимости нѣкоторыхъ дѣйствій, не особенно пріятныхъ Его Величеству, приходилось ознакомливать съ видомъ револьвера, приставленного къ животу. А потомъ спустя нѣсколько дней онъ оказался на очень видномъ посту и офиціозная пресса рекомендовала его, какъ «убѣженного» соціалиста (не оттого-ли, что его «убѣждали» револьверомъ?).

И такихъ была бездна среди партійныхъ неофитовъ.

Не могли же партійные вожди не понимать, что подобные господы могутъ только проституировать любую политическую мысль и вести въ будущемъ къ морально-

му вырожденію партію, которая имѣла неосторожность залучить ихъ въ свои ряды?

Если же, тѣмъ не менѣе, за подобными адептами своихъ учений люди все таки гнались, то это можетъ быть удовлетворительно объяснено только тѣмъ, что они въ душѣ своей не были твердо убѣждены въ прочности неожиданного счастья — революціи и старались это счастье закрѣпить, хотя бы опасной цѣнной подрывка всего дѣла въ будущемъ.

За эту политическую слѣпоту всѣ наши политическія партіи, особенно болѣе крайня, заплатятъ еще въ свое время весьма дорого. Расплатится и вся Россія.

А что она имѣла мѣсто — это видно не только изъ того, что съ самыхъ же первыхъ дней начались разговоры объ опасности контр-революціи, опасности совершенно минимой, ибо вся Россія поголовно приняла извѣстіе о революціи съ величайшей радостью (люди плачали, цѣлявались другъ съ другомъ на улицахъ), но, особенно, изъ тѣхъ пріемовъ, которые примѣнялись для партійной вербовки.

Эти пріемы политического разврата разъ навсегда. можно сказать геніально, были разработаны и сформулированы Мирабо во время его тайныхъ сношеній съ Версальскимъ дворомъ.

Это — всеобщій подкупъ.

Раздача благъ земныхъ и, особливо, обѣщаній.

И раздача началась.

И какая!

Вотъ, напр. первыя попавшіяся подъ руку цифры вознагражденія, уплаченного служащимъ и рабочимъ на одной штетербургской мануфактурѣ по мѣсяцамъ (при одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ):

въ Январѣ	1,028,000	рублей
въ Февралѣ	1,277,000	"
въ Мартѣ	1,294,000	"
въ Апрѣлѣ	3,458,000	"
въ Маѣ	3,766,000	"
въ Июнѣ	4,789,000	"

Средний заработка съ 67 рублей поднялся до 294 р. въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи дѣло на этомъ, разумѣется, не остановилось и прибавки продолжались, пока наконецъ, фабрика не стала.

Буквально такая же картина наблюдалась и всюду.

Трудно, конечно, говорить, что это были прибавки «на дороговизну». Дороговизну, онѣ, несомнѣнно, значительно опережали.

Это видно изъ всего уклада, напр., Петербургской жизни. Общій темпъ расходовъ въ массѣ несомнѣнно чрезвычайно повысился. Сапогъ не было, сапоги были безумно дороги (уже къ лѣту женскихъ сапогъ нельзя было купить дешевле 65 рублей. Теперь они, говорить, доходяты до 400 р. пары), а на улицѣ нельзя было увидать женщину со стоптанными каблуками. Всѣ франтятъ, всѣ покупаютъ разныя ненужныя вещи, сладки (шоколадъ по 6—8 р. за фунтъ, арбузы 3 р., персики 12 р. штука, груши 7 р. продавались на улицѣ еще лѣтомъ, денатурать до 50 р. бутылка), предметы роскоши и т. д.

Иногда подъ «требованіемъ», выдвигавшимся по подготовку партий, пытались подвести нѣкія «научныя» основанія. Напр., съездъ желѣзнодорожниковъ потратилъ много труда на выработку экзистенційнаго ума. Для Петербурга, гдѣ до войны низшая оплата желѣзнодорожного агента падала до 25 рублей, этотъ расчетъ далъ 285 рублей.

Не говоря уже о томъ, откуда Государству было взять деньги на такое катастрофическое увеличеніе вознагражденія своимъ агентамъ, но, если взять и перемножить коли-

чество тѣхъ предметовъ, которые приняты при исчислениіи экзистенційнаго минимума, какъ «совершенно необходимые», на число желѣзнодорожныхъ служащихъ, то получается сейчасъ же арифметически непреложное доказательство абсурдности всего метода расчета.

Многіе предметы «совершенно необходимы» для 6 миллионовъ желѣзнодорожниковъ съ ихъ семьями въ количествѣ, превышающемъ общее наличіе этихъ предметовъ въ странѣ, подлежащее распределенію между всѣми 180 миллионами населенія Россіи.

Буквально та же картина получилась и при исчислении нормы пайка для солдатокъ. Тѣмъ присудили на съѣденіе большую часть скота; а масла больше, чѣмъ въ Россіи имѣется.

По всей Руси несся одинъ кличъ: «людай»!

Партійные руководители, вместо того, чтобы обращаться къ простымъ русскимъ людямъ, съ непросвѣченными знаніемъ головами, съ рѣчью, прямѣрно, такого содержанія: «Граждане, свобода еще не синонимъ матеріального благополучія. Свобода не подачка. Свобода «есть лишь то непремѣнное условіе, та атмосфера, въ ко- «торой народъ легче всего, скорѣе всего, можетъ, своимъ «улорнымъ трудомъ, создать свое материальное благополу- «чіе. Страна наша разорена плохимъ управлениемъ и «войной. Отъ того, что мы добились свободы, мы сразу «разбогатѣть не можемъ. Пуще же всего остерегайтесь «предъявлять требованія къ казнѣ. Казна теперь не цар- «ская, а народная. Разоривши своими непомѣрыми тре- «бованіями казну, вы разорите все государство. Разорив- «ши государство, вы, свободные его граждане, расплати- «тесь за это сами. Въ казнѣ средствъ нѣть и платить она «можетъ только бумажками. А каждый вновь выпу- «щенный рубль понижаетъ цѣну всѣхъ выпущенныхъ «райѣ. Бумажки это векселя, по которымъ рано или позд-

«но придется платить. Если же не заплатимъ, то разорится тотъ, кто имъ повѣрилъ и отдалъ за нихъ свой товаръ. Бумажка въ Россіи собирается вся у мужика, у «богачей и въ банкахъ ея нѣтъ*). Если разорится мужикъ, то разорится и вся Россія, а съ нею и вы. Богачей мы «обложимъ такъ, какъ только можно. но не ждите себѣ отъ «этого большой прибыли. Богачей въ Россіи мало. Да и «мало у нихъ добра, нужнаго народу. Если мы у нихъ «отнимемъ все, чѣмъ они владѣютъ, то отъ этого не при «бавится у васъ ни сапогъ, ни гвоздей, ни муки. Дорого «визна, тяжесть жизни вызваны прежде всего тѣмъ, что «въ Россіи не стало всѣхъ товаровъ. Иничѣмъ этой бѣдѣ «не помочь, какъ усиленнымъ ихъ производствомъ. Поэтому, граждане поменыше надѣйтесь на золотой дождь, «поменыше говорите, побольше трудитесь, изо всѣхъ силъ, «и сберегайте каждую копейку, не покупайте ничего такого, безъ чего можно обойтись. Тогда благоденствіе къ «свамъ придетъ, можетъ быть не сразу, не завтра, но зато «придетъ уже навѣрно и будетъ прочно». —

Вместо всего этого на всѣхъ безчисленныхъ митингахъ несся лишь одинъ кличъ: «Товарищи, требуйте!....

И подкупъ шелъ во всю.

Солдатъ подкупали обѣщаніемъ мира (точно онъ отъ пась зависѣль, мало мальски не позорный, не кабальный) и безнаказанности за непослушаніе начальству и закону.

Крестьянъ подкупали обѣщаніями земли. Какъ будто ихъ могли сдѣлать богатыми тѣ 50 миллионовъ десятинъ помѣщичьей или 80 мил. десятинъ всякой вообще не-крестьянской земли, которые нынѣ подлежать распределѣ-

*) На 1 Дек. 1916 г. во всѣхъ 800 отдѣленіяхъ всѣхъ русскихъ коммерческихъ банковъ было всего 180,000,000 наличныхъ рублей въ кассахъ. Съ тѣхъ оръ они систематически уменьшали кассовую наличность. Къ моменту большевистскаго переворота едва ли въ кассахъ нашлось бы и 50 миллионовъ р.

ленію между 40 миллионами крестьянскихъ «дворовъ», особенно, если вспомнить, что помѣщики платили за обработку своей земли — тѣмъ же въ концѣ концовъ крестьянамъ — больше, чѣмъ крестьяне получать валового дохода на «распределенной» помѣщичьей землѣ. Вѣдь много-полью, всякой усовершенствованной культурѣ, всему тому, что повышало урожайность помѣщичьей земли до 90-100 пудовъ на десятину противъ 50-60 пудовъ на землѣ крестьянской, всему этому — кресть??

Рабочихъ подкупали всего реальнѣе — головокружительнымъ подъемомъ заработныхъ платъ.

Иногда эти платы получали прямо фантастической характеръ. Подростки, женщины, простые чернорабочіе временами получали больше, чѣмъ квалифицированные рабочіе въ Америкѣ.

Въ газетахъ сообщалось, напр., что простые катали — грузчики угля, работавшіе для Петербургскаго Городскаго Управлениія, вырабатывали до 78½ р. въ день.

Лично мнѣ известно, что на заводѣ противогазовыхъ масокъ Центрального Военно-Промышленного Комитета въ Петербургѣ, простыя, незнающія никакой специальности бабы получали до 18 рублей въ сутки. И за какую работу! Ровно вдвое менѣе производительную, чѣмъ до революціи!

За перегрузку угля изъ вагоновъ въ рѣчныя баржи или обратно, требовали до 18—24 и даже 48 рублей съ тонны. И платили. Потому — «требуемъ»!

Индустриальную буржуазію освободили отъ какихъ либо доходовъ весьма быстро. Большиe заводы еще держались и держатся, залѣзая въ неоплатные долги, ибо стоимость производства сплошь и рядомъ превышаетъ контрактную плату, но мелкія промышленные предприятия закрывались десятками. Уже къ началу Октября закрылось 204 предприятия съ 50 тысячами рабочихъ.

Не пощадили въ этомъ походѣ, разумѣется, ни горо-
довъ, ни государственной казны.

Въ городахъ «демократизированныя» думы зачастую прибавляли больше, чѣмъ хотѣли сами «требующіе». Въ Петербургѣ, напр., сидѣлкамъ въ больницахъ знаменитый Никитскій сразу назначилъ 300 рублей въ мѣсяцъ, когда онъ сами мечтали о 100 р.

Городскія самоуправленія уже къ осени были разо-
рены всѣ сплошь. Надо было ожидать закрытія всѣхъ
ихъ учрежденій: школъ, больницъ, и т. п. Ремонта и очист-
ки улицъ — никакой.

Теперь финансы городовъ улучшены конфискаціей
бъ ихъ пользу всѣхъ частныхъ домовъ. Но едва ли надолго
хватить и этого «воспособленія».

Трамваи въ Петербургѣ при 5-копѣчной платѣ были
исключительно доходнымъ предпріятіемъ. Теперь, хотя
они работаютъ такъ, что публика стоитъ въ три ряда, ви-
ситъ на подмосткахъ, они стали при 15--копѣчномъ тарифѣ
дефицитнымъ дѣломъ.

Но зато кондукторши получаютъ по 300 р. въ мѣсяцъ.

Также картина во всѣхъ государственныхъ предпрія-
тіяхъ и учрежденіяхъ.

Товарные тарифы повысили сперва въ три, а потомъ
даже въ четыре раза, и все таки дороги едва сводятъ кон-
цы съ концами.

Не только цѣна, но и количество чиновниковъ ра-
стутъ въ геометрической прогрессіи. Всякіе Комитеты
родятся, какъ грибы послѣ дождя *). Хлѣбные комитеты
по сообщенію Министра Финансовъ еще въ іюль мѣсяцѣ
пр. г. съѣдали на свое содержаніе до 520 миллионовъ въ

*) Кстати сказать, явленіе тоже не новое. Во времія француз-
ской революціи было буквально тоже. Но тамъ пошли еще дальше:
для предоставления свободнымъ гражданамъ возможности бывать
въ клубахъ, за посѣщеніе выдавалось по 40 су въ день.

годъ. Плата за хлѣбъ проиѣзжителямъ нигдѣ въ Россіи не превышала 2 р. 50 к. за пудъ, а въ то же время въ потребительныхъ районахъ онъ продавался продовольственными комитетами по цѣнѣ до 5 р. за пудъ. 2 р. 50 к. составляли «накладной» расходъ на перевозку и «содержаніе» комитетовъ.

Русскіе купцы — хлѣботорговцы и во снѣ не видѣли такихъ заработковъ.

А ужъ ихъ ли не корили и не позорили, какъ паразитовъ русскаго хлѣбороба!

Еврей — скунщикъ на югъ былъ счастливъ, если онъ имѣлъ отъ 1000 пудоваго вагона заработка 10 р. Иногда же онъ довольствовался и тѣмъ, что на рукахъ оставалась накладная. Авось удастся получить «претензію» съ желѣзной дороги!*)

Почта и телеграфъ почти перестали функционировать. Простыя дешевы доставляются только почтой. Даже и срочныя (за тройную плату) зачастую юстигаетъ та же участъ.

Но за то почтовотелеграфнымъ чиновникамъ въ одинъ приемъ прибавлено 160 мил. р. И это ихъ нисколько не удовлетворило. «Требованія» продолжались и вновь удовлетворялись.

Уже въ юлю прибавки правительственныймъ чиновникамъ, кромѣ желѣзнодорожниковъ, составляли 720 миллионовъ р. въ годъ. А сколько ихъ было потомъ? Желѣзнодорожники требовали 850 миллионовъ.

Фонтанъ кредитныхъ билетовъ биль во всю.

Государственное Казначейство на всѣхъ парахъ неслось къ банкротству.

*) Русскія желѣзныя дороги обязаны доставлять грузы въ определенные въ законѣ сроки. За запозданіе въ доставкѣ они платятъ штрафъ, который въ известныхъ случаяхъ можетъ доходить до 100% провозной платы.

Но быть можетъ это, даже головокружительное, повышение заработныхъ плать еще не слишкомъ угрожало бы благосостоянію Россіи, если бы параллельно не стало наблюдаваться еще другое, куда болѣе грозное явленіе.

Вѣдь повышение заработныхъ плать и разныхъ цѣнъ вызываетъ только перераспределеніе общаго національного дохода между отдельными элементами страны, но общаго благосостоянія страны почти не захватываетъ.

Правда, при этомъ деньги переходять въ руки классовъ населения, менѣе склонныхъ къ сбереженію, а больше — къ тратѣ всего заработка на усиленное потребление. Но національный доходъ, въ сущности, не меняется. Ухудшается расходный бюджетъ и уменьшается накопленіе. Это — ущербъ для національного хозяйства, ухудшаетъ его перспективы на будущее, но все же это еще терпимо.

Но, параллельно съ требованіями повышения зарплатка, попала куда болѣе страшная проповѣдь уменьшения производительности труда, проповѣдь борьбы со всѣми способами его интенсификаціи. Я имѣю въ виду не введеніе 8-ми часового дня, хотя и таковое въ военное время подтверждено сомнѣнію въ своей раціональности, но страстный походъ противъ всякой премировкѣ труда и сдѣльной платы. Этотъ походъ былъ положительно ужасенъ.

Въ русской рабочей средѣ, еще весьма не культурной, онъ далъ чрезвычайно быстро весьма горькіе плоды.

Страна страдала отъ недостаточнаго производства, а мы въ это время съ какимъ то сладострастіемъ понижали ея производительность.

Въ многихъ областяхъ промышленности уже къ осени паденіе производства было удручающимъ. Напр. Донецкій угольный бассейнъ въ августѣ 1916 г. далъ 135 миллионовъ пудовъ, а въ томъ же августѣ 1917 г. уже всего 85 миллионовъ пудовъ. Такъ какъ около 40 миллионовъ

пудовъ беруть желѣзныя дороги, то приходилось разрабатывать планъ закрытія ряда доменъ, т. е. понижать производство желѣза, значитъ, подрѣзать въ корнѣ всю промышленность вообще.

Сейчасъ Донецкій бассейнъ едва ли даетъ и полсотни мил. пудовъ въ мѣсяцъ. Вѣдь въ антрацитномъ районѣ идутъ безпрерывные бои большевиковъ съ казаками: гдѣ же тутъ думать объ углѣ?

Недоборъ угля и, вообще, паденіе всякаго производства, впрочемъ, объясняется еще и тѣмъ, что лозунгъ восьмичасового рабочаго дня въ Россіи былъ понятъ довольно своеобразно.

Напр. въ Царицынѣ его истолковали такъ, что въ него долженъ входить и 1 ч. на обѣдъ и 15 минутъ отдыха въ каждомъ часѣ работы. Иначе говоря, получался, вмѣсто 8-ми, $5\frac{1}{2}$ часовой рабочій день.

Всѣ конторщики и служащіе заводской «администраціи» потребовали себѣ уже прямо 6-ти часового дня.

Утлекопы — забойщики стали работать до 4—5 часовъ въ день, а число выходовъ на работу понизили кое-гдѣ до 4 въ недѣлю.

«Чего мнѣ стараться? Съ меня довольно зарабатываю. Да и водки не купишь. Такъ на что доныги?».

Но помимо такихъ, почти что анекдотическихъ, случаевъ, вся Россія, быстро воспріявъ европейскій 8-ми часовой рабочій день, отнюдь не подумала объ одновременномъ введеніи европейскаго количества праздниковъ. Праздники остались русскіе. Отпали, правда, Царскіе дни, но за то прибавились разные революціонные праздники, да митинги, да комитеты (все всегда въ рабочее время). Но и безъ этихъ добавочныхъ прогуловъ число праздничныхъ дней въ Россіи грандіозно — болѣе 100 въ годъ. Вся кіе Ильины, Николины дни, «престолы», Параскевы-Пят-

ницы, родительскія субботы и т. д. А въ этомъ году къ нимъ отнеслись съ особой бережностью: Ильинъ день всѣми праздновался, даже тамъ, гдѣ обѣ немъ прежде забывали.

Въ результатѣ, удручающее пониженіе производительности страны.

А если къ этому прибавить, что помѣщики озимей, конечно, не засѣвали, а крестьяне дрались между собою изъ-за помѣщичьей и хуторской земли, то какихъ еще искать причинъ вплотную надвинувшагося на Русь голоднаго мора?

Справедливость заставляетъ признать, что въ этой проповѣди всемѣрного уменьшенія производительности, въ этой спекуляціи на самихъ низменныхъ источникахъ населенія, въ цѣляхъ набрать сторонниковъ и сорвать апплодисменты, съ представителями, якобы, соціалистическихъ партій весьма усердно соперничали и нѣкоторые представители партій, якобы, буржуазныхъ, вплоть до лицъ, занимавшихъ министерскіе посты.

Очень характерна въ этомъ отношеніи знаменитая рѣчь вновь назначенаго Министра Путей Сообщенія, Некрасова, въ циркѣ Никитина въ Москвѣ, рѣчь, сыгравша колоссальную роль въ дѣлѣ разрушенія нашего желѣзнодорожнаго транспорта.

Вместо того, чтобы разскказать своимъ подчиненнымъ о тяжкомъ положеніи желѣзнодорожнаго аппарата, разъяснить имъ, что только ихъ самый напряженный трудъ можетъ спасти положеніе, Министръ (слушайтѣ:—самъ Министръ!) заявилъ имъ, что онъ противникъ сдѣльныхъ работъ, говорилъ горячія и красивыя слова о демократизации, обѣ организаціи, создаль какую то теорію желѣзныхъ дорогъ для..... желѣзнодорожныхъ служащихъ, которымъ де Учредительное Собраніе отдастъ дороги въ автономное управлениe, восклицалъ: «Товарищи!

«объединяйтесь! Товарищи, требуйте! Когда мы были студентами, мы не просили, а требовали!»

Заль гремѣль отъ аплодисментовъ, на г. Министра чуть не молились. Люди вышли съ митинга точно пьяные отъ восторга.

Г. Некрасовъ быль, одно время, чуть ли не самимъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи (пока во время первого кризиса Временного Правительства не предалъ свою собственную партію ради сохраненія за собою министерскаго портфеля).

А въ результатѣ?

Изъ 30.000 русскихъ паровозовъ, 14.000 окончательно негодны для работы и никто не можетъ, и не собирается ихъ починить.

Къ тому же и память немногого измѣнила г. Министру: когда онъ быль студентомъ, онъ ничего не требовалъ — онъ тогда въ 1899 г. учреждалъ Академическую Лигу въ Институтѣ Путей Сообщенія — первую, вообще, «академическую» организацію въ Россіи, а потомъ до 1901 г. быль лидеромъ правыхъ въ томъ же Институтѣ.

Что, впрочемъ, удивляться, этой забывчивости г. Министра, когда со времени революціи Петербургъ кипитъ всякими политическими фальшивомонетчиками. Бывшій приставъ Муравьевъ командуется большевистскими войсками, черносотенный писатель Мстиславскій разъясняетъ большевистскія идеи, салонный полковникъ Верховскій оказывается лѣвѣе Керенского.

Да развѣ всѣхъ перечтешь?

Сколько однихъ охранниковъ поразобрали под видомъ самыхъ ярыхъ членовъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ!

Послѣднее явленіе еще ждетъ своего выясненія. Въ немъ чувствуется какая то система. Вѣдь во время городскихъ выборовъ въ Петербургѣ черносотенная аристо-

пратія и всѣ, вообще, люди, связанные съ дворцами, какъ мнѣ доподлинно известно (на то вѣдь и «тайные» выборы), какъ одинъ человѣкъ голосовали за большевиковъ. Въ этомъ, конечно, есть смыслъ: вѣдь единственный шансъ реставраціи — излишества крайнихъ лѣвыхъ, которыхъ могутъ такъ надѣяться народу, что онъ начнетъ видѣть свое спасеніе въ реакціи.

Но толькъ фактъ, что партіи пускали въ свою среду людей явно сомнительныхъ и прибѣгали къ приемамъ агитации, опаснымъ для всего будущаго Россіи, служить яснымъ доказательствомъ того, что они не вѣрили въ прочность революціи, если они не отказывались даже отъ такихъ комирометирующихъ союзниковъ и, для усиленія вербовки партійныхъ членовъ, прибѣгали къ явной демагогіи.

И волна демагогіи все болыше и болыше захлестывала всѣ партіи и всю страну.

Всегда за проповѣдью безудержныхъ требованій прибавокъ и пониженія интенсивности труда, пришла поистинѣ безумная, самоубийственная и позорная кампанія противъ Займа Свободы.

Люди, агитируя противъ подписки, чтобы сдѣлать пажость «буржуазнымъ» министрамъ, не вдумывались въ то, какой позоръ они готовятъ русской демократіи.

Вѣдь оказалось, что эта демократія энергичнѣе подписывалась на «царскіе» военные займы, чѣмъ на заемъ Свободной Россіи. Число мелкихъ подписанчиковъ на Заемъ Свободы было меныше, хотя къ этому времени денегъ въ странѣ было уже много больше. И весь Заемъ Свободы вынесла на своихъ плечахъ крушная буржуазія.

Но уже и по самому существу это подрываніе успѣха Займа Свободы было со стороны демократіи дѣйствиемъ поистинѣ самоубийственнымъ.

Дѣло въ томъ, что, хотя существуютъ и другие, весь-

ма серьезные способы борьбы съ бумажно-денежной инфляцией, но у Временного Правительства, по сложившейся конъюнктурѣ, было въ рукахъ только одно дѣйствительное средство. Это — Заемъ.

Но если и это средство у него вырывали, то оставалось только продолжать и усиливать печатаніе кредитокъ.

А вѣдь неизбѣжное при этомъ обезщеніе рубля грозило не «богачамъ», а демократіи, вѣрнѣе же просто — мужику.

Богачи денегъ въ натурѣ у себя не держать. Не имѣютъ ихъ и банки, а зарываетъ ихъ у себя по сундукамъ и подпольямъ мужикъ. И всѣ 25 миллиардовъ русскихъ рублей лежать у него.

Въ тотъ день, когда русскій рубль станетъ копѣйкой, разорится мужикъ.

И мужикъ уже начинаетъ это чувствовать.

Уже съ осени начали раздаваться раскаты мужичьяго гнѣва.

Уже начались крики, что городъ обираетъ деревню.

А долго ли до того, что мужикъ разберется въ томъ, *кто* именно въ городѣ его обобралъ?

И какъ бы проповѣдь классовой ненависти не обратилась противъ тѣхъ, кто ее началъ.

Но обѣ этомъ никто не думалъ.

«Задачей момента» была борьба съ «министрами-капиталистами», при чемъ въ эти «капиталисты» попалъ и несчастный земскій врачъ Шпигаревъ, столь постыдно убитый. За что? За безграницную, горячую и безкорыстную любовь къ Россіи?

Что же въ это бурное и неумное время дѣлало Временное Правительство?

Оно съ каждымъ днемъ становилось все болѣе одиночимъ, все болѣе безсильнымъ, пока, наконецъ, и не пало

подъ напоромъ, можетъ быть, и кучки людей, но зато лишенныхъ тѣхъ органическихъ пороковъ, которыми страдало Временное Правительство.

Нѣкоторые изъ этихъ пороковъ я уже отмѣчалъ.

Во первыхъ, партійный составъ Временного Правительства не сооствѣтствовалъ, если не реальному соотношенню партійныхъ силъ въ странѣ, то во всякомъ случаѣ, шумливости и энергіи партійныхъ руководителей. Кадетъ и правыхъ въ странѣ несомнѣнно не было столько, сколько ихъ было въ Кабинетѣ.

Отъ этого бывающаго въ глаза недостатка Временное Правительство избавилось болѣе или менѣе удачно черезъ 2 мѣсяца послѣ своего рожденія при образованіи т. н. коалиціоннаго министерства. Но, пока оно сдалось передъ очевидностью, происходила борьба и въ этой борьбѣ дискредитировался не только самый составъ Правительства, а и самая идея власти.

Вторымъ, еще болѣе серьезнымъ порокомъ Временного Правительства всѣхъ трехъ составовъ было отсутствіе въ немъ людей съ характеромъ, съ опредѣленной волей къ власти.

Были въ немъ люди истерически влюбленные въ Свободу, какъ Керенскій, способные иногда разжигаться и разжигать людей, но все — на минуту, какъ фейерверкъ, выдающіеся митинговые ораторы, но никакие государственные дѣятели въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Были люди, по образному опредѣленію Ф. И. Родичева, способные идеально разъяснить, какъ надо было поступить.... годъ тому назадъ, профессора (*Vaterland, du bist verloren!*...), абсолютно не находчивые, не чуткіе къ біеню политического пульса, какъ П. Н. Милюковъ.

Были ловкие интриганы, смотрѣвшіе на власть не какъ на служеніе народу, на созданіе всего его будущаго,

а какъ на способъ личнаго выдвиженія, вродѣ Н. В. Некрасова.

Были люди, дѣйствительно искренно преданные родинѣ, но зато неврастенически безвольные, какъ А. И. Коноваловъ.

Были полныя ничтожества, какъ Никитинъ, кн. Львовъ, Мануиловъ, Прокоповичъ, этотъ, какъ его называли, «учитель чистописанія», по какой то гримасѣ судьбы посидѣвшій даже на 2 министерскихъ креслахъ, и многие другіе.

Промелькнуль, но быстро исчезъ, явно чувствуя себя въ неподходящей компаніи, куда болѣе крупный человѣкъ, какъ Церетели.

Даже человѣкъ съ волей, какъ А. И. Гучковъ, явно поддался общей тенденціи, очевидно, впрочемъ, по тому, что не чувствовалъ за собой никакихъ корней въ странѣ. Его партія разсыпалась безслѣдно.

При такомъ состояніи воли кабинета, при его непротивленіи, его паденіе могло быть только вопросомъ времени. Не пришли бы большевики, нашлась бы другая компанія людей съ темпераментомъ и вырвала бы власть изъ рукъ Временнаго Правительства не хуже, чѣмъ революція вырвала власть изъ рукъ Царя.

Въ ихъ паденіи — и Царя, и Керенскаго — чрезвычайно много общаго. Оба шали немного по методу, изложенному въ знаменитой «Вампукѣ».

Одинъ поетъ:

«Я вѣсть завоеваль».

Другой отвѣчаетъ:

«Благодарю, не ожидалъ» и... сдается.

Сопротивленіе Керенскаго въ Іюль и въ Октябрѣ немногимъ превышаетъ сопротивленіе Царя въ Февралѣ.

Еще въ Октябрѣ была хотя пальба со стороны юнкеровъ и этихъ несчастныхъ .мученицъ женскаго баталіона

— этого въчнаго укора необузданной русской Свободѣ.

А въ Іюль вся репетиція большевистскаго возстанія была закончена почти безъ всякаго участія правительственной власти — ливнемъ.

Пошелъ проливной дождь, народъ разбрѣжался по домамъ. А на завтра никто уже не желалъ признаваться, что онъ — большевикъ: выспались и струсили.

У Керенскаго сходство съ Николаемъ IIшло еще далѣе.

Тѣ же капризы, совершенно необъяснимыя фантазіи, склонность «родь недуга» къ окружению себя ничтожествами, упрямство и рядомъ крайняя нерѣшительность, чуть что не тѣ же «безсмысленныя мечтанія» по адресу политическихъ противниковъ на Московскомъ Совѣщаніи.*).

*)Кстати, обѣ томъ пресловутомъ Совѣщаніи. Оно совершилосъ не заслуживало того шума, который вокругъ него былъ поднятъ. Не-что въ высокой степени бесполезное. Мысль о немъ родилась у московскихъ дѣятелей П. П. Рябушинскаго и Кн. Е. Трубецкаго. Они задумали созвать на частное собесѣданіе наиболѣе авторитетныхъ въ Россіи общественныхъ дѣятелей. Мысль о такомъ съездѣ было поручено проventилитровать въ Петербургѣ члену Г. Д. Н. Н. Львову. Тотъ сообщилъ обѣ этомъ своему софракціонеру, Государственному Контролеру, И. В. Годневу, а послѣдний принесъ въ Совѣтъ Министровъ. Керенскій за эту мысль ухватился: «Я имъ не дамъ это слѣдить. Я самъ собираю Совѣщаніе». И Совѣщаніе состоялось. Зачѣмъ? Для чего? Съ какой программой? По какимъ вопросамъ? Этого никто не зналъ. Даже г.г. Министры рѣчей не заготовили. Керенскій въ значительной мѣрѣ воспользовался мыслями Авксентьева. Поэтому этотъ пресловутый русскій Жоресь буквально шелъ на Совѣщаніи не-что не членораздѣльное. Не многимъ выше были, въ большинствѣ, и другіе. Напр., Милютинъ не поднялся выше полемики съ Церетели. Говорили безъ конца. Говорили 36 часовъ. Но зачѣмъ и для чего, никто не понималъ. Общее воодушевленіе охватило весь залъ только въ тотъ моментъ, когда я, по окончаніи своей рѣчи, протянулъ отъ лица промышленной буржуазіи руку Церетели. Этимъ залъ какъ бы сказалъ, что онъ видѣть выходъ изъ положенія въ коалиції пролетаріата съ дѣловыми элементами образованного слоя Россіи. Но мое личное впечатлѣніе было таково, что залъ, утомленный безконечнымъ говоренiemъ, просто инстинктивно искалъ случая, чemu бы обрадоватьсь,

Словомъ не даромъ, желая уязвить Керенского, на этомъ же Совѣщаніи П. П. Рябушинскій заговорилъ объ «ужимкахъ самодержавія», а публика потихоньку скулила: Александръ IV.

Но основная причина паденія Временнаго Правительства лежала не въ этомъ безволіи его членовъ.

Оно пало бы, даже если бы въ его средѣ было больше такихъ темпераментныхъ, сильныхъ и смѣлыхъ людей, какъ Борисъ Савенковъ.

Оно пало изъ за своей идеиной безцвѣтности.

Въ чемъ была его программа?

Она формулировалась въ короткихъ словахъ: «Довести страну до Учредительнаго Собранія, продолжая войну».

Чѣмъ бы подвести итогъ своей четырехдневной работѣ, какъ бы избѣгнуть признанія банкротства совѣщанія. Надо признать, что скептицизмъ по отношенію къ тѣкому воодушевившему залу рѣшенію высказалъ только одинъ человѣкъ — большевикъ (единственный въ залѣ) Рязановъ, который довольно кстати вспомнилъ про исторический Baiser Lamourette. Но Керенскій не проявилъ никакой энергіи и послѣшности въ осуществленіи этого предуказанія Совѣщанія.

Переформированіе Кабинета не успѣло осуществиться, какъ началась исторія генерала Корнилова. Эта несчастный генераль палъ дѣйствительно жертвою колебанія Керенскаго и интриги Некрасова. Корниловскія войска настолько были увѣрены, что Керенскій ихъ ждетъ, что, идя, якобы, на Петербургъ, не перерывали телеграфного сообщенія съ Петербургомъ и тамъ были по апарату извѣстны всѣ разговоры начальственныхъ лицъ между собою. Не пытался Корниловъ и занимать Бологое, что одно заставило бы Петербургъ сдаться изъ за голода. Все это показываетъ, что Корниловъ, каковы бы ни были его намѣренія, дѣйствительно палъ жертвой провокациіи со стороны Петербурга.

Скрыть это не удалось. Пойдя противъ Корнилова, революціонные партіи не простили этого Керенскому. Началась его агонія. Ни-какая коалиція его уже спасти не могла (Недаромъ и Некрасовъ поспѣшилъ покинуть министерское кресло). Но его увѣренность въ прочности положенія была удивительна. Еще чуть ли не 25-го Октября Терещенко въ циркулярномъ сообщеніи русскимъ посламъ писалъ: Правительство сильно, какъ никогда...

Что это?

Развѣ этимъ можно зажечь сердца, повести за собою людей? Развѣ можно предлагать народу отсрочку рѣшенія всѣхъ волнующихъ его вопросовъ до невѣдомаго будущаго, когда онъ всѣмъ существомъ своимъ требуетъ отъ своей власти:

Дѣйствія,

Немедленнаго дѣйствія,

Немедленнаго устроенія всѣхъ нуждъ, выполненія всѣхъ его многолѣтныхъ мечтаній, выставленія передъ Россіей такихъ задачъ, отъ которыхъ гордостью забилось бы ея сердце, загорались бы глаза и радостно было бы каждому всего себя за нее отдать.

А вмѣсто всего этого, «впредь до рѣшенія Учредительного Собранія, созываемаго на основѣ всеобщаго, тайного, равнаго и прямого голосованія по правиламъ, имѣющимъ быть выработаннымъ Особымъ Совѣщаніемъ по Созыву Учредительнаго Собранія, вопросъ сей разрѣшенъ быть не можетъ».

Чѣмъ это лучше, чѣмъ прежнее:

«Всѣльдѣствіе ходатайства отъ такого то числа, по распоряженію Его Высокопревосходительства Господина Министра, симъ объявляется просителю, что разрѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса признается несвоевременнымъ»?

Пусть бы Временное Правительство только объявило, что «вся земля народу», но какъ ее распределить — решить Учредительное Собраніе, пока же — Правительство береть ее во временное владѣніе государства. Помѣщики (или ихъ управляющіе и арендаторы) объявляются правительственныеми чиновниками, управляющими

казенными имѣніями. Доходы съ имѣній поступаютъ въ депозиты Государственного Казначейства и расходуются землевладѣльцами по указанію Государственной власти. Она же опредѣляетъ вознагражденіе помѣщикамъ за ихъ труды и за капиталы, вкладываемые ими въ эксплоатацию земли....

И развѣ мыслимы были бы аграрные беспорядки? Развѣ возможно было бы, чтобы озими остались незасѣянными, какъ это случилось въ 1917 г.? Развѣ родились бы, въ видѣ компромисса (?), эти злосчастные Земельныѣ Комитеты, одно содержаніе которыхъ съѣсть стоимость всей помѣщичьей земли, и которымъ до проведенія земельного закона ровно нечего дѣлать, развѣ что заниматься пресловутымъ «правотворчествомъ снизу», т. е. по-просту беззаконнымъ захватомъ земли—предрѣшеніемъ общей воли народа.

Пусть бы Правительство потребовало отъ частныхъ банковъ сліянія въ одинъ или нѣсколько сильныхъ банковъ и подчинило ихъ дѣйствительному контролю Государственной власти, хотя бы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ контролируются у насъ частныя дороги...

И развѣ мыслима была бы полная остановка въ Россіи учрежденія новыхъ предпріятій, усиленія старыхъ, полный параличъ аппарата скопленія капитала и направленія его на творческія цѣли, какъ это произошло теперь?

Пусть бы Правительство объявило, что оно не знаетъ никакихъ «царскихъ» договоровъ, что оно проситъ союзниковъ немедленно въ Петербургъ, чтобы его народъ напрямѣнно видѣлъ, что съ его свободнымъ голосомъ считаются болѣе, чѣмъ съ голосомъ царя, что онъ, если и будетъ воевать дальше, то только по своему свободному решенію...

И развѣ имѣла бы шансы на успѣхъ большевистская агитация на фронтахъ, которая сводилась къ простой

мысли: «У правительства своей национальной политики и быть, оно переняло ее по наследству от Царя. Такъ давайте мы сами здѣсь творить ее кустарнымъ способомъ».

Да развѣ все перечтешь? Вѣдь многое изъ того, что потомъ сдѣлали большевики, могло и должно было сдѣлать Временное Правительство.

Вообще, это отсутствіе собственного творчества и подчиненіе лишь послѣ долгой упорной борьбы творчеству низовъ, иногда очень неудачному, было основной чертой — и губительной чертой, — Временного Правительства.

Оно не разобралось въ основной причинѣ паденія Николая II.

Вѣдь, не потому же онъ палъ, что онъ самодурствовалъ, назначалъ невозможныхъ министровъ, былъ реакціонеромъ, наконецъ, не потому, что у него при дворѣ царила развратъ и всякая распутинщина.

Вѣдь была у насъ реакція похоже Николаевской. Были Сухозанеты, которые на офиціальныхъ бумагахъ писали: «сумеваюсь погонъ». Николай I дерзаль цензуровать Пушкина. Издѣвался не надъ какими нибудь газетными шансаками, а надъ национальнымъ геніемъ! Развратъ Екатерины былъ легендарный. Въ награду за удовольствіе она давала своимъ любовникамъ живыя человѣческія души. Петръ I безъ стѣсненія ломалъ весь укладъ русской жизни, не считался съ тысячелѣтними вѣрованіями и обычаями народа и буквально плевалъ въ его душу.

И всетаки никто не помышлялъ свергать этихъ монарховъ. Предъ многими изъ нихъ благоговѣли, искренне именовали ихъ великими, отцами отечества, многихъ любили и уважали.

Почему?

Да потому, что они умѣли олицетворять собой Россію, были подлинными ея вождями, инстинктивно улавливали ея национальные задачи, понимали ея грандиозный

масштабъ, находили въ трагические моменты ся исторіи слова, которыя шли къ ея сердцу, поднимали ея духъ.

Александръ I сказалъ: «скорѣе отпущу бороду и уйду въ Сибирь, а позорнаго мира не подпишу», и вся Россія стѣной стала за нимъ.

Александръ II двумя, тремя словами съумѣль заставить страну безъ тѣни потрясенія принять одну изъ величайшихъ реформъ, какія знаетъ исторія, — освобожденіе крестьянъ съ землей.

Національной задачи достиженія естественныхъ гравиціи, поставленной Петромъ Великимъ, хватило на два столѣтія.

Даже Александръ III со своей грузной фигурой умѣль еще представлять собой Россію. Когда онъ поднималъ бокаль «за единственного друга Россіи — князя Николая Черногорскаго», то вся Россія съ гордостью осматривалась: «вотъ какіе мы сильные! насъ удовлетворяютъ даже такие пигмеи-союзники, въ болѣе сильныхъ не нуждаемся».

Про Екатерину II, когда она громила враговъ на всѣхъ предѣлахъ государства и удивляла міръ либеральностью своихъ идей, такъ и думали: «ни одна страна не имѣеть такой государыни».

И тысячи людей съ радостью положили бы за нее голову.

А кто умеръ за Николая II?

Почему?

Потому что онъ всего этого не понималъ, не могъ, не смѣль.

Потому, что его власть была только насильственной, но не сильной.

Потому что у него не было нужныхъ словъ.

Потому что пораженіемъ своихъ армій онъ оскорблялъ національную гордость.

Потому что онъ на Россію заставилъ весь міръ смотрѣть сверху внизъ.

Потому что онъ былъ мелокъ, не по Россіи.
И вотъ этого Временное Правительство не поняло.
А большевики поняли.
Они нашли нужные слова:
«Мы несемъ вамъ хлѣбъ, миръ и землю».
И все это сейчасъ.
«Миръ хижинамъ, война-дворцамъ».
«Долой источникъ всего зла — капитализмъ».
«Мы научимъ весь міръ, какъ устраивать счастье на-
родныхъ массъ!»

Есть отъ чего духу заняться!
Есть чѣмъ вооружиться массамъ!
Это дѣйствительно знамя, за которымъ побѣжитъ на-
родъ.

Пускай все это — миражъ. Но вѣдь — «тьмы низ-
кихъ пестинъ памъ дороже насть возвышающій обманъ».

Къ тому же большевики хорошо себѣ уяснили и
другую крупную ошибку Временного Правительства.
Вѣроятно, тутъ сыграли свою роль американскія впечат-
лѣнія. Вѣдь Смольный Институтъ полонъ эмигрантовъ
изъ Америки... Они поняли, что править безъ принужденія
и безъ аппарата для принужденія, т. е. государственной
полиції, нельзя. Поэтому они и начали свое губительное
для Россіи дѣло съ формированиемъ полиції.

Они могутъ десять разъ называть свою красную гвар-
дию красной, но отъ этого она не перестанетъ быть самой
типичной государственной полиціей.

Что изъ того, что она служить идеямъ соціалистиче-
скимъ, а не абсолютскимъ, и не защиты частной соб-
ственности?

Вѣдь отъ этого она не перестаетъ быть орудіемъ для
подчиненія волѣ Правительства всѣхъ непокоряющихся
ему добровольно, т. е. именно тѣмъ, что называется во
всемъ мірѣ полиціей.

Всегда за полиціей пришелъ и весь остальной аппа-

ратъ государственного принужденія — цензура, тюрьма, ссылка, лишеніе гражданъ свободы передвиженія, затыканіе глотки несогласнымъ, битье ихъ по карманамъ, вплоть до вѣчной *ultima ratio* государственности — до угрозы ослушникамъ смертью.

Всѣмъ этимъ аппаратомъ держалось самодержавіе, держится имъ, или вѣрнѣе, угрозою его примѣненія всякая государственная власть вообще.

Такъ почему бы онъ измѣнилъ большевикамъ?

Чтобы захватить власть и удерживать ее, большевики съ вѣшней стороны хорошо, умно обставили себя.

Гораздо лучше, чѣмъ, печальной памяти, Временное Правительство.

И если ихъ провалъ всетаки неизбѣженъ, то это обусловливается не недостаткомъ умѣнья и желанья властвовать надъ массами, а безжизненностью самой сущности ихъ идеи.

Тѣмъ, что они — соціалисты, и притомъ, смѣлые и послѣдовательные.

Что міръ идетъ къ соціализму — это ясно.

Спорить съ этимъ было бы неумно.

Слишкомъ много грѣховъ накопилось за капиталистическимъ строемъ, слишкомъ много было страданій массъ, слишкомъ оскорбляетъ онъ чувство справедливости, чтобы человѣчество не чаяло въ крушеніи капитализма пути къ своему счастью.

Но безспорно также и то, что для успѣха попытки соціалистического переворота требуются нѣкоторыя предварительныя условія и сложная подготовка.

Бисмаркъ какъ то выразился, что онъ хотѣлъ бы, чтобы въ мірѣ была отведена страна — которой не жалко — для производства соціалистического эксперимента въ полномъ масштабѣ. Такой ужасъ постигнетъ ту страну, такія она перенесеть испытанія, что человѣчество послѣ

этого надолго будетъ излѣчено отъ всякихъ увлеченій соціализмомъ.

Большевики начали свой опытъ соціалистической революціи въ Россіи при такихъ условіяхъ, которые не только не даютъ шансовъ на успѣхъ, но можно сказать, гарантируютъ лишь посмертный тріумфъ генію Бисмарка.

Вѣдь въ чёмъ основа страданій Россіи?

Только въ колоссальномъ недопроизводствѣ.

Между тѣмъ, соціалистическая мысль, если и поработала много въ сферѣ вопросовъ распределенія благъ, то область вопросовъ созиданія благъ, вопросовъ разви-
тія производства, ей была почти чужда, или во всякомъ случаѣ, она не разработала ихъ съ тою же обстоятель-
ностью.

Это въ германскихъ, и вообще, въ европейскихъ условіяхъ понятно. Тамъ, къ моменту, когда можно стало говорить о практическомъ воплощеніи соціалистическихъ идей, капитализмъ успѣль уже слишкомъ многое создать. Соціализму было надѣть чѣмъ оперировать. Практической задачей ближайшаго будущаго было отысканіе способовъ наилучшаго использования существующаго. Вопросы про-
мышленнаго творчества, созданія новыхъ производствъ при соціалистическомъ строѣ — все это забота болѣе отдаленнаго времени.

Для Россіи же это все.

Какая можетъ быть рѣчь о созиданіи ея благополучія и счастья на основѣ перераспределенія благъ, когда во всю русскую промышленность и торговлю вложено, въ акціонерной формѣ, едва 5 миллиардовъ, всѣ русскіе банки вмѣстѣ взятые имѣютъ лишь немножко болѣе 1 миллиарда основныхъ капиталовъ, когда русская желѣзодорожная сѣть стоитъ менѣе 9 миллиардовъ рублей, когда наконецъ все русское национальное богатство расцѣнивается въ

суммъ не свыше 120 миллиардовъ рублей?

Какъ ни распредѣлять, но когда на душу приходитъся всего 650 рублей, то нищета не устранима, хотя бы даже «упразднить» всѣ 60 миллиардовъ накопленного на ми къ 1 января 1917 г. государственного долга. Въ лучшемъ случаѣ, можно преуспѣть въ томъ, чтобы сдѣлать нищими богатыхъ, но обогатить распредѣленіемъ массы — невозможно.

Противъ такихъ мечтаній — арифметика.

Надо сперва сотворить блага, и потомъ уже думать объ ихъ лучшемъ распредѣленіи. Всякая же попытка приступить къ этому распредѣленію не во благовременіи приводить лишь къ вящей нищетѣ массъ.

Повторяю, спорь идеть не о существѣ дѣла, а о времени приступа къ нему.

Позволю себѣ пояснить мою мысль примѣромъ, какъ мнѣ кажется, довольно яркимъ.

Едва ли можетъ кто спорить, что однимъ изъ самыхъ заманчивыхъ объектовъ для огосударствленія являются во всемъ мірѣ желѣзныя дороги. Слишкомъ много задѣваютъ онѣ подлинно государственныхъ интересовъ, слишкомъ велика ихъ роль въ национальномъ хозяйствѣ, чтобы не являлось мысли объ освобожденіи желѣзнодорожнаго аппарата отъ воздействиія соображеній частно-владѣльческаго интереса и выгоды.

Поэтому даже классическія страны индивидуализма и тѣ приходятъ постепенно къ мысли о необходимости, сперва правительеннаго контроля надъ дѣятельностью желѣзнодорожныхъ обществъ, а затѣмъ и прямого выкупа въ казну.

Но посмотрите, когда къ этому вопросу регулировки (съ неизбѣжнымъ, практически, выкупомъ въ перспективѣ) подошли страны практическія, не зараженные никакимъ видомъ соціалистическихъ увлеченій.

Америка въ 1918 г. взяла дороги въ правительственное распоряжение тогда, когда частная инициатива уже снабдила страну болѣе, чѣмъ 250 тысячъ миль одиночного пути.

Россія, у которой даже правительство давно болѣло особаго роля полицейскимъ соціализмомъ, начала выкупъ въ казну и всестороннее государственное регулированіе желѣзнодорожнаго дѣла съ начала 80-ыхъ годовъ, когда у нея не было и десятой доли этого количества верстъ.

Въ Америкѣ правительственное управлѣніе дастъ, несомнѣнно, богатѣйшіе результаты. Избавленія отъ ненужной конкуренціи, американскія желѣзныя дороги, прежде всего, перестанутъ производить весьма много расходовъ, совершенно бесполезныхъ для національного хозяйства. Главное же, планомѣрное использование всѣхъ дорогъ, какъ единаго цѣлаго механизма, дастъ странѣ возможность безъ какихъ либо затратъ усилить ихъ мощность, т. е. при томъ же почти техническомъ обѣустройствѣ пропускать большее количество поѣздовъ, чѣмъ это могли дѣлать отдѣльныя общества, враждовавшія между собою и не умѣвшія дѣйствовать согласованно.

Политика желѣзныхъ дорогъ будетъ подчинена видамъ государственнымъ, а наличная уже громадная сѣть дастъ полную возможность эти виды осуществить.

Не то совершенно получилось въ Россіи..

Оказавшись одновременно и руководителемъ государственной политики желѣзныхъ дорогъ и *хоззиномъ* этихъ дорогъ, русское правительство не сумѣло противостоять соблазну проникнуться всецѣло чисто «хозяйской» психологіей.

Прежде всего, тарифы стали строиться не по соображеніямъ содѣйствія развитію народнаго хозяйства, а всецѣло въ цѣляхъ фискальныхъ. Каждый кризисъ немѣнно вызывалъ попытку превращать эти тарифы въ налого-

вой прессъ, хотя противъ этого категорически волѣть вся теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Главное же, какъ добрый хозяинъ, русская казна съ невѣроятнымъ озлобленіемъ смотрѣла на всякую попытку сдѣлать ей «конкуренцію» постройкой каждой новой дороги, пускай чрезвычайно важной для государства, но имѣющей несчастье «отвлекать» доходы отъ казенной сѣти.

Въ результатѣ, развитіе русской желѣзнодорожной сѣти стало систематически отставать отъ общаго хозяйственнаго развитія страны, тормозить его... Больше того, какъ показалъ печальный опытъ войны, неразвитая русская сѣть помѣшала Россіи даже въ осуществленіи основной государственной функциї — въ защитѣ отъ врага.

Великое зло, причиненное Россіи задержкой строительства, вызванной неблаговременнымъ огосударствленіемъ дорогъ, не идетъ ни въ какое сравненіе со всей пользой, принесенной этимъ огосударствленіемъ.

Еще въ 1908 г. я выдвинулъ проектъ т. н. Домбровско-Донецкой ж. д. — Гришино — Фастовъ — Ровно — Кѣльцы и, могу сказать, блистательно неопровержимо доказалъ всю важность этой дороги съ экономической и — что особенно важно — съ военной точки зрењія, на случай кампаніи противъ Австріи.

Однако, одного соображенія, что эта дорога отвлекаетъ грузы отъ прилегающихъ казенныхъ дорогъ, оказалось достаточно, чтобы ее похоронить.

Совершилось государственное преступленіе, изъ за которого погибли сотни тысяч лишнихъ жизней на юго-западномъ фронѣ.

Насколько неоспоримы были мои доказательства неотложной необходимости этой дороги, видно изъ того, что въ ея сооруженію пристушили, не взирая на всѣ трудности военного времени, въ 1916 г.!

Необходимость линіи Казань-Екатеринбургъ была

выяснена еще въ 1909 году. Въ 1910-11 г. я произвелъ ея изысканія. Но разрѣшеніе ея постройки изъ-за спора о томъ, кому строить, казнъ или частному обществу, а, если частному обществу, то какому, затянули до 1913 года. И дорога не открыта по сей день, хотя и обошлась, благодаря войнѣ, ровно вдвое дороже.

На срочности постройки линіи Петроградъ-Рыбинскъ-Красноуфимскъ-Омскъ я настаивалъ еще въ началѣ 1915 г., но къ постройкѣ ея головного участка отъ Петрограда до Рыбинска приступили только зимой 1916-17 г., ибо не хотѣли давать ее частному обществу, бравшемуся, на американскія средства, выстроить ее въ 2 года.

Но, благодаря отсутствію этихъ двухъ дорогъ, въ Сибири — бездна хлѣба, а въ Петербургѣ уже давно выдаются по $\frac{1}{4}$ фунта на человѣка въ день.

Линія Москва-Донецкій Бассейнъ также упорно не разрѣшилась къ постройкѣ, а въ результатѣ — весь сѣверъ Россіи оставался безъ должнаго снабженія донецкимъ углемъ.

И вѣдь неизбѣжность войны съ Германіей была ясна, и прекращеніе при этомъ доставки англійскаго угля въ Петроградъ не былъ секретомъ, а всетаки боязнь конкуренціи была сильнѣе и дорогу не разрѣшили.

Продолжать эти пріимѣры можно до безконечности и не счѣсть того зла, которое принесло Россіи огосударствленіе ея сѣти.

Но также картина и въ другихъ странахъ. И въ Австріи, и въ Италии строительство немедленно же замирало, какъ только начинали выкупать дороги въ казну. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Америкѣ пострадаютъ тѣ Штаты, въ которыхъ сѣть не успѣла стать достаточно густой къ моменту государственного вмѣшательства въ желѣзно-дорожное дѣло.

Но, конечно, благодаря тому, что въ Америкѣ сѣть

уже достаточно, вообще говоря, развита, польза огосударствленіе, въ противоположность Россіи, превысить всѣ его не выгоды.

Но то своеобразное огосударствленіе, которое произведено Некрасовымъ и большевиками, уже окончательно зарѣжетъ Россію.

Вѣдь Россіи безъ новыхъ дорогъ не жить? А кто же ихъ будетъ строить? Государство, лишенное средствъ и кредита, или частные капиталисты, ободренные большевистскимъ опытомъ конфискаціи дорогъ у частныхъ обществъ?

Во всѣхъ другихъ областяхъ народнаго хозяйства, въ которыхъ индивидуальность хозяина играетъ большую роль, чѣмъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, послѣдствія огосударствленія будутъ еще ужаснѣе.

Несомнѣнно, что всякое созиданіе новаго национального богатства, всякое творчество пріостановится.

Между темъ, чѣмъ скорѣе желаемъ мы получить исцѣленіе недуговъ, постигшихъ русскія народныя массы, чѣмъ энергичнѣе должно идти это творчество.

При соціалистическомъ же строѣ нѣть рѣшительно никакихъ шансовъ ожидать, что это созиданіе новыхъ благъ, т. е. промышленное творчество, усиленіе производства, интенсификація труда, пойдетъ сколько нибудь энергично.

Вѣдь для человѣческой дѣятельности есть только три стимула:

1. любознательность,
2. стремленіе къ славѣ и
3. стремленіе къ комфорту.

Первые два стимула доступны только отдельнымъ людямъ, болѣе развитымъ интеллектуально.

Третій присущъ почти всѣмъ.

Онъ въ сущности, движаетъ міромъ. Соціализмъ, если

Не извлекает изъ человѣчества этотъ стимулъ вовсе, то во всякомъ случаѣ ослабляетъ его до чрезвычайности, исключая возможность личнаго обогащенія, дѣлая всѣхъ равными участниками благъ земныхъ, независимо отъ степени продуктивности труда, и устранивъ возможность и нужность накопленія.

Что же будетъ заставлять человѣчество усиленно трудиться, усиленно производить?

Пройдетъ немало времени, много надо будетъ поработать надъ человѣческой душой, переломить ее, чтобы заставить человѣка во имя общаго блага работать такъ же, какъ онъ сейчасъ, въ условіяхъ капиталистического строя, работает ради личнаго обогащенія, подстегиваемый великимъ возбудителемъ человѣческой дѣятельности — голодомъ.

И востократъ этотъ экспериментъ ослабленія стимуловъ къ творчеству опасенъ въ тотъ моментъ жизни государства, когда все его спасеніе лежитъ въ томъ, чтобы начать трудиться изо всѣхъ силъ, ибо и вся бѣда то пришла отъ того, что страна 4 года не производила.

Не можетъ быть спора о томъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ — да они и бывали — увлекательный ораторъ убѣдить, напр., рабочихъ фабрики усилить производительность въ виду крайней необходимости данного продукта для всего народа. Но этотъ взрывъ энергіи будетъ очень кратковременнымъ и скоро станетъ предъ людьми чавязчивый вопросъ: «а намъ то что отъ этого?»

Совершенно то же было и на фронтѣ. Увлекательная рѣчь Керенскаго — вещь хорошая, но когда неѣть вдобавокъ дисциплины, то впечатлѣніе этой рѣчи испарится весьма быстро и армія перестанетъ исполнять свою воинскую работу.

А голодъ хорошо поддерживалъ дисциплину труда.

Чѣмъ же соціализмъ думаетъ замѣнить эту великую силу?

Недолгій опытъ Россіи уже начинаетъ показывать намъ воочію, что даже приближеніе къ идеалу соціалистическаго строя уже даетъ фатальный эффектъ пониженія производительности и, слѣдовательно, подрывъ самой основы возможнаго благополучія народа.

Я этимъ не хочу сказать, чтобы Россія не должна была пройти черезъ экспериментъ соціализма, и даже, вообще, могла не пройти черезъ него.

Наоборотъ, онъ былъ почти неизбѣженъ. Когда свалилась на Россію небывалая бѣда, когда она изнемогла подъ бременемъ войны*), когда народъ созналъ размѣры своего счастья, то онъ инстиктомъ понялъ, что изъ такого исключительного положенія его могутъ вывести мѣры только также исключительныя, размаха и масштаба невиданнаго.

*)Меня всегда очень поражаетъ, когда я слышу сѣтованія союзниковъ на то, что Россія вышла изъ войны. Я всегда недоумѣваю, почему эти люди негодуютъ и удивляются. Вѣдь это явленіе было неминуемо, какъ фатумъ, когда союзники войну затянули. Разъ они объявили войну «на истощеніе», то понятно, что первую должна была истощиться та страна, которая всѣхъ слабѣе экономически. Это и должно, и можно было предвидѣть. Что это такъ, это всего лучше видно изъ того, что нѣмцы то это отлично предвидѣли. Тамъ еще три года тому назадъ была произнесена фраза, что въ той цѣпи, которая охватываетъ и душитъ Германію, Россія будетъ первымъ звеномъ, которое лорвается.

Но если истощеніе Россіи и результирующей отсюда выходъ Россіи изъ войны были совершенно неизбѣжны, то союзникамъ оставалось одно изъ двухъ: либо ждать терпѣливо, когда истощеніе придетъ, либо бороться съ самой возможностью источенія — т. е. помогать Россіи *изо всѣхъ силъ*, чтобы выровнять союзническій экономический фронтъ такъ же, какъ стараются въ бою выровнять фронтъ стратегическій.

Союзники не сдѣлали второго и сердятся, когда произошло первое. Въ моменты міровыхъ конфликтовъ мораль, конечно, вещь хорошая, но предусмотрительность тоже полезна. Кто же ея не умѣеть или не хочетъ во время проявить, тотъ за это платится.

Предъ нимъ лежало тогда два пути.

Одинъ, на который звалъ ее я, — и почти одинъ я, потому что всѣ друіе защитники этой идеи попрятались, сознавая ясно безнадежность своей точки зрењія въ данныхъ условіяхъ психики народной — это путь уже испытанный народами, хотя и въ меньшемъ масштабѣ — путь титаническаго развитія промышленнаго творчества, феерического развитія капитализма въ стилѣ съверо-американскомъ.

Второй путь, хотя и не проверенный ничимъ опытомъ, но за то (быть можетъ, даже какъ разъ изъ-за этого) повитый дымкой поэзіи, былъ — соціализмъ.

Россія не могла не избрать второй путь.

Онъ несравненно больше соответствовалъ всей ея психикѣ.

Основная черта русской души это стремленіе къ справедливости.

Поэтому, вопросы распределенія искони интересовали русскихъ мыслящихъ людей гораздо больше, чѣмъ вопросы производства.

Русская интеллигенція сплошь была поэтому заражена «сентиментальнымъ» соціализмомъ, ибо видѣла въ соціализмѣ удовлетвореніе своей жажды справедливости.

Отсюда и эта столь поражающая иностранцевъ, подавляющая побѣда соціалистическихъ партій въ Россіи.

Русскій соціализмъ не есть нѣчто вытекающее изъ классового самосознанія.

Это своего рода религія, въ которой интеллигенція — священнослужители.

Идеологи индустріализма, защитники буржуазныхъ идей, насчитываются въ Россіи единицами.

Недаромъ вѣдь и первые шаги къ соціалистическому перевороту — учрежденіе земельныхъ комитетовъ, установление хлѣбной монополіи и введеніе фантастического

обложенія промышленности*) — всѣ сдѣланы интеллигентомъ — кадетомъ А. И. Шингаровымъ, который откrestилъся бы отъ названія соціалиста.

Вполнѣ понятно, что начатый въ такой объективно-экономической и психологической обстановкѣ, каждый соціалистический экспериментъ неминуемо заводиль авторовъ его въ тотъ или иной жизненный или идеиній тупикъ.

Особенно ярко мнѣ это представилось послѣ разговора съ однимъ думскимъ соціалистомъ еще въ самомъ началѣ русской революціи, когда еще только начинали появляться требования прибавокъ и увеличеній заработной платы.

Я его спросилъ: «Какъ же Вы думаете удержать эти платы послѣ войны, когда откроются границы? Вѣдь онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ міровой конъюнктурѣ? Рѣчь идетъ не о промышленникахъ, — они ко всему приспособятся, а о цѣнахъ товаровъ, о потребителѣ. Вѣдь русскіе товары будутъ такъ дороги, что имъ заграничной конкуренціи не выдержать, и русская промышленность станетъ?».

На это мой собесѣдникъ отвѣтилъ побѣдительнымъ

*) По закону Шингарева З основныхъ налога съ промышленно-торговыхъ предпріятій — походный (до 30%), временный подоходный (тоже до 30%) и на военную прибыль (до 80%) — могутъ достигать, въ суммѣ, 90% отъ «податной» прибыли. Послѣдняя же значительно отличается отъ дѣйствительной, коммерческой прибыли. Для получения податной прибыли изъ коммерческой къ податной прибавляются: всѣ излишки вознагражденія лицъ высшей администраціи сверхъ 3% на основной капиталъ въ суммѣ и сверхъ 10.000 рублей на отдельное лицо, всѣ отчисленія на погашеніе имущества сверхъ 5 и 10% (соответственно для недвижимаго и движимаго) всѣ благотворительныя отчисленія, и даже расходы на культурныя нужды рабочихъ, напримѣръ, на постройку церквей. При такихъ условіяхъ 90% податной прибыли легко могутъ превысить всѣ 100% прибыли человѣчески понимаемой. Прибавьте сюда налоги земскіе и городскіе, и вы увидите, что по закону Шингарева получение прибыли есть вещь иногда очень рискованная. Затоъ такъ нелѣпъ, что онъ даже и не вошелъ въ жизнь. Замѣнившій Шингарева Бернацкій «отсрочилъ» на 1918 г. «временный подоходный налогъ». По русскимъ нравамъ это всегда значило похоронить.

тономъ: «Ну, мы иностранныхъ товаровъ не пустимъ. Мы введемъ такія таможенные пошлины, какія Вамъ, промышленникамъ, и во снѣ не снились».

Наивный малый и не представлялъ себѣ, какимъ позоромъ ложатся и на него, и на весь русскій «соціализмъ», такія слова.

Тѣ самые соціалисты, которые съ пѣной у рта обвиняли русскую промышленность въ томъ, что она паразитируетъ за счетъ русского народа, пользуясь русскими покровительственными пошлинами, теперь, когда власть въ ихъ рукахъ, собираются такъ поднимать эти пошлины, чтобы создалась возможность паразитировать не нѣсколькоимъ тысячамъ русскихъ промышленниковъ, а цѣльнымъ миллионамъ рабочихъ.

За чей счетъ?

Не за счетъ ли мужика, разъ что «буржуя» дочиста раздѣли?

И какъ такіе, съ позволенія сказать, соціалисты представляютъ себѣ составъ Русскаго Парламента, чтобы онъ пошелъ на такія мѣропріятія, явно вредныя подавляющему числу населенія?

Не вырисовывалась-ли уже и тогда пресловутая «диктатура» пролетаріата, т. е. попытка созданія новаго привилегированного класса, отличающагося отъ старого только меньшей конфузливостью и большимъ числомъ?

Думали ли эти люди о томъ, что, если при большемъ благосостояніи до войны, русскому мужику было тѣжко сдержать на своихъ плечахъ полсотни тысячъ помѣщиковъ, то ему будетъ не под силу содержать теперь, въ разоренной странѣ, нѣсколько миллионовъ городскихъ рабочихъ?

И что онъ захочетъ это дѣлать?

Такой же точно тушикъ, изъ которого нѣть приличнаго выхода, получается при всѣхъ другихъ экспериментахъ.

Конфисковали въ городахъ дома. Выгоняютъ «буржуевъ» изъ ихъ квартиръ. Но надолго ли хватить этого запаса крытыхъ помыщений, хотя бы въ томъ же Петроградѣ? Его населеніе до войны приростало на 50-60 тысячъ въ годъ. Куда же размѣщать эту прирость? Прежде вопросъ разрѣшался частнымъ домостроительствомъ. А теперь, кто будетъ строить? Города? Да какой же сумасшедший дастъ имъ денегъ?

Постановили: не выдавать «буржуямъ» болыше 150 руб. въ недѣлю съ текущихъ счетовъ.

Удалили по болѣе культурнымъ капиталистамъ, которые понимаютъ, какое зло для национального хозяйства держать деньги по закуткамъ, сундукамъ и подпольямъ, и снесли свои 7 миллиардовъ въ банки. А что до этого тѣмъ, которые прячутъ по домамъ свои 25 миллиардовъ?

Куда, дальше, пойдутъ тѣ новые 2-3 миллиарда, которые каждый мѣсяцъ выбрасываетъ Экспедиція?

Какъ будутъ, дальше, реализоваться государственные займы, если единственный путь для ихъ реализаціи — черезъ банки — теперь закрыть?

Потому что, кто же теперь понесеть деньги въ банкъ?

А безъ займовъ, какъ мы будемъ бороться съ дальнѣйшимъ залитиемъ каналовъ денежнаго обращенія бумажками?

Принудительный заемъ введете? Бумажку офиціально обещаюте? Такъ вѣдь это ударить опять таки только по мужику. У буржуя бумажекъ нѣть. Онъ всѣ въ деревнѣ.

Всѣ эти вопросы и въ голову не приходятъ г.г. реформаторамъ въ ихъ азартномъ походѣ на капиталистической строй.

Имъ важно уязвить буржуя. А что изъ этого получится для народнаго хозяйства, они и знать не хотятъ, а еще того чаше, по крайнему своему невѣжеству и дѣловой неспытности, даже и не представляютъ себѣ.

Всѣми подобными мѣропріятіями подрывается не капиталистической строй, а основы народного хозяйства.

Капиталъ не перестаетъ существовать, а только, сохранивъ всѣ свои дурныя качества, теряетъ качества положительныя — творческія.

Капиталъ сконцентрированный въ одномъ мѣстѣ — у отдельного лица или въ банкѣ — имѣть неудержимую склонность творить новыя цѣнности, новый капиталъ. Капиталъ распыленный только форсируетъ потребленіе.

Милліардеръ «прѣѣсть» свои доходы органически не можетъ. Онъ ими неминуемо увеличиваетъ свой капиталъ, который гдѣ то работаетъ, кого то кормить, что то создать, вызываетъ къ жизни.

Но стоить раздать ту же сотню миллионовъ хотя бы только миллиону людей, какъ они неминуемо немедленно ихъ пропытютъ или проѣдятъ. словомъ, ничего съ этими деньгами полезнаго не сдѣлаютъ, а только усилять дороживизну, насильственно увеличивъ спросъ на потребительскіе товары.

Вотъ эта безжизненность, практическая безнадежность всѣхъ предпринимавшихъ по сю пору русскими социалистами шаговъ къ «соціалізації» приводить къ тому, что ихъ дѣятельность все болыше и болыше принимаетъ характеръ не столь уже соціалистической, сколь экстремистски — политической.

Идетъ въ сущности походъ одной части населенія на другую съ большой примѣсь простой криминальности. Недаромъ вѣдь одинъ изъ авторитетнейшихъ у насъ социалистовъ недавно обмолвился фразой: это не соціальная реформа, а соціальный грабежъ.

И этотъ уклонъ въ сторону чистой политики является тѣмъ болые обоснованнымъ, чѣмъ меныше есть реальныхъ оснований для подлинно-соціалистической реформы.

Да и это явленіе вовсе не новое.

Когда нація, въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ причинъ, доходитъ до нестерпимаго экономического положенія, она рѣдко удерживается отъ соблазна сдѣлать попытку выйти изъ своихъ затрудненій путемъ чисто политическімъ.

Положеніе Россіи до крайности тяжело. Отсюда и наблюдаемое тамъ сейчасъ чрезвычайное увлеченіе политикой, притомъ въ самыхъ крайнихъ формахъ.

Такъ бывало всюду. Въ аналогичныхъ положеніяхъ политические фантасты всегда завладѣвали сердцами и умами своего народа и самая крайня политическая теорія встрѣчали наиболѣе восторженный приемъ.

Судьба всѣхъ подобныхъ увлеченій народовъ извѣстна, и едва-ли и Россія явить что-либо новое въ этомъ отношеніи. Не сегодня, завтра тамъ начнется такое же всеобщее отвращеніе ко всякой «политикѣ», какое сейчасъ наблюдается увлеченіе ею.

Причина этого ясна. Жизнь неминуемо выдвигаетъ проблемы, коихъ разрѣшеніе требуетъ извѣстныхъ дѣловыхъ навыковъ и знаній и посему недоступно для партійныхъ болтуновъ и политиковъ, обычно съ жизнью плохо знакомыхъ и потому пасующихъ тамъ, гдѣ требуются не слова, а конкретныя дѣйствія для удовлетворенія кричащихъ нуждъ обывателя.

Одной изъ такихъ проблемъ, которая встанетъ передъ Россіей во всю величину на другой же день по заключеніи мира, явится проблема урегулированія разсчетнаго баланса.

Онъ искони былъ у насъ пассивнымъ, т. е., количество денегъ, которое Россіи надлежало ежегодно выплачивать другимъ государствамъ за покупаемые у нихъ товары и фрахты, на покрытие расходовъ нашихъ путешественниковъ (до 300-400 м. р. въ тодѣ) и по внѣшнимъ долгамъ (государственнымъ, желѣзодорожнымъ и част-

нымъ — въ формѣ заграничныхъ обществъ, дѣйствующихъ въ Россіи) всегда превышало количество денегъ, причитавшихся Россіи за продаваемые ею товары и получавшихся отъ русскихъ эмигрантовъ.

Отрицательное сальдо нашего разсчетнаго баланса покрывалось изъ года въ годъ займами, по преимуществу во Франціи, отчасти въ Англіи и Германіи. Для сей цѣли выпускались займы, какъ чисто государственные, такъ и желѣзнодорожные, ипотечные и частно-акціонерные.

Если бы не эти непрерывные займы, нашъ пресловутый золотой запасъ уже давно пересталъ бы существовать. Займы же давали государству возможность довести его до огромной суммы въ почти 900 миллионовъ долларовъ (передъ войной, нынѣ же онъ — 1.250 м. рублей).

Послѣ войны наше положеніе значительно ухудшилось.

Долги наши союзникамъ превышаютъ $8\frac{1}{2}$ миллиардовъ рублей и, слѣдовательно, одинъ платежъ процентовъ ухудшить балансъ миллионовъ на 500 рублей золотомъ въ годъ, исчезнетъ почти полностью такая статья дохода, какъ тѣ 700 м. п. хлѣба, которые мы до войны вывозили заграницу, и которыхъ теперь, въ связи съ колоссальнымъ недосѣвомъ и понижениемъ интенсивности сельскаго хозяйства, намъ не хватить даже внутри страны. Наоборотъ, потребность въ заграничныхъ товарахъ, неудовлетворявшаяся въ теченіе 4 лѣтъ, нынѣ, подъ вліяніемъ понижения собственной производительности отечественной индустріи, выросла даже объективно.

Но къ этому прибавилось еще то, что населеніе Россіи, заливаемое въ теченіе 4 лѣтъ бумажными деньгами, пресерьезно воображаетъ себя разбогатѣвшимъ и надѣется твердо, немедленно же по заключеніи мира, удовлетворить свои развившіеся вкусы за счетъ иностранного ввоза

всякихъ предметовъ не только необходимости, но и комфорта.

При такихъ уловіяхъ приходится говорить о возможности дефицита въ многіе миллиарды рублей въ годъ.

Какъ съ такой задачей справиться?

Старый методъ займовъ во Франціі совершенно немыслимъ. Даже если бы не было политическихъ причинъ (хотя бы законнаго недовольства французовъ нашимъ выходомъ изъ войны), французскій рынокъ все-таки надолго быль бы закрытъ для Россіи — у него слишкомъ сложная задача по консолидированію военныхъ расходовъ своей страны и по возстановленію разрушенного имущества. Поэтому французское правительство вѣроятно будетъ даже запрещать всякия иностранныя эмиссіи во Франціі.

Большевики выдвигаютъ «радикальный» пріемъ отказа отъ платежа по заграничнымъ займамъ.*) Не входя въ критику по существу столь необычайного метода дѣйствій, не останавливаясь на томъ, что на него едва-ли согласятся страны-кредиторши, необходимо все же отметить, что онъ вопроса отнюдь не решаетъ, ибо у насъ отрицательнымъ будетъ не только разсчетный, но и чисто торговый балансъ, т. е., даже откладывая платежи по долгамъ и расходы путешественниковъ, мы всетаки не въ состояніи заплатить за товары, которые намъ «до зарѣзу» нужны, ибо своихъ товаровъ къ вывозу у насъ будетъничто мало, а золотого запаса не хватить и на годъ.

*) Это чрезвычайно характерный *bluff* большевиковъ. Во время войны мы могли платить проценты по заграничнымъ долгамъ только изъ кредитовъ, которые намъ открывались иностранными правительствами. Но, для получения кредита, требуется соглашеніе, а для соглашенія необходимо вступить въ дипломатическія сношенія. А въ сношенія съ большевиками союзныя правительства вступать не желаютъ. Поэтому, если бы они и желали заплатить, то этого сдѣлать не могутъ: Не имѣя же возможности платить, они предпочли заявить гордо, что они не хотятъ.

Если бы у насъ была сильная власть и честная администрація, то, быть можетъ, удалось бы насильственно сократить потребность въ заграничномъ товарѣ, закрывши границы. Но сейчасъ обѣ охранѣ 1000 миль одной западной сухолугтной границы, не говоря уже о всѣхъ прочихъ, не можетъ быть и рѣчи.

Не дожидаясь требованія нѣмцевъ о свободномъ пропускѣ товаровъ, россійскій обыватель самъ властно потребуетъ ввоза, и конечно не демагоги осмѣлятся ему въ этомъ отказать.

О форсированіи внутренняго производства въ цѣляхъ созданія *contre valuer*' а ввозу конечно не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, производительность Россіи значитель-но упадеть, ибо транспортъ полуразрушенъ, кредитъ и денежнное обращеніе въ конецъ разстроены, рабочее населеніе отбилося отъ труда.

Чѣмъ же остается крыть дефицитъ, если всякие нормальные, здоровые методы его покрытия недоступны?

Очевидно, остается одно изъ двухъ: или примириться на долгіе годы съ безтоварьемъ (а этого мы не хотимъ, а, частью, и дѣйствительно не можемъ), либо поступать по историческому шримѣру веселящихся русскихъ барь-помѣщиковъ и гусарскихъ корнетовъ — проѣдать не доходы, а самое имущество... съ полной нищетой и рабствомъ въ перспективѣ, если, разумѣется, не придетъ достаточно скоро охота жить поскромнѣе и работать поусерднѣе.

Но дѣлу продажи русскаго національнаго имущества большевистскимъ правительствомъ поставлена довольно трудно устранимая преграда: вѣдь почти все это имущество—и земля, и банки, и фабрично-заводскія предпріятія—имъ «націонализировано».

Какое же еще имущество можно будетъ продавать иностранцамъ въ обмѣнъ за ихъ товары? Вѣдь «иму-

ществомъ», изображаемымъ русскимъ кредитнымъ рублемъ, ихъ не прельстишь?

Такимъ образомъ и единственный практический мыслимый способъ, и тотъ—*при наличныхъ условияхъ*—становится непримѣнимымъ: вѣдь нельзя же себѣ вообразить, чтобы большевики, экспроприировавшіе имущество у русскихъ капиталистовъ и буржуевъ и «национализировавшіе» его, стали своими же руками его денационализировать путемъ распродажи иностранцамъ.

Отсюда видно, въ какомъ неустранимомъ конфликѣ находится «націонализація» имущества и необходимость покрытія дефицита въ разсчетномъ балансе.

Этотъ конфликтъ останется даже и при наличії соціальной революціи въ другихъ странахъ: вѣдь и иностранные рабочіе не захотятъ «даромъ» снабжать продуктами «своего» труда русскихъ плохо работающихъ и мало производящихъ товарищей.

Не трудно предсказать съ увѣренностью, что на практикѣ обычатель, подъ нестерпимымъ давленіемъ нужды въ заграничномъ товарѣ, практически отмететъ идею націонализациіи и начнетъ распродажу національного имущества.

Но такъ какъ имущество это будетъ, благодаря офиціальной націонализациіи и, вообще, беспорядку въ странѣ, весьма сомнительнымъ, то и пойдетъ оно за безцѣнокъ.

Покупатели по этимъ чрезвычайно пониженнымъ цѣнамъ всегда найдутся, ибо въ мірѣ имѣются любители рискованныхъ дѣлъ, которые съумѣютъ расчитать, что Россія къ идеѣ собственности вернется и тогда они безумно наживутъ.

Въ результатѣ, Россія за свои политическія увлеченія понесетъ жесточайшее наказаніе.... какъ это, впрочемъ, всегда въ исторіи и бывало.

А затѣмъ..... Затѣмъ она обратится къ тому единственному средству созданія національного благосостоинія, которое только и знаетъ весь міръ—къ усиленному труду, къ усиленному производству.

Но пока этотъ процессъ оздоровленія морали и разума народнаго совершится, пройдетъ немало времени и не мало переживетъ Россія испытаний.

Прежде всего, ей придется, даже независимо отъ общей политической ситуаціи, разстаться со своей хозяйственной самостоятельностью.

Какая бы группа державъ ни побѣдила, для Россіи съ хозяйственной точки зрењія это почти безразлично. Все равно процессъ денационализации русской промышленности совершится съ такой же неукоснительностью, съ какою совершилась за время войны национализация промышленности и государственного долга въ странахъ, которые на войнѣ нажили, какъ Съверная Америка и Скандинавскія страны.

Если побѣдить Германія, то захватъ русской промышленности, русского рынка сырья и русской способности поглощать импортные товары совершить безраздѣльно Германія. Союзникамъ же будетъ не до насъ: они будутъ залѣчивать свои раны.

Если побѣдятъ союзники, то нѣкоторое участіе въ экономическомъ захватѣ Россіи примутъ и они, хотя, вѣроятно, и съ нѣкоторымъ запозданіемъ и съ меньшей, чѣмъ нѣмцы, выгодой для себя.

Послѣднее положеніе для Россіи, съ точки зрењія сохраненія политической самостоятельности ея, какъ государства, конечно, желательнѣе: меньше шансовъ за то, что контроль экономической повлечетъ за собою контроль политической.

Къ сожалѣнію, надеждъ на это чрезвычайно мало.

Германія дольше и больше всѣхъ готовилась къ вой-

кѣ, но она и больше всѣхъ думала о мириѣ во время великой войны.

Союзники всю свою промышленную энергию направили на служеніе военнымъ цѣлямъ. Ихъ мирная работоспособность ослаблена чрезвычайно. Правда, лозунгъ: «все для войны», прогремѣвшій въ Россіи изъ устъ московскаго купца Рябушинскаго въ 1915 году и воспринятый во всѣхъ союзныхъ странахъ, не привелъ эти страны въ такое же хозяйственное разстройство, какъ Россію, ибо у нихъ и промышленность сильнѣе, и, кромѣ того, былъ еще и другой лозунгъ—лозунгъ экономіи. Но, все-таки, способность союзной промышленности къ снабженію мірового рынка товарами значительно ослаблена. Станки для мирной работы за эти годы не освѣжались и, пока военные заводы будутъ демобилизованы и переведены на мирную работу, пройдетъ много времени.

Германія обѣ этомъ уже давно подумала и этимъ объясняется, почему она грабила станки и машины на заводахъ Бельгії, Сѣверной Франціи и даже Польши. Она понимала, что въ моментъ мира достать станки будетъ невозможно нигдѣ и экономически опередить всѣхъ тутъ, у кого окажется *на лицо* наибольшее количество станковъ, ибо онъ удовлетворить первую, наиболѣе острую, потребность въ товарахъ, получить наилучшія цѣны и захватить рынки потребленія.

Особенно это вѣрно въ отношеніи Россіи, ибо въ ней и товарный голодъ всего острѣе, и ближе она, и экономическая сопротивляемость ея слабѣе. Поэтому, если до войны Германія захватила до 52% русского импорта, то послѣ войны эта цифра рискуетъ быть весьма близкой къ 100%.

Для такого предсказанія есть еще одно серьезнѣйшее основаніе, о которомъ какъ то всѣ позабыли. Это курсъ германской марки. Ея курсъ упалъ весьма серьезно. Въ

Норвегій онъ, напр., еще весьма недавно доходилъ до 33 эре и только послѣ слуховъ о сепаратномъ мирѣ съ Россіей повысился въ декабрѣ до 55 эре, далеко еще не достигая паритета. Поэтому и русскій рубль въ отношеніи бумажной нѣмецкой марки упалъ значительно менѣе — примерно въ $2\frac{1}{2}$ раза —, нежели въ отношеніи неподвижныхъ валютъ — въ 4-5 разъ въ отношеніи фунта стерлинговъ и доллара.

Въ силу этого всякий товаръ, даже одинаковой золотой цѣны, какъ въ Германіи, такъ и въ Америкѣ, для русского покупателя въ Америкѣ будетъ стоить въ $4:2\frac{1}{2} = 1\frac{1}{2}$ раза дороже, чѣмъ въ Германіи.

Если къ тому прибавить, что и исходная то цѣна въ Америкѣ имѣеть всѣ шансы быть выше, чѣмъ въ Германіи, благодаря болѣе высокой оплатѣ труда, и что морской фрахтъ долго будетъ дороже провоза изъ Германіи по желѣзнымъ дорогамъ, то возникаетъ *sui generis* дифференциальная шошина, препятствующая импорту въ Россію изъ Америки.

Этотъ импортъ будетъ возможенъ лишь въ мѣру закупки Америкой товаровъ въ Россіи (до войны это было что-то около 5 миллионовъ долларовъ въ годъ) и въ мѣру предоставлениія ею Россіи на какихъ то полублаготворительныхъ началахъ валюты для закупокъ въ Америкѣ.

Бороться съ этимъ, крайне невыгоднымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и жизненно опаснымъ, положеніемъ союзники могутъ только двумя способами.

Съ одной стороны, нужно захватить контроль надъ міровымъ, въ томъ числѣ и россійскимъ, рынкомъ сырья. Этимъ путемъ можно заставить цѣну германскихъ товаровъ подняться до уровня цѣнъ союзническихъ и темъ поставить ихъ въ равные условия конкуренціи.

Съ другой стороны — нужно немедленно приступить къ закупкѣ всего этого имущества Россіи, которое только

можетъ быть ею продано, какъ то: банковъ, фабрикъ, за-водовъ, залежей ископаемыхъ, земель поддающихся ир-rigациі, лѣсовъ.

Этимъ способомъ Россія на чисто коммерческихъ, а слѣдовательно здоровыхъ и прочныхъ, основаніяхъ по-лучить валюту (разумѣется закрѣпленную) для закупокъ въ Америкѣ и, хотя скрѣпя сердце, оторчаясь на дорого-визну, но дасть послѣдней возможность занять серьезное мѣсто въ дѣлѣ импорта въ Россію.

Наоборотъ, ввозъ изъ Германіи станеть весьма за-труднительнымъ, ибо достать валюту германскую будетъ не легко. Вѣдь противъ рублей и только противъ рублей, не имѣя возможности вымѣнять ихъ на сырье и имуще-ство, Германія свои товары продавать не будетъ въ со-стоянії, какъ бы ни былъ ей близко знакомъ русскій ры-нокъ, какъ бы ни привыкла она къ русскому обычаю вести торговлю въ кредитъ, какъ бы ни была она свободна отъ американского предубѣжденія и боязни рубля.

Но сдѣлать все это можно только приступивши къ дѣлу немедленно, ибо захватъ Россіи нѣмцами пойдетъ съ необычайной быстротой и чрезвычайной же настой-чивостью.

Для этого у Германіи имѣются серьезнѣйшія осно-ванія.

Дѣло въ томъ, что Германія начала войну въ твердой увѣренности въ побѣду.

Нельзя не признать, что она имѣла для этой увѣрен-ности всѣ даннныя. Побѣда вѣдь висѣла на волоскѣ. Не испугайся нѣмецкіе юнкера за судьбу своихъ имѣній, не потребуй они немедленного отпора русскому налету на Восточную Пруссію, не ослабь они этимъ свою западную армію на нѣсколько корпусовъ, и были бы нѣмцы въ Па-рижѣ, не спасли бы положенія тѣ 40.000 солдатъ, которыхъ въ послѣднюю минуту бросилъ въ бой Галліени и

которые склонили чашку въ сюзъ въ сраженіи на Марнѣ въ пользу Жоффра.

Увы, мгновенное, однимъ ударомъ, окончаніе войны оказалось невозможнымъ. Война затянулась. Чѣмъ она кончится — неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе — въ ничью. Надо поэтому готовиться къ новой войнѣ. И въ этой новой войнѣ надо уже не повторять старой ошибки, стоявшей проигрыша кампаніи 1914 г., надо идти навѣрняка: подготовить войну, не только въ военномъ, но и въ дипломатическомъ отношеніи, чего Германія, переоцѣнившіи свои силы, въ 1914 году не сдѣлала.

Наиболѣе простымъ рѣшеніемъ задачи пріисканія для слѣдующей войны союзника, который сдѣлалъ бы эту войну безпроигрышной, является обращеніе къ старому другу, близкому сосѣду — Россіи. Недаромъ вѣдь и старикъ Вильгельмъ на смертномъ одрѣ заклиналь нессориться съ Россіей.

Не думаю, чтобы кому-либо удалось опровергнуть, что именно такова будетъ тенденція нѣмецкой политики въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, особенно, если она, что вполнѣ еще возможно, не одержитъ побѣды на западномъ фронте.

Но это направленіе нѣмецкой политики представляеть собою величайшую опасность для Россіи не только съ вѣнчне-политической и экономической точки зренія, но и съ точки зренія политики внутренней, опасность для демократического устройства Россіи.

Дѣло въ томъ, что, конечно, Германія не повторить ошибку малоумнаго Николая II, оказавшуюся фатальной для его династическихъ интересовъ и состоявшую въ непримѣромъ противорѣчіи между его внутренней и вѣнчнею политикой. Нельзя безнаказанно для абсолютизма культивировать реакцію внутри страны и вести либеральную политику во внѣ, состоять въ союзѣ съ передо-

выми демократіями. Однаково и демократіи небезопасно вести дружбу съ деспотіями. Такой коренной ошибки Николая II Германия уже несомнѣнно не допустить и, разъ рѣшивши ввести Россію въ орбиту своей политики, конечно приложитъ всѣ усилия къ тому, чтобы добиться монархической реставраціи въ Россіи.

Есть ли, однако, въ Россіи такие элементы, на которые новый монархъ могъ бы опереться, которые измѣнили бы идею демократіи и захотѣли бы вновь «подъ царя»?

На тотъ вопросъ надо, увы, прямо отвѣтить: да, такие элементы есть.

Повидимому, Россія начинаетъ уже завершать циклъ и, отъ самодержавія, черезъ революцію и анархію, неудержимо идетъ къ воспріятію вновь идеи единодержавія. Недаромъ я всегда шутилъ, что русская революція есть точная копія французской, съ той только разницей, что та совершилась въ почтовомъ дилижансѣ, а наша — въ автомобіляхъ и съ радиотелеграфомъ.

Изобрѣтательности мы не проявили почти ровно никакой и все, что у насъ происходит, происходит и тамъ. Разница только въ темпѣ, поэтому и ликвидація близится скорѣе.

Какъ могъ получиться такой, по истинѣ, ужасный результатъ?

Вѣдь въ началѣ революціи вся буквально Россія была единодушна въ ея признанії. Всѣ торжествовали, всѣ радовались, всѣ ждали и вѣрили въ скорое лучшее будущее.

Гидра контроль-революціи существовала только въ воспаленномъ воображеніи митинговыхъ ораторовъ и пыталась лишь тѣмъ отсутствіемъ вѣры въ то, что революція действительно пришла, о которомъ я уже не разъ говорилъ. Вѣдь не даромъ даже монархистъ и правый В. В. Шульгинъ ходилъ «брать» Петропавловскую крѣпость и требовать отреченія отъ Николая II.

Но затѣмъ началось постепенное отмежаніе оть революціи одной группы гражданъ за другой.

Первыми были офицеры, потомъ въ граждане II-го сорта попали помѣщики, потомъ «капиталисты» и весь торговопромышленный классъ. Потомъ пришла очередь за духовенствомъ, всей интеллигентіей вообще («буржуи») и, наконецъ, за «столыпинскими помѣщиками», т. е., за хуторянами и отрубщиками, которыхъ въ Россіи, однако, до $12\frac{1}{2}$ миллионовъ. Въ ту же кучу попали казаки и даже всѣ хозяйственныя мужики. Контрреволюціонной объявлена и Польша, воэстановленію которой такъ радовались всѣ хорошия русскіе люди*).

Кто же оказался, наконецъ, не выброшеннымъ за бортъ революціоннаго корабля?

Если пересчитать всѣхъ исключенныхъ, всѣхъ патріевъ и «враговъ революціи», то, пожалуй, дѣйствительно добрыми гражданами российской республики окажутся только одни неудачники періода до революціи, всѣ тѣ, кто при старомъ режимѣ не сумѣлъ устроить свою жизнь

*) Теперь, когда трагическія события войны сдѣлали такъ яснымъ то, что многими, даже большинствомъ, совершенно не понималось ранѣе, я съ удовлетвореніемъ вспоминаю, какъ я еще въ 1912 г. среди своихъ товарищъ по Г. Думѣ высказывалъ мысль, что у Россіи есть два способа чрезвычайно усилить свое положеніе, на столько, что, быть можетъ, и нѣмцы съ нами воевать не рискнутъ. Эти способы суть: дарованіе полной автономіи Польшѣ и торжественное принятие присяги на вѣрность конституції въ Думѣ. Теперь то уже каждому ясно, какъ сложились бы события, если бы рыцарскій польскій народъ получилъ свою свободу изъ русскихъ рукъ до войны, если бы, вместо того, чтобы растрачивать силы на безнадежную борьбу съ поляками, русскій двуглавый орелъ стоялъ въ бою рядомъ съ бѣлымъ орломъ родной намъ Польши, какъ равный съ равнымъ, какъ братъ съ братомъ. Отразилось бы это и на внутреннихъ дѣлахъ: вѣдь болѣе культурный польскій народъ не даль бы разыграться на фронтахъ этой т. н. большевистской гибели. Въ польскомъ народѣ стремленіе къ государственности чрезвычайно сильно и онъ, видя гибельность для себя большевистскаго безумія, напечѣлъ бы въ себѣ энергию помочь и русской власти въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ.

въ соотвѣтствіи со своимъ аппетитомъ и находился въ конфлікѣ либо съ законами экономики, либо съ законами уголовными. Думается, что по нынѣшнимъ временамъ даже не все промышленные рабочіе и сельскохозяйственные батраки безупречны въ смыслѣ революціонной благонадежности.

Словомъ какая то романовщина навыворотъ.

А если это такъ, то можно ли положительно утверждать, что и судьба теперешнихъ увлеченій не будетъ романовской?

Во всякомъ случаѣ можно утверждать то, что, если прусскій капралъ вздумаетъ восстановить на престолѣ россійскомъ Императора, то *нынѣ* онъ не встрѣтить того единодушнаго отпора всей Россіи, который онъ встрѣтилъ бы мѣсяцевъ 9, можетъ быть даже въ тому назадъ.

Тогда подобная попытка вызвала бы взрывъ негодованія буквально всей Россіи. Нынѣ, не мало забракованныхъ гражданъ просто смолчитъ.

Прелести самодержавія уже многими исправно забыты, а униженія, оскорбления, физическія раны, нанесенные неумѣренными представителями революціонной демократіи, еще очень свѣжи, еще очень болѣзненны.

Это еще не монархисты, но и не люди, которые стали бы съ попыткой монархической реставраціи бороться.

Въ случаѣ ея возникновенія они займутъ позицію стороннихъ наблюдателей. Борьбу съ ней они признаютъ личнымъ дѣломъ только крайней демократіи и поддержки ей не окажутъ.

Этотъ чудовищный результатъ разслоенія всей Россіи, которая была такъ единодушна въ своей радости свободы, не представляетъ собою чего нибудь неожиданного для любого здравомыслящаго человѣка.

Болѣе того, не мало народа на этомъ прямо спекулировало.

Когда, напр., группъ петербургскихъ дѣльцовъ было сдѣлано въ срединѣ Октября предложеніе «убратъ» Ленина и Троцкаго, то они на отрѣзъ отказались «сфинансировать» это предпріятіе. Я думаю не трудно и прослѣдить ихъ аргументацію: «Шингаревъ, Церетели и Плехановъ намъ куда опаснѣе, а Ленинъ и Троцкій скоро вернутъ наasz къ тому добруму старому времени, когда такъ хорошо было ловить рыбу въ мутной водѣ».

Подобное состояніе умовъ въ Россіи не можетъ составлять секрета для Германіи.

А такъ какъ ей въ высокой степени важно обеспечить за собою на будущее время союзъ съ Россіей, то надо въ ближайшемъ же будущемъ ожидать, въ результатѣ военнаго разгрома, нѣмецкихъ попытокъ устроить въ Россіи монархическую реставрацію: вѣдь посаженный на престоль прусскими руками новый императоръ не забудеть этой услуги и уроковъ исторіи, не совѣтующей монархамъ заводить союзы съ демократіями.

Вотъ передъ какой опасностью стоитъ и міровая, и русская демократія. Найти въ себѣ духовныя силы бороться съ этимъ германскимъ нашествіемъ на Россію, съ этимъ покушеніемъ на всѣ стороны ея жизни — на политику вѣнѣннюю и внутреннюю, на экономику, на долгъ чести, связывающей ее съ союзниками, на ея право смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза и бодро ожидать свѣтлаго, радостнаго будущаго — Россія можетъ только въ томъ случаѣ, если она найдетъ поддержку своимъ въ конецъ разбитымъ экономическимъ силамъ, если, наконецъ, союзники поймутъ, что только крайнее отчаяніе страны можетъ заставить ее видѣть свое спасеніе въ Троцкихъ и Лениныхъ, что не отъ радости она ихъ приняла, а по отсутствію всякихъ другихъ путей спасенія.

Способы помощи Россіи не составляютъ секрета: Россіи въ первую голову нужны паровозы, рельсы, трак-

торы (для замѣны лошадей), всякого рода станки и ма-
шины и многіе товары для народнаго потребленія,
какъ сапоги, одежда и т. д. Нужны Россіи капиталы для
эксплоатациі ея естественныхъ богатствъ и, промѣтъ того.
сї нужно, чтобы американцы купили за свои товары ея
национальное имущество, ибо только тогда оно не попадеть
къ нѣмцамъ. Въ особенности же Россіи нужно, чтобы аме-
риканцы, главная мощь которыхъ лежитъ въ области фи-
нансовъ, а не техники, финансировали развитіе русской
желѣзодорожной сѣти, ибо вѣдь въ концѣ концовъ глав-
ная причина нашего военнаго пораженія лежала въ недостаткѣ
у насъ желѣзныхъ дорогъ, да и вся возможность
сношеній съ союзниками въ будущемъ зависить отъ созданія
новыхъ выходовъ изъ Россіи къ морю. (Минусинскъ-
Пекинъ, Томскъ-Петербургъ, Котласъ-Кемь, Объ-Ар-
хангельскъ, Джульфа-Бендеръ-Аббасъ).

Весьма популярное возраженіе противъ этой опера-
ціи состоить въ томъ, что она при русскихъ «порядкахъ»
рискованна.

Но, прежде всего, во время войны, производились и
производятся операциіи не менѣе рискованныя. Взять, хотя
бы, торговое мореплаваніе. Правительства всѣхъ странъ,
нуждаясь въ непрерывномъ продолженіи этой операциіи
и признавая въ то же время ея непосильность для част-
ныхъ лицъ, приняли на себя ту или иную долю риска.

Совершенно очевидно, что, если поддержаніе Россіи
признать задачей государственно важной для всѣхъ странъ
согласія, то естественно налагивается выводъ, что и въ
операциіи экономического проникновенія въ Россію должны
принять участіе и правительства, а не одни частные лица
и общества.

Второе возраженіе состоить въ томъ, что Германія
такъ ослаблена, такъ лишена всякаго сырья и рабочихъ
рукъ, что она не будетъ въ состояніи выслать въ Россію

много товаровъ, а если этого не произойдетъ, то не будетъ и экономического захвата Россіи Германіей.

Все это разсужденіе ошибочно съ начала до конца.

Во первыхъ, бездна товаровъ для экспорта въ Россію уже заготовлена.

Во вторыхъ, сырье нѣмецкіе коммивояжеры весьма быстро добудутъ изъ Россіи.

Въ третьихъ, рабочія руки у нѣмцевъ сразу же будутъ въ изобилии, потому что съ открытиемъ границы бездна русскихъ хлынетъ въ Германію въ поискахъ работы и... освобожденія отъ порядковъ «свободной» Россіи.

Въ четвертыхъ не надо забывать, что въ Германіи размѣщено на нѣсколько сотъ миллионовъ рублей желѣзно-дорожныхъ облигаций. На этихъ облигацияхъ написанъ паритетъ на германскую валюту, онъ котируются на германскихъ биржахъ. Поэтому множество русскихъ капиталистовъ бросятся ихъ покупать по бѣшенымъ (въ переводѣ на бумажные рубли) цѣнамъ въ надеждѣ этимъ путемъ спасти, хотя, часть своего состоянія, ибо у всѣхъ будетъ увѣренность, что по *такимъ* облигациямъ нѣмцы заставлять платить какое угодно русское правительство, хоть лѣвье Ленина.

Сколько миллиардовъ русскихъ рублей Германія этимъ способомъ получить, можно судить по тому, что въ Петербургѣ еще очень недавно за наличные доллары платили охотно до 22 рублей!

Наоборотъ, русскія акціи будуть спускаться по нелѣпо низкимъ цѣнамъ, ибо далеко не у всѣхъ уже такъ ясно и твердо сидитъ сознаніе того, что свойство большевистскихъ принциповъ таково, что въ одной странѣ они осуществлены быть не могутъ и не будутъ. Поэтому скушившіе русскія акціи нѣмецкіе капиталисты только смѣяться будутъ надъ перепуганными капиталистами русскими и отложить ликвидацию большевизма на Руси до того мо-

мента, когда у нихъ въ рукахъ сосредоточатся чуть не все русскія акціи.

Эта операциѣ хозяйственаго захвата Россіи будеть несомнѣнно произведена нѣмцами весьма быстро и безпрепятственно. Помѣшать ей можетъ только помошь союзниковъ, оказанная при томъ въ *грандіозномъ масштабѣ* и отнюдь не въ порядкѣ благотворительности.

Если эта помошь не придетъ во время, то захватъ Россіи цѣлыми нѣмецкими руками совершился весьма быстро со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Судьбы демократіи міровой и русской нераздѣлимы. Порабощеніе Россіи будеть первымъ шагомъ къ порабощенію міра.

Второй шагъ приидти не замедлить.

И весь ужась большевистскаго захвата въ томъ и состоить, что они своимъ максимализмомъ, разрушениемъ арміи, выходомъ изъ войны и угрозомъ міровой «инфекції», заставили даже крупнѣйшихъ людей въ союзныхъ странахъ забыть, что за ними стоитъ Россія, которая, какъ бы низко она сейчасъ ни пала, не перестанетъ никогда быть важнѣйшимъ факторомъ міровой политики. Она страшна даже сейчасъ, въ своей пассивности. Своей готовностью стать жертвой нѣмецкаго кулака она создаетъ величайшую угрозу въ будущемъ. 180 миллионовъ, ведомыхъ сильной рукой, развѣ могутъ они не быть страшны?

И, однако, угрозы большевизма оказалось достаточно, чтобы забыли обѣ этой, куда большей, опасности и чтобы прозвучали фатальныя слова: «пушь Россія дѣлаеть, что хочетъ», чтобы оборвалась всякая ей помошь.

И эта ошибка союзнической государственной мысли окажется для нихъ еще болѣе фатальной, чѣмъ отсутствіе общаго военнаго командованія.

Отсутствіе общаго стратегического фронта, отсутствіе единой мысли въ использованіи военныхъ силъ при-

вело къ тому, что Германія «по частямъ» била одного союзника за другимъ, начиная съ болѣе слабыхъ.

Упорствованіе въ нежеланіи противоставить Германіи единый экономический фронтъ, приведетъ къ тому, что не только будетъ выбита изъ строя Россія, а больше — ее введутъ въ экономической, а затѣмъ и политической строй враговъ.

Это — не угроза.

Это крикъ ужаса человѣка, который видитъ надвигающуюся гибель и мучается тѣмъ, что окружающіе люди безопасно не обращаютъ на нее никакого вниманія, не принимаютъ никакихъ мѣръ къ собственному спасенію.

Было старое повѣрье: ex oriente—lux.

Но если люди не будуть умнѣе, придется и: ex oriente —mors.

Каковы же экономическая перспективы Россіи?

Такъ же ли онѣ безотрадны, какъ и перспективы политической?

Думается, что нѣть, что при известной, минимальной, дозѣ ума у русскихъ государственныхъ людей онѣ могутъ быть даже и блестящими.

Дѣло въ томъ, что экономический эффектъ войны выразился въ видѣ колоссального мірового товарного дефицита.

Происхожденіе его вполнѣ понятно. Десятки миллионовъ людей, притомъ въ лучшемъ для производительного труда возрастѣ, были оторваны отъ работы, изъ производителей превратились въ чистыхъ потребителей. Другіе десятки миллионовъ занялись, вместо производства нужныхъ для человѣческаго обихода предметовъ, производствомъ разныхъ вещей, которыя тутъ же подлежали уничтоженію.

Въ тоже время потребленіе усилилось. Весьма понятно, что человѣкъ, находящійся на казенномъ иждивеніи, относится къ предметамъ своей экипировкіи и къ свое му питанію въ менышей экономіей и бережливостью, чѣмъ когда эти же предметы приходится добывать своимъ трудомъ. «Чего беречь то? не свое — казенное!» — разсужденіе обычное и кажущееся особенно убѣдительнымъ въ странахъ менѣе культурныхъ. Россія отъ него жестоко пострадала. Русская армія не только потребляла обувь, одежды и пищи значительно больше, чѣмъ ихъ потребляла до войны вся сумма людей, составлявшихъ армію, но и упорно не желала ничего рѣшительно возвращать въ тылъ изъ пришедшаго въ негодность къ употребленію или хотя бы немногого испорченаго. Всякій предметъ ушедший на фронтъ, пропадалъ безвозвратно.

Кромѣ сего, бездна товаровъ уничтожалась во время или въ связи съ военными дѣйствіями.

Вспомнимъ, хотя бы, знаменитое движение бѣженцевъ въ 1915 г. Сколько тогда пропало скота и имущества, не говоря уже о человѣческихъ, особенно дѣтскихъ, жизняхъ!

Что стоила мировому хозяйству подводная война?

Одинъ «второй» набѣгъ русскихъ войскъ на Восточную Пруссію, когда они мстили за предательскія нападенія мирныхъ жителей, немцы оцѣнивали въ 2 миллиарда марокъ.

А съверная Франція? А Галиція? А въ конецъ опустошенная Сербія?

Весьма понятно, что очень скоро въ воюющихъ странахъ сталъ обнаруживаться товарный голодъ.

Первое, на что набросились — это были собственные товарные «запасы». Но они никогда вѣдь не были особенно велики. Если откинуть запасы, создаваемые сезонностью производства (хлѣбъ, хлопокъ, сахаръ) или сезонностью потребленія (напр. дрова для отопленія) или, нако-

нець, условиями транспорта и торговли, то запасы действительные, какъ намѣренное заготовленіе продуктовъ для потребленія въ отдаленномъ будущемъ, почти что и не существуютъ за рѣдкими исключеніями, напр., Сибири, где иногда хлѣбъ въ скирдахъ лежитъ 3—5 лѣтъ въ ожиданіи неминуемаго неурожая. Ни одна отрасль промышленности не можетъ работать впрокъ, не находя на рынкѣ покупательной емкости для своего продукта.

Поэтому собственные запасы были прикончены весьма быстро. *)

*) Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи началась даже ожесточенная кампанія противъ запасовъ. Совершенно невѣжественная въ хозяйственныхъ вопросахъ широкая публика и писатели желтой прессы объявили ихъ какимъ то государственнымъ зломъ, покушениемъ на общее благо. Видя, что при помощи «спрятанія» предметовъ производится спекуляція на повышение цѣнъ, эти люди думали, что они добываются пониженія цѣнъ, когда нечего бу-деть прятать. Они не понимали, что, если спекулянты расчитываютъ на повышение цѣнъ при наличіи припрятанныхъ товаровъ, то каково же будетъ повышение цѣнъ, если современемъ и такихъ товаровъ не будетъ?. Не понимая всей неизбѣжности дороговизны, пониженія цѣнъ въ данный моментъ пытались добиться такимъ путемъ, который въ будущемъ обезпечивалъ несравненно больший подъемъ тѣхъ же цѣнъ. Къ тому же, никто не уяснилъ себѣ, что, если настъ что и спасло отъ хозяйственнаго потрясенія въ моментъ первой же мобилизациі, то это только имѣвшіеся у купцовъ запасы. По нелѣпому русскому закону о мобилизациі всѣ товарные вагоны вытружаются тамъ, где ихъ застааетъ приказъ о мобилизації. Товарное движение долго было вовсе прекращено и наладилось только ко второй половинѣ октября. Не будь въ городахъ товарныхъ запасовъ, всѣ города у насъ вымерли бы съ голода. А они и не замѣтили, что иѣть подвоза. Но въ началѣ войны у насъ склады ломились отъ товаровъ, когда же я передъ отѣздомъ зашелъ къ Кикину (крупнѣйший въ Петербургѣ оптовикъ по колоніальному и т. п. товарамъ въ Апраксиномъ рынке), то у него оказалось только нѣсколько банокъ концентрированного молока, да пачекъ желатина. На вопросъ, отчего не держать товара, отвѣтили: «да чего же его держать, мучиться доставать, когда все равно конфискуютъ?» И дѣйствительно, у насъ уже въ августѣ въ томъ же Апраксиномъ рынке взламывали мебельные и одѣждные лавки въ поискахъ, иѣть ли тамъ провіанта спрятанного. Этимъ неуваженiemъ къ опыту торгового сословія добились того, что спекуляцію не

Тогда направили свои взоры на нейтральные страны.

Эти послѣднія, поддавшись соблазну высокихъ военныхъ цѣнъ, весьма быстро распродали свои собственные запасы, да и производительность свою направили на служеніе военнымъ цѣлямъ воюющихъ державъ.

Начали и онѣ испытывать товарный голодъ.

Но тутъ началась вторая, худшая стадія процесса.

Недопроизводство въ одной странѣ и въ отдельной отрасли промышленности стало автоматически вызывать недопроизводство въ другихъ странахъ и отрасляхъ.

Появляются даже кое-гдѣ, какъ это ни кажется на первый взглядъ парадоксальнымъ, явленія безработицы и тѣмъ, разумѣется, міровой товарный голодъ еще усиливается.

Такъ напр., міровой недостатокъ бензина и отсутствіе жести въ Англіи привели къ тому, что въ огромныхъ размѣрахъ сократилось рыболовство и консервное производство въ Норвегіи.

И такія явленія будуть съ каждымъ днемъ расти.

Міръ живеть мечтой о томъ, что кончится война, кончается и его страданія. Все будетъ какъ прежде.

Увы, опытъ Россіи является въ этомъ отношеніи весьма мало обнадеживающимъ. Не слышно, чтобы тамъ послѣ «спасительного» мира (а вѣдь онѣ почти заключенъ съ юля мѣсяца прошлаго года) стало народу легче.

Наоборотъ, надо съ каждымъ днемъ ожидать значительного ухудшенія положенія. Вѣдь въ дѣло снабженія арміи, пока она существовала, вносила извѣстная объе-

убили—она, наоборотъ, проѣла,—а честныхъ, знающихъ дѣло торговцевъ заставили забросить свое дѣло. А такъ какъ сами то наладить его, разумѣется, не съумѣли, то и остались безъ товара.

Великая война требовала напряженія всѣхъ силъ народныхъ, а мы съ самаго начала войны усиленно отказывались отъ такой силы, какъ опытъ и энергія торгового сословія. И, конечно за это поплатились.

диняющая мысль, извѣстный планъ. Многіе работали надъ этимъ снабженіемъ изъ чисто патріотическихъ соображеній. А когда люди, составлявшіе армію, разойдутся всѣ по своимъ мѣстамъ, когда каждый долженъ будеть заботиться о своемъ снабженіи самъ — можетъ ли не произойти значительное ухудшеніе положенія?

Конечно, страны съ сильной государственной властью сохранять центральные органы по снабженію на долгое время послѣ войны. Къ тому же тамъ и полной дезорганизаціи торгового аппарата не произведено.

Но кто же можетъ сомнѣваться, что и во многихъ другихъ странахъ будеть повторено то, что сейчасъ происходит въ Россіи? Очередь за тѣми, которые потерпятъ конечное пораженіе.

Но даже если бы всѣ страны міра совершенно точно восстановили свое дооценное производство, по прежнему удовлетворяли годичную норму потребленія, то все же этимъ міровой спросъ на товары не быль бы удовлетворенъ. Оставалось бы еще покрыть образовавшіяся за 4 года войны колоссальный товарный дефицитъ.

Между тѣмъ, въ высокой степени невѣроятно, чтобы наличные силы міровой промышленности, существовавшей до войны, были способны даже на возобновленіе прежней годовой производительности. Гдѣ уже тутъ говорить о покрытіи дефицита!

Вѣдь бездна фабрикъ разрушена. На всѣхъ почти поизносились станки и машины: работа производилась форсированная, рабочіе къ нимъ допускались неопытные, замѣна происходила вѣсЬма слабо.

Но главное, нѣть прежней рабочей силы. Милліоны рабочихъ сложили свои головы на поляхъ битвъ, миллионы вернулись кальками, т. е. превратились навѣки изъ производителей въ паразитовъ — потребителей; всѣ, просидѣвшіе 4 года въ траншеяхъ, значительно позабыли свое

ремесло; молодежь, взятая въ ряды съ 18 лѣтъ, не успѣла ему научиться; деревня перестанетъ выбрасывать въ городъ прежнее число людей,—хлѣбъ будетъ дорогъ, сельское хозяйство выгодно, да и въ немъ будетъ нехватать рабочихъ рукъ.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, та промышленность, которая до войны удовлетворяла міровую потребность въ товарахъ, этой задачи выполнять не будетъ въ состояніи долгіе годы.

При ея помощи міровой товарный дефицитъ будетъ, покрыть не скоро и страданія народовъ отъ безтоварья рискуютъ быть весьма продолжительными.

Очевидно, что, для разрѣшенія экстраординарной потребности, и средства должны быть экстраординарны. Она не можетъ быть удовлетворена обычнымъ, нормальнымъ ростомъ мірового производства. Ему надо попытаться дать какой то исключительный толчекъ.

Для этого есть только одно средство. Надо пустить въ оборотъ такие естественные ресурсы, которые до войны еще не были эксплуатируемы, и заставить работать такую рабочую силу, которая до войны не производила.

Такимъ резервуаромъ нетронутыхъ естественныхъ богатствъ и мало производящихъ рабочихъ силъ являются только двѣ страны въ мірѣ: Китай и Россія.

Расчитывать много на Китай не приходится, ибо, хотя его населеніе и трудолюбиво, но производительная его способность невѣроятно низка и усилить ее никакихъ шансовъ не имѣется.

Остается одна Россія.

Это — та единственная страна, которая способна покрыть убытки великой войны.

Ея потенціальная способность спасти міръ отъ послѣдствій войны лежитъ въ томъ самомъ обстоятельствѣ, которое было единственной причиной ея бѣдности.

Населеніе ея въ огромномъ большинствѣ (въ сущности все ея крестьянство — 85% населенія) создавало весь свой доходный бюджетъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ въ году. Въ остальное время оно почти не работало. И не по лѣности или неспособности, а по невозможности гдѣ либо примѣнить свой трудъ.

Промышленность въ Россіи, можно сказать, почти не существуетъ, а вѣдь только промышленность въ состояніи обеспечить работу на круглый годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и сельское хозяйство стояло на вѣсма низкой ступени. Плодороднѣйшіе русскіе черноземы приносили меныше, чѣмъ пески Восточной Пруссіи.

Причина всего этого была одна — русскій національный трудъ не былъ достаточно орошеннъ капиталомъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ только за послѣдніе годы стали понемногу появляться машины. Искусственныя удобренія почти неизвѣстны. Ихъ только кое-гдѣ употребляли помѣщики. Крестьяне съ ними почти не знакомы.

Раэмѣры нашей промышленной производительности смѣхотворно малы.

Главный нашъ угольный бассейнъ — Донецкій — давалъ немного болѣе $\frac{1}{4}$ сотни миллионовъ тоннъ, Домбровскій бассейнъ — менѣе 7 миллионовъ тоннъ (въ годъ). Производительность остальныхъ районовъ (даже богатѣйшихъ въ мірѣ, какъ Кузнецкій) измѣрялась десятками и иногда единицами миллионовъ пудовъ (1/60 тонны).

Междуд тѣмъ, запасы всякихъ богатствъ грандиозны.

Хлопкомъ мы могли бы снабжать весь міръ. Лѣса — единственныя во всемъ свѣтѣ по достоинству и обилію. Непаханной еще земли миллионы десятинъ. Желѣзной, мѣдной и всякихъ другихъ рудъ, угля и нефти количества неисчислимыхъ.

Населенія 180 миллионовъ, изъ коихъ едва 3 миллио-

на заняты въ фабрично-заводской и горной промышленности.

Если цивилизованный міръ захочеть быстро залечить послѣдствія войны, то ему останется только одно — прійти и сфинансирувать эти безчисленныя, втуне лежащія естественныя богатства, сфинансируовать русскую народную трудоспособность, не находящую нынѣ себѣ примѣненія.

И это будетъ сдѣлано.

Конечно, не на основаніи этихъ общихъ соображеній, а потому, что это будетъ наглядно выгодно каждому отдельному предпринимателю.

Въ Россіи послѣ войны неминуема колоссальная безработица, слѣд., рабочія руки будутъ дешевы, а цѣны на товары будутъ стоять невѣроятно высокія.

Поэтому всякое новое предпріятіе будетъ обѣщать большія выгоды.

А есть ли болѣе сильный стимулъ для созданія новыхъ промышленныхъ предпріятій?

Можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ, откуда возникнетъ въ Россіи безработица, если она потеряла за время войны 3 миллиона лучшихъ работниковъ убитыми, $\frac{1}{2}$ миллиона умершими въ нѣмецкомъ плѣну, миллиона $2\frac{1}{2}$ калѣками-ранеными, да еще плюсъ невидимое число бѣженцевъ.

Безработица тѣмъ не менѣе совершенно неизбѣжна.

Во первыхъ, сельское хозяйство не въ состояніи поглотить прежнее количество рабочихъ. Помѣщицы экономіи съ болѣе культурнымъ хозяйствомъ — не существуютъ. Примитивная обработка помѣщицкихъ земель крестьянами потребуетъ меньше рабочихъ рукъ. Не хватить для прежняго размѣра запаски ни живого, ни мертваго инвентаря: вѣдь болѣе половины скота съѣдено и уничтожено за время войны. Не на чёмъ пахать, /не чѣмъ

удобрять землю. Нѣть ни плуговъ, ни косъ, ни болѣе сложныхъ машинъ. Все поизносилось, поистрепалось. А новое, гдѣ и на что купить?

Запашка уменьшится, а слѣд., и земля не приметъ много работниковъ. Къ тому же многіе изъ крестьянъ за время войны кое чему научились, отвыкли, потеряли вкусъ къ крестьянской жизни. Взять хотя бы однихъ щофферовъ. Ихъ было выучено свыше 100,000 человѣкъ. Сколько образовалось десятниковъ по инженернымъ работамъ.

Всѣ эти люди назадъ въ деревню не пойдутъ. Ихъ потянетъ въ городъ. Туда же пойдутъ и всѣ солдаты изъ бывшихъ фабричныхъ.

А что они тамъ найдутъ?

За время войны народился новый контингентъ рабочихъ. Они не захотятъ уступать имъ свои мѣста. Да и фабрикъ большинство стоитъ. Недостатокъ топлива и сырья, разореніе владѣльцевъ, насилие надъ банками, прекратившее концентрацію капиталовъ и, слѣд., убившее промышленный кредитъ, прекращеніе военныхъ заказовъ, все это вмѣстѣ взятое парализуетъ дѣятельность большинства заводовъ. Къ тому-же, наивно думать, что заводы такъ просто могутъ перейти съ военной работы на мирную. Многіе вѣдь и созданы то были только въ разсчетѣ на военную производительность, какъ напр., заводы орудійные, снарядные, удушливыхъ газовъ, летательныхъ аппаратовъ. Чтобы ихъ перевести на мирную работу, ихъ надо сверху до низу переоборудовать. А гдѣ для этого станки? Кто ихъ во время заказалъ и съумѣлъ пріобрѣсти, не имѣя то валюты? Не заводскіе же комитеты или Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Наконецъ, не мало заводовъ вѣроятно въ связи съ немецкимъ наступленіемъ, будетъ просто на просто разрушено. Не мало разрушить и голодная, озвѣрѣвшая толпа.

Безработица неизбежна колоссальная. Она приведет за собой штрайкбрехерство и понижение цен на рабочие руки.

Наоборот, цены на товары сделают невероятный скачок вверх.

Понижение собственной производительности страны, прекращение ввоза из-за отсутствия у страны иностранной валюты, наконец, окончательное обезценение денег — все это будет тянуть цены вверх неудержимо.

При совокупности подобных данных — дешевизна рабочих рук и высота товарных цен, — *при известных условиях*, создается реальная, деловая, база для возрождения и могущественного разцвета русской промышленности.

Каковы же эти условия?

Порядок.

Безопасность личности.

Уважение къ собственности.

Если эти условия не соблюdenы, то начинается состояние Персии, т. е. голодное вырождение страны, ибо *такой странѣ и немецкие банки помогать не станутъ*.

Можно ли этого ждать въ Россіи?

Вся моя душа кричитъ, что неѣть.

Слишкомъ много я жилъ съ русскимъ мужикомъ, съ нимъ работалъ, чтобы не вѣрить въ его здравый смыслъ, не знать его твердой вѣры въ необходимость порядка въ мірѣ.

Удивительно характерный разговоръ съ однимъ приятелемъ — мужикомъ передавалъ мнѣ известный русскій юристъ, членъ Г. Думы, нынѣ посолъ въ Парижѣ, В. А. Маклаковъ, (кстати сказать, едва ли не крупнейший русский политический деятель). Мужикъ разспрашивалъ, что такое подоходный налогъ, выслушивалъ весьма долгія разъясненіе этого невероятно сложного въ Россіи за-

кона, выслушивалъ подробныя доказательства необходимости его платить, а затѣмъ отрѣзалъ: «а я все таки ни въ первый, ни во второй срокъ платить не буду». «Почему?» «А потому — я заплачу, а потомъ придетъ *настоящее* правительство и скажетъ: вольно тебѣ было платить, Богъ знаетъ кому? Плати второй разъ!»

Эта вѣра въ то, что это все — «такъ», а настоящее правительство прійти должно, въ мужикѣ сидѣть щрочно.

И онъ это настоящее правительство заведеть.

И задача эта скоро будеть уже не такъ трудна.

Вѣдь неописуемое насилие, царящее сейчасъ въ русскихъ городахъ, лишь облыжно выдается за царство революціоннаго пролетаріата, а въ сущности оно является во многихъ мѣстахъ лишь организованнымъ хулиганствомъ, возглавляемымъ и вдохновляемымъ не многими политическими фантазерами и весьма многочисленными политическими гешефтмахерами, которые одинаково готовы служить — и черной сотнѣ, и Lumpenproletariat'у. Недаромъ вѣдь исчезло изъ оборота самое слово «хулиганъ». Гдѣ же они самоопредѣлились? Я положительно отказываюсь вѣрить, чтобы это русскій рабочій быль способенъ добивать сдавшихся юнкеровъ, вывертывать имъ руки, выдавливать глаза, насиливать несчастныхъ женщинъ «женского батальона» (вотъ еще жертва на совѣсти непротивленцевъ кабинета Керенскаго!). На эти преступленія, которымъ нѣть имени, способны только подонки населения столицы. Явленія же подобнаго рода показываютъ ярко, что хулиганство явно захлестываетъ большевизмъ. На смѣну стройному, послѣдовательному соціалистическому учению идетъ бандитизмъ — признакъ моральнаго банкротства революціи. И если съ этимъ сопоставить открытую проповѣдь и практику разврата, неудержимое стремленіе къ наслажденіямъ невысокаго разбора въ самыхъ широкихъ слояхъ населения, то фактъ начавшагося

гненія революції стануть отрицать только слѣпые, или упрямые. Остановиться это явленіе, разъ начавшись, разумѣется не можетъ. Не хватаетъ только всероссийскаго еврейскаго погрома, чтобы создалась уже необходимая психологическая обстановка для бонапартистскаго выступленія. Но конечно не замедлить прийти и погромъ. Я его предсказывалъ еще лѣтомъ и уговаривалъ еврейскихъ старѣйшинъ, чтобы они попытались какъ-нибудь воздѣйствовать на дѣятелей Смольного Института. Ихъ попытка окончилась тѣмъ, что имъ сказали: «Мы не евреи, а интернационалисты. А если при столь великихъ міровыхъ событияхъ прольется еврейская кровь, то что же дѣлать?»

Какой ужасъ! Если бы кто годъ тому назадъ сказалъ, что въ *свободной* Россіи возможно избіеніе евреевъ, то я думаю, всѣ разсмѣялись бы. Даже сердиться не стали бы—настолько это показалось бы нелѣпымъ. А теперь, благодаря упраздненію какихъ либо признаковъ государственной власти, разнужданная чернь, облыжно именующая себя демократіей, а на дѣлѣ включающая въ себѣ большой процентъ героевъ бывшей черной сотни, позорить освобожденную Россію многочисленными избіеніями беззащитныхъ людей только за то, что они—евреи! Ужъ если гуманитарные соображенія теперь потеряли всякую цѣну, то, хотя, вспомнили бы, что въ еврействѣ наша единственная надежда спрavitься съ натискомъ нѣмецкаго коммивояжера. Если ему не будетъ противоставлена энергія еврея, то русскаго растяпу-куща нѣмецъ съѣсть въ мгновеніе ока.

Трагическая судьба этого несчастнаго народа. Только что онъ ликовалъ, что обрѣлъ родину и вдругъ . . . опять старое.

И не хотятъ нынѣшніе властители судебъ россий-

скихъ понять, что опозоренной пролитіемъ еврейской крови русской свободѣ не жить!

Видно, не всегда люди властны въ своей судьбѣ. Не они управляютъ событіями, а событія ими. И протекаетъ исторія по извѣчно установленнымъ законамъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о нестерпимомъ насилии въ городахъ, надо полагать, будетъ буквальное повтореніе того, что было раньше, при другихъ революціяхъ.

Вѣдь держится это насилие только въ силу того, что города еще въ царскія времена были переполнены запасными солдатами. (Кстати сказать, ни въ какое время, никто въ Россіи даже не могъ установить точнаго ихъ числа. Видно только было, что оно огромно).

Какъ только война кончится и будетъ объявлена демобилизациѣ, эти массы весьма быстро разсосутся. Прежде всего потому, что мужикъ ихъ кормить самъ не захочетъ, а принуждать его къ тому, какъ показывается опытъ карательныхъ въ деревни экспедицій во время Великой Французской революціи, не удается: мужикъ предпочитаетъ умирать, а хлѣба не отдаетъ*).

Голодъ же очень быстро разгонитъ солдатъ изъ городовъ. Часть уйдетъ по домамъ, въ родныя деревни, часть пойдетъ образовывать разбойничіи шайки, какъ это тоже было во время французской революціи, когда вся страна была ими полна. Но разъ концентрація грабителей и насильниковъ прекратится, то справиться съ разрозненными бандами будетъ уже не такъ трудно.

*) Любопытно отмѣтить, какъ исторія повторяется до мельчайшихъ деталей. Въ главномъ продовольственному комитетѣ соціалистический () Министръ Пѣшехоновъ (вотъ еще убожество), докладывая о ходѣ хлѣбной монополіи, призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не обошлось безъ мѣръ физического воздействиia. Какихъ? «Добрыхъ, старыхъ»?

Вернется увѣренность въ личной безопасности и рабочай, щастоящій рабочай, совершенно также, какъ французскій рабочай наканунѣ пришествія Наполеона, закричить: «А l'ouvrage!» За дѣло, за честный трудъ!

А этимъ будеть положень троочный фундаментъ къ экономическому и моральному возрожденію страны.

Эта готовность Россіи покрыть, на пользу всему миру, образовавшійся за время войны товарный дефицитъ будеть привѣтствована всѣмъ міромъ и мировая помощь не замедлить прийти.

Отъ чисто дѣловой политики государственного управления Россіи будеть уже зависить, ускорить или замедлить процессъ привлеченія иностраннаго капитала, направить его преимущественно на скушку существующихъ предпріятій или на разработку непронутыхъ естественныхъ богатствъ, т. е., на предпріятія съ большимъ соотношеніемъ валового дохода къ основному капиталу и съ большимъ коэффиціентомъ эксплоатации*).

Я уже слышу возраженіе: такъ, значить, «распродажа жа» Россіи иностраннцамъ?

Пора бы въ двадцатомъ столѣтіи бросить это затасканное словечко изъ ультранационалистического лексикона.

Пора, наконецъ, понять, что другихъ то методовъ человѣческій умъ не выдумалъ. Вѣдь начало всей цвѣтущей американской (а также скандинавской и другихъ), промышленности и колоссальной желѣзодорожной сѣти положено не на мѣстные, не существовавшіе тогда, капиталы, а на капиталы иностранніе, по преимуществу ан-

*) Соотношеніе расходовъ предпріятія, которыхъ являются съ другой стороны доходомъ населенія, къ его валовому доходу. Чѣмъ этотъ коэффиціентъ выше, тѣмъ интереснѣе предпріятіе для страны, ибо тѣмъ больше заработка на немъ населенія и тѣмъ меньше выгода капиталиста.

глійскіе, голландскіе и французскіе, т. е., тѣхъ странъ, которая раньше начали накопленіе.

Пришло время, и Америка, а также Скандинавія, нынѣ вполнѣ націонализировали свою промышленность, кончились послѣдніе признаки «работы на иностранцевъ». Всякій долларъ, зарабатываемый промышленностью, обогащаетъ только американскую націю. Больше того, не сегодня—завтра уже другія націи начнутъ работать на Америку, потому что она становится міровымъ денежнымъ рынкомъ, міровымъ банкиромъ.

А было ли бы это все возможно, если бы Америка послѣ революціи, разоренная братоубийственной борьбой съ метрополіей,*) продолжала сидѣть на естественныхъ своихъ богатствахъ и оберегать ихъ отъ «захвата» иностранцами, иностраннымъ капиталомъ?

Расходы, которые производилъ въ странѣ работавшій въ ней иностранный капиталъ, были достаточны, чтобы создать такое національное обогащеніе, при которомъ страна дальнѣйшее развитіе своей промышленности повела уже на отечественный капиталъ.

Но кромѣ этой, казалось бы, весьма убѣдительной ссылки на практическій примѣръ, можно привести аргументы и другого порядка.

Вѣдь свойство накопленного разъ капитала таково, что онъ имѣеть неудержимое стремленіе приростать. Франція, напр., ежегодно должна была размѣщать до 3 миллиардовъ процентовъ, наростишихъ за годъ на ея капиталы. Своего купона она «съѣдать» не въ состоянії, да и

*) И безобразной политикой денежнаго обращенія, добавлю. Вѣдь въ Америкѣ въ 1779 году было выпущено въ обращеніе до $241\frac{1}{2}$ миллионовъ долларовъ бумажныхъ денегъ. Цѣна ихъ шла такъ, что въ мартѣ 1780 г. Конгрессъ рѣшилъ замѣнить ихъ новыми по расчету 1 за 40. Но курсъ новыхъ бумажекъ не удержался и старыя бумажки упали, по расчету, до 1/500 номинала.

не хотѣла, ибо населеніе ея всецѣло проникнуто страстью обеспечивать свою старость черезъ накопленіе капитала.

Ежегодно нарастающіе проценты естественно направляются въ тѣ страны, которые даютъ наиболѣшее обезпеченіе доходности и сохранности вложенного въ нихъ капитала. Поэтому, если страна-дебиторша исправно платить дивиденды и охраняетъ основной капиталъ, то заработанные въ ней иностранцами «проценты» отнюдь не подвергаются выкачкѣ, а обращаются на новыя предпріятія въ той же странѣ, по закону, изображаемому извѣстной русской пословицей «отъ добра добра не ищутъ».

Это правило удалось прослѣдить даже на практикѣ.

На югѣ Россіи есть богатѣйшее—и одно изъ самыхъ благоустроенныхъ въ мірѣ—металлургическое предпріятіе—Южно-Русскій Днѣпровскій заводъ. Принадлежитъ оно опредѣленной группѣ бельгійскихъ капиталистовъ, не выпускающихъ его изъ рукъ уже весьма много лѣтъ. Поэтому оказалось возможнымъ установить, куда они помѣщали дивиденды «Dneprovienne»'ы. Обнаружилась чрезвычайно любопытная вещь: оказалось, что за весьма длинный періодъ времени всѣ эти суммы шли на учрежденіе бельгійскихъ обществъ угольныхъ копей въ Донецкомъ Бассейнѣ. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ нелѣпой русской правительственной политики, въ частности закупочной политики русскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, непозволительно «выживавшихъ» цѣны, не возникъ въ Донецкомъ Бассейнѣ затяжной угольный кризисъ, въ результатѣ котораго всѣ бельгійскія угольныя предпріятія обанкротились. Естественно, что послѣ этого помѣщеніе въ нихъ дивидендовъ Днѣпровскаго Общества прекратилось и они начали фактически выкачиваться изъ страны. Россія же за это жестоко поплатилась во время настоящей войны. Русская угольная промышленность вошла въ войну чрезвычайно

ослабленной, и финансово, и технически, и не могла въ должной мѣрѣ обслуживать возросшія нужды страны въ ископаемомъ горючемъ.

Этотъ примѣръ ярко показываетъ, какъ опасно насиливать законы экономики, какъ жестоко наказываются за это страны, имѣвшія неосторожность вступить на этотъ путь.

Нельзя безнаказанно для себя пытаться отказывать капиталистамъ въ ихъ основныхъ требованіяхъ: хорошаго рентированія и сохранности капитала.

Ихъ неизбѣжное пассивное сопротивленіе попыткамъ насилия капитала не менѣе страшно, чѣмъ какое-либо активное сопротивленіе.

Занятіе таможень и контролированіе отдѣльныхъ отраслей національнаго дохода странъ-неисправныхъ пла-тельщицъ правительствами странъ-кредиторовъ можетъ быть для первыхъ не болѣе опаснымъ, чѣмъ простой отказъ международнаго капитала идти работать въ подобныхъ странахъ.

При извѣстныхъ условіяхъ можетъ начинаться даже эмиграція туземнаго капитала.

Во всякомъ случаѣ темпъ хозяйственнаго развитія страны замедляется, или даже оно вовсе останавливается, какъ это мы сейчасъ наблюдаемъ въ Россіи. Капиталъ уходитъ въ болѣе гостепріимныя страны.

Поэтому всякия попытки борьбы съ требованіями капитала, попытки уменьшить его аппетитъ къ доходности, могутъ имѣть хотя какіе-нибудь шансы на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если онъ будуть предприняты въ международномъ, вѣрнѣе всесвѣтномъ, масштабѣ, ибо только въ этомъ случаѣ удастся предупредить возможность перемѣщенія капитала.

Но разсмотрѣнный примѣръ даетъ еще одинъ выводъ, который весьма утѣшителенъ для Россіи, а именно, что

странамъ-кредиторамъ страны-исправные дебиторы не менѣе нужны, чѣмъ странамъ-дебиторамъ нужны страны, готовыя ихъ кредитовать. Капиталъ долженъ прі-искивать себѣ работу.

Поэтому, стоитъ только создать подходящія ему условія работы, и онъ придетъ.

При этомъ, если эти условія таковы, что иностранный капиталъ получаетъ импульсъ въ помѣщенію вырабатываемыхъ имъ дивидендовъ вновь въ ту же страну, то онъ перестаетъ почти чѣмъ-либо отличаться отъ капиталовъ туземныхъ въ своемъ воздействиіи на хозяйственную жизнь страны.

Надо только стремиться къ тому, чтобы онъ былъ разнотплеменнымъ, ибо, при однородности, онъ начинаетъ проявлять стремленіе къ политическому вліянію на ту страну, въ которой онъ работаетъ.

Весьма понятно, что, для возможности этой работы требуется известная предварительная подготовка.

Нужно привести въ порядокъ денежную систему*) и устраниТЬ невѣжественное, чисто полицейское воздействиіе на строеніе товарныхъ цѣнъ.

Въ этомъ отношеніи Россия, и другія воюющія страны, проявили во время великой войны удивительно малую изобрѣтательность и удивительно малое знакомство съ

*) По счастію, это для Россіи нынѣ значительно легче, чѣмъ раньше, ибо въ данный исторический моментъ денежныя системы испорчены по всѣхъ странахъ. Едва ли размѣнъ въ натурѣ будетъ осуществимъ для богатѣйшихъ изъ нихъ. Потребуются известныя международныя соглашенія относительно количества допустимыхъ въ каждой странѣ бумажныхъ денегъ. Возможно даже, что металлический запасъ будетъ интернационализированъ или выработаны формы взаимопомощи эмиссионныхъ банковъ. При этихъ условіяхъ Россіи будетъ легче выйти изъ ея бумажно-денежного кризиса, не потребуется, быть можетъ, совершенно отмѣнить хожденіе ея нынѣшнихъ 25 миллиардовъ.

исторіей и повторили поэтому всѣ тѣ ошибки, которыя не разъ продѣльвались раньше.

Когда народы проходятъ черезъ извѣстный полити-ческій, военный или хозяйственныи кризисъ, то, казалось бы, естественно впередъ ожидать, что этотъ кризисъ неминуемо и немедленно же начнетъ отражаться на благо-дѣнствіи отдельныхъ индивидуумовъ, составляющихъ націю.

Однако, неизмѣнно и всегда народы вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ этимъ неотвратимымъ явленіемъ.

Начинается двухсторонняя борьба съ явленіями доро-говизны жизни: съ одной стороны пытаются воздѣйство-вать на цѣны въ цѣляхъ недопущенія ихъ роста, а съ дру-гой—приступаютъ къ увеличенію вознагражденія за трудъ всякого рода.

Борьба съ ростомъ цѣнъ неизмѣнно начинается съ нападокъ на посредниковъ—купцовъ за ихъ посредническую наживу и за попытки форсировать цѣны въ личныхъ цѣ-ляхъ — за «спекуляцію на національномъ бѣдствії».

Вводять таксы (или тахітим'ы, т.е. т.н. «предѣль-ные» или «твѣрдыя» цѣны); когда онъ явно перестаютъ помогать — государственные монополіи.

Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, обыкновенно проводи-мыхъ, къ тому же, весьма безтолково, лицами болѣе или менѣе некомпетентными (ибо весь торговый классъ на-ходится въ подозрѣній и его не спрашиваютъ, больше счи-таясь съ демагогіей, ибо чѣмъ ниже цѣны, тѣмъ громче эпілодисменты), начинается искусственное скатіе прои-зводства и, наконецъ, плотина прорывается и цѣны, вмѣсто того, чтобы расти постепенно, въ соотвѣтствіи съ измѣняю-щейся коньюнктурой, начинаютъ подниматься скачками, рѣзко, катастрофически ударяя по обывательскому благо-получію. Обнаруживается острое безтоварье, отъ котораго не видно спасенія и выхода. Тогда народъ, въ концѣ-

глазами Конгресса: расточительность въ одѣждѣ, пищѣ, въ экипажахъ, во всемъ».

Въ Россіи я самъ наблюдалъ солдатъ, покупавшихъ на улицахъ арбузы по 3 рубля штука, груши по 7 руб., и даже золотые портсигары «потяжелѣше». Простыя бабы скупали въ Гостинномъ Дворѣ дорогія матеріи кусками. Театры и клубы набиты биткомъ. Мотовство безумное.

Массы, въ началѣ кризиса нежелавшія переносить относительно небольшія неудобства, благодаря этому мотовству, постепенно докатываются до предѣловъ нищеты и страданій.

И никого никакая исторія ничему не учитъ. Всякій разъ начинается все то-же. Отсутствіе изобрѣтательности прямо удручающее. Разница только въ томъ, что иногда, при кризисѣ менѣе сильномъ, процессъ не доходитъ до конца и развивающееся производство успѣваетъ покрыть грѣхи, сдѣланные за время кризиса. Такъ было съ Россіей во время Японской войны. Затѣмъ, націи, экономически болѣе сильныя, дольше сопротивляются развитію процесса и чаще не доводятъ его до конца.

Но каждая непремѣнно на него вступаетъ. Даже Америка — эта практическая Америка — и та вступила уже на путь такъ и прибавокъ. Монополіи и государственные регулировки частью уже осуществлены (желѣзныя дороги, внѣшняя торговля, металлъ), частью висятъ уже въ воздухѣ (нѣдра, телеграфъ, экспрессныя компаніи). Идетъ уже и усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ.

Далеко ли зайти процессъ въ Америкѣ, зависить отъ длительности войны и отъ того, удастся ли послѣ войны избѣгнуть подавляющей нѣмецкой конкуренціи.

Въ Россіи же онъ дошелъ уже почти до конца.

Русскій кредитный билетъ уже начинаетъ выполнять ядовитое предсказаніе, сдѣланное проф. И. Х. Озеровымъ на Московскому Совѣщаніи: на него можно безотказно

покупать только одно — Заем Свободы, т. е. обмѣнивать безпроцентный государственный вексель на процентный, причемъ, однако, проценты имѣютъ выплачиваться тѣми же негодными рублями.

При этомъ не могу не удивляться, когда слышу, какъ умѣренные круги обвиняютъ въ этомъ провалѣ денежнаго обращенія большевиковъ, какъ они негодуютъ, что красногвардейцамъ платится чуть не по 100 р. въ день.

Точно большевики, а не шедшее покорно по указкѣ меньшевистскаго Исполнительного Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Временное Правительство увеличило денежное обращеніе въ Россіи съ 8 миллиардовъ въ февралѣ до 18 миллиардовъ въ октябрѣ?

Развѣ большевики, а не «буржуи»—Терещенко и Шингаревъ побоялись въ отвѣтить на первое же требованіе прибавокъ отвѣтить властнымъ: non possumus?

Развѣ большевики не осмѣлились на первую же угрозу забастовкой отвѣтить: бастуйте! Все равно, если удовлетворять Ваши требованія, вся Россія рано или поздно забастуетъ..... изъ-за краха.

Развѣ большевики, а не кто-то другой, не имѣль гражданскаго мужества крикнуть громко, что изъ пустой казны прибавокъ быть не можетъ, что за эти прибавки можетъ расплатиться только мужикъ?

Развѣ не меньшевистскій министръ труда М. И Скобелевъ въ своей знаменитой московской рѣчи, вдохновляя рабочихъ на новыя «требованія», восклицалъ, что Правительство обложитъ промышленность въ 100% прибыли и при томъ еще оболгаль финансовую науку, будто «она знаетъ, какъ это сдѣлать», когда она, наоборотъ, категорически отвергаетъ такую возможность?

Развѣ большевики со спокойной совѣстью подготовляли фактическое банкротство Россіи и развѣ это они начали утверждать, что это коснется только богатыхъ?

Развѣ они скрывали отъ народа, что неплатежъ по займамъ, или платежъ по нимъ обезцѣненнымъ рублемъ, заставить закрыться всѣ благотворительныя, учебныя и ученыя учрежденія, эмеритальныя и пенсионныя кассы, существующія за счетъ разныхъ пожертвованныхъ и собранныхъ по трошамъ капиталовъ? Развѣ они не объяснили, что въ частныхъ рукахъ русскихъ займовъ мало, а что они, либо въ такихъ учрежденіяхъ, либо въ запасныхъ капиталахъ промышленности, которая, лишившись ихъ, погибнетъ подъ напоромъ богатой, могущественной заграничной промышленности?

Развѣ большевики пустили въ оборотъ мысль о томъ, что за войну должны заплатить «богатые», т. е. держатели русскихъ государственныхъ займовъ и что тогда народу будетъ легко? Будто переложеніе 60 миллиардовъ долга Россіи со всего народа на его часть вернетъ Россіи все то имущество, которое было куплено за эти деньги и уничтожено! Точно отъ этого прибавится жизненныхъ благъ на Руси!

Пора бы бросить эти взаимныя обвиненія и начать искать дѣловаго выхода изъ надѣланыхъ глупостей и преступленій *).

Совершенно очевидно, что экономическому возрождѣнію Россіи должно предшествовать урегулированіе ея денежнай системы. Надо изять изъ обращенія ненужные ему рубли. Для этого при томъ состояніи денежнаго обращенія, до какого дошла страна, есть уже только одинъ путь: надо подражать купцу, запутавшемуся въ долгахъ. Обоимъ остается для того, чтобы начать новую жизнь, только одно — сломать рубль.

Это же должна сдѣлать и Россія, ибо въ страны съ не-

*) А со стороны «буржуйныхъ» министровъ «раздача» была настоящимъ преступленіемъ: они то вѣдь знали, къ чему она приведеть, оправданія невѣжествомъ у нихъ нѣть.

устойчивой валютой иностранный капитал не идетъ и идти не можетъ. А безъ иностранного капитала для Россіи спасенія нѣть, ибо трезвые люди въ пріиществіе соціалистического рая въ наши дни вѣрить не могутъ. Пока онъ придетъ, Россія рискуетъ вымереть съ голоду и заводнить міръ миллионами штреіюбрехеровъ, не находящихъ дома заработка и хлѣба.

Это тоже представляло бы собою великую міровую опасность и предупредительныя противъ этого мѣры, конечно, будутъ приняты.

Для мірового хозяйства важно, чтобы большинство русскихъ людей находило работу дома.

Для этого, какъ я уже говорилъ, одинъ путь — широкое привлеченіе иностранного капитала.

Однако, этому приходу иностранного капитала, кромѣ разстроеннаго денежнаго обращенія, есть еще другое существенное препятствіе — это большевистскія попытки отмѣны, вѣрнѣе, нарушенія права собственности, пресловутая націонализація, муниципализація, ограничение права распоряженія текущими счетами, рабочій контроль, ничемъ не ограниченный, и т. п.

Всѣ эти мѣры, конечно, подлежать отмѣнѣ или ограниченію, дабы капиталъ могъ пойти въ Россію работать.

Но тутъ положеніе Россіи осложняется до невѣроятія и для нея являются въ связи съ этимъ крушнѣйшія опасности чисто политического свойства.

Жизнь властно требуетъ отмѣны всѣхъ этихъ мѣръ. Но кто же въ Россіи можетъ ихъ отмѣнить? Вѣдь онъ пра-вѣрно-соціалистическая, а вся Россія — соціалистична?

Меньшевики прежде могли съ шыною у рта доказывать неблаговременность этихъ мѣръ. Но какъ же они могутъ ихъ отмѣнить, когда онѣ проведены въ жизнь, вѣрнѣе прокламированы, кѣмъ-то другимъ, разъ все онѣ стоять, вѣдь, и въ ихъ меньшевистской программѣ?

Какъ могутъ они устранить этотъ грандіозный конфликтъ между яснымъ требованіемъ жизни и теоріей, исповѣдуемой съ почти религіознымъ воодушевленіемъ?

Для такихъ дѣйствій, разрушающихъ, какъ будто, свой собственный идеалъ, требовался бы государственный гений и смѣлость, которыя едва-ли есть основаніе заподозрѣть у нашихъ умѣренно-соціалистическихъ партій. Вѣдь, если бы эти качества у нихъ были на лицо, то какъ бы кучка большевиковъ могла захватить, вѣрнѣе, вырвать власть у умѣренныхъ?

При всѣхъ этихъ условіяхъ не можетъ у всѣхъ соціалистическихъ партій не закопошиться потаенная мысль: а что, если бы явился такой человѣкъ, или такие люди, которые силой, противъ насъ, осуществили бы эту отмѣну? Вѣдь тогда у насъ явится возможность сохранить лицо. Вѣдь мы въ состояніи будемъ говорить, что въ Россіи соціализмъ не осуществился не потому, что мы преждевременно взялись за его пропаганду и введеніе, а потому, что намъ помышляли довести дѣло до конца, что насъ сразила грубая сила. Мы сохранимъ, хотя, за собою возможность и моральное право вновь подойти къ народнымъ массамъ тогда, когда къ тому придетъ время.

Стоитъ, однако, такой — увы, весьма съ партійной точки зреянія естественной — мысли зародиться, чтобы любой узурпаторъ оказался передъ необходимостью спрашиваться только съ видимостью сопротивленія, а не съ дѣйствительнымъ сопротивленіемъ.

Но всякая реакція тупа и легко можетъ случиться, что Россію этотъ узурпаторъ заведетъ въ такія дебри дикости и обскурантизма, изъ которыхъ націи уже не подъ силу будетъ болѣе выбраться. И превратится она позднинно въ Dungervolk для нѣмцевъ и другихъ.

Вѣдь не новой, насильственно навязанной, власти понять, что націю надо подготовлять къ будущему соціалисти-

ческому строю, что необходимъ непрерывный социальный прогрессъ, что только непрекращающаяся работа въ этомъ направлении можетъ оберечь націю хотя въ будущемъ отъ повторной попытки пойти за quasi-социалистами, которые нынѣ ее привели къ позору и гибели, что источникъ этого позора именно въ томъ и лежитъ, что самодержавие не хотѣло признавать неизбѣжности социальныхъ перемѣнъ, ихъ боялось и съ подготовкой ихъ боролось.

У узурпатора будетъ другая, болѣе жгучая задача — закрыть свое положеніе и, ради нея, онъ легко можетъ совсѣмъ забыть про историческія перспективы и задачи народа.

Всего этого Россія могла избѣгнуть.

Но все это нависло надъ ней почти съ роковой неизбѣжностью только потому, что она захотѣла обогнать время.

И теперь вся политически мыслящая и разсуждающая Россія стоять передъ неразрѣшимой задачей: какъ развязать проклятый узель, завязанный большевиками?

Удалить ихъ теперь, послѣ позорного мира, стоило бы ничтожныхъ усилий.

Но кто возьметъ справиться съ ихъ наслѣдіемъ?

Сбываются предсказанія, которыя дѣлали Плехановъ, да и всѣ разумные люди. Большевики дотянули маятникъ влѣво до предѣла. Кто теперь его удержить отъ полета вправо? Гдѣ онъ остановится?

И такихъ богатырей не видно. Либо нѣть ихъ, либо задача — сверхъ человѣческихъ силъ.

Для социалистическихъ партій она во всякомъ случаѣ непосильна.

И вотъ вся Россія съ трепетомъ и ужасомъ ждетъ...

Кто онъ?

Откуда онъ придется?

Въ какую бездну юниженія, разочарованія и страданій
онъ настъ еще ввергнеть?

Или выведеть на свѣтлый путь?

Когда контрреволюціи не было и въ поминѣ, когда
ею можно было только пугать, какъ дѣтей букою, съ нею
боролись и... дѣлали все, чтобы она стала реальностью.

Спросите себя, что еще можно сдѣлать, чтобы помочь
контрреволюції?

Чего нехватаетъ, чтобы она пришла чуть не завтра?

Развѣ кандидата въ Бонапарты... пока Вильгельмъ
самъ не выставилъ своей кандидатуры.

Кто не недоволенъ на Руси?

Впору вспоминать забытую пѣсню Некрасова.

Похоже, что недоволенъ даже самъ новый «правящій
классъ», ибо когда же счастье рождало ненависть? А не-
нависть въ немъ черезъ край льется.

Брошено чудовищное обвиненіе: «буржуи» мечтаютъ
о приходѣ нѣмцевъ.

И обвинителямъ не приходить въ голову: какіе ужасы
надо было натворить, чтобы *русская интеллигенція*, съ ея
то любовью къ народу, съ ея готовностью къ самоотрече-
нію, къ пожертвованію всѣхъ своихъ интересовъ, даже
жизни, этому народу, могла додуматься до мечтаній объ
иноzemномъ захватѣ *Россіи*?

Люди не понимаютъ, что въ этомъ облыжномъ обви-
неніи — самое тягчайшее осужденіе нынѣшнимъ власти-
телямъ *Россіи*, что говорить о классовомъ интересѣ рус-
скаго студенчества, русскихъ ученыхъ, писателей, даже
большинства политиковъ, какъ Шинтаревъ, Кокоркинъ и
тысячи другихъ, можетъ или безумецъ, помышлавшійся
на нѣмецкихъ книжкахъ, или лжецъ завѣдомый.

Ибо всякий человѣкъ разумный и честный знаетъ,
какъ *русская интеллигенція* десятилѣтія всю себя отдава-
ла народу, никогда ничего отъ него не требовала, сты-

дилась своихъ преимуществъ, безъ боя готова была ихъ отдать.

И не за себя она болѣеть сейчасъ, а за простой народъ, который книжники и фарисеи обманомъ заводятъ въ самую глубину паденія и рабства.

Трагедія русскаго народа проистекла изъ того, что онъ, какъ народъ молодой, въ дѣлахъ государственныхъ неискушенный и, въ тоже время, въ конецъ измученный бездарнымъ управлениемъ умиравшаго самодержавія, взымъль дерзновенную мысль разомъ покончить со всѣми вѣковыми страданіями, однимъ ударомъ порѣшить во всѣми волновавшими его вопросами, однимъ взмахомъ творческой энергіи разлить счастье на землѣ.

Вожди же народные забыли, что истинное служеніе демократіи состоить не въ томъ, чтобы ей льстить, а чтобы говорить народу правду, хотя бы самую горькую, но только правду.

Вместо того, чтобы удерживать народъ отъ беспочвенныхъ мечтаній, отъ необоснованныхъ надеждъ и упованій, они рисовали передъ нимъ перспективы, одна заманчивѣе другой, ставили передъ нимъ задачи, одна грандиознѣе другой. Проблемы мірового порядка выдвигались чуть не десятками, хотя каждой изъ нихъ хватило бы на десятки лѣтъ упорного труда и творчества народнаго.

Трудности и препятствія скрывались, а обѣщанія счастья лились рѣкой.

Мудрено ли, что народъ при этомъ постигали одна неудача за другой, одно разочарованіе за другимъ?

Хотѣли прекратить міровую бойню «честнымъ», «хорошимъ» миромъ, а получили позорнѣйшій въ исторіи разгромъ и униженіе.

Хотѣли ускорить введеніе соціализма и скомпрометировали его, какъ никто.

Ну развѣ можно спорить о томъ, что ужасающій результатъ русской попытки соціальной революціи, нестерпимая страданія, принесенныя ею — не буржуазіи — а самыи широкими народными массами, разбудили во всемъ мірѣ энергію сопротивленія буржуазныхъ классовъ и внесли смущеніе въ ряды классовъ трудовыхъ?

Хотѣли упразднить на вѣки войну и возродили та-
кія причины ея возникновенія, съ которыми, казалось бы,
уже давно было покончено.

Вѣдь не подлежитъ же сомнѣнію, что прогрессъ человѣчества, дѣйствительное средство къ уменьшенію пово-
довъ для войны лежитъ въ сокращеніи числа «внутри за-
міренныхъ» группъ.

Родъ, племя, народъ, государство, федерація госу-
дарствъ, всемірная республика — вотъ вѣдь этапы раз-
витія человѣческаго общества.

Несомнѣнно ближайшимъ шагомъ впередъ должно
было быть устраненіе такихъ нелѣпыхъ явлений, какъ
напримѣръ, 10 государствъ Южной Америки, сліяніе
латинскихъ государствъ Европы между собою, а затѣмъ
съ объединенными германскими и славянскими народами,
наконецъ, сліяніе различныхъ расъ.

А что сдѣлала Россія?

Породила цѣлый рядъ новыхъ мелкихъ государствъ,
въ самомъ существованіи которыхъ заложенъ источникъ
новыхъ распреій, новыхъ массовыхъ убийствъ.

Вместо мощнаго броска впередъ — рѣзкій регрессъ.

Хотѣли обожествить идею демократіи и уготовили
величайшее торжество самой ужасной авторитатіи, какую
только зналъ міръ.

Обѣщали богатство и довольство бѣдняку и родили
такую нищету народную, которая не сегодня, завтра вы-

зоветь массовую голодную смерть и вырожденіе миллионовъ отъ прямого недобданія и сверхсильной работы. *)

И стоить русскій народъ у разбитаго корыта несбывшимся мечтаній, обманутыхъ надеждъ и черной тучей заползаетъ уже въ его душу мрачное, безпросвѣтное отчаяніе.

Ибо такие удары, такія разочарованія непосильны ни одному народу а того менѣе — народу русскому съ его органической способностью только къ взрыву энергіи, но никогда — къ выдержкѣ и настойчивости въ достижениіи цѣлей.

Въ теченіе одного года пережитъ крахъ 300-лѣтняго режима, крахъ интеллигенціи и крахъ соціалистическаго эксперимента — это было бы сверхсильно и для націи съ большімъ запасомъ гражданственности, съ большей выдержанкой и характеромъ, чѣмъ у русскихъ людей.

Россія же подъ этимъ бременемъ национальныхъ неудачъ изнемогла окончательно.

Отсюда и царящія сейчасъ въ Россіи отчаяніе, уныніе, безразличіе и подавленность.

Отсюда и торжество въ ней нынѣшняго «режима» безпardonнаго нахальства.

Надежда надъ Россіей забрезжила въ тотъ день когда начался шоходъ въ глубь Россіи.

*) Пудъ черной муки дошелъ уже въ Декабрѣ до 24 руб. Рубль явно кончается. Кончается поэтому и все, якобы, соціалистическое киркованіе. Жизнь ясно показала, что экономику насиловать нельзя: она мстить автоматически. Захотѣли платить за трудъ, вопреки всей экономической конъюнктурѣ, вместо 2 рублей, 20 рублей и получили только одно — что 20 рублей превратились въ 2 рубля. Будутъ платить 200 рублей и 200 превратятся въ 2 р., а то и въ 1 рубль. Вѣроятно, будетъ сдѣлана еще попытка выпустить «новые» рубли, но результатъ будетъ тотъ же. Спасеніе Россіи въ трудѣ, въ производствѣ и только въ нихъ. Никакая «раздача» спасти ее не можетъ.

Не разъ бывало, что *такой* ударъ заставлялъ Русь встрепенуться, сбрасывать съ себя дьявольское наважденіе и вытягиваться во весь богатырской ростъ.

Но то вѣдь бывалъ врагъ *внѣшній*, а сейчасъ онъ внутренній — моаги русскіе забились вредными для Россіи теоріями. Вѣдь есть значить еще слушатели, если даже въ такие дни Ленины могутъ все еще говорить о какой-то помощи германскаго пролетаріата. Значить, не сошелъ еще туманъ. А развѣ съ большой головой распутать русскому народу величайшую бѣду, которая когда-либо сваливалась на него за всю его исторію?

Какъ онъ пойметъ, что *спасти его отъ рабства ильмамъ и неминуемой реставраціи и реакціи можетъ только сильное, твердое, национальное, а не партийное правительство? Правительство, которому дорога была бы свобода и Россія, а не сектантскія выдумки и безсовѣстная самолюбія?*

Читателя можетъ удивить, почему въ дни особо обостренного интереса всего міра къ вопросамъ высокой политики и морали, я на нихъ, въ поискахъ путей, по которымъ могла бы пойти Россія, почти не останавливаюсь, а удѣляю преимущественное вниманіе вопросамъ экономическимъ, даже узко хозяйственнымъ.

Для этого у меня есть двѣ причины.

Первая лежить въ томъ, что наши, казалось бы, ультра материалистическая — ибо соціалистическая — партии тщательно объгаютъ дѣловое *) разсмотрѣніе выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ хозяйственного порядка.

Между тѣмъ, въ материальномъ кризисѣ, переживае-

*) Попытки разрѣшенія экономическихъ проблемъ полицейски-насильственнымъ путемъ, о которыхъ приходится читать чуть не ежедневно, конечно ничего «дѣлового» въ себѣ не заключаютъ. Это не экономическая политика, а экономическое хулиганство.

момъ Россіей, эти вопросы пріобрѣтаютъ все болѣе актуальное значеніе, начинаютъ становиться рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ «высокой» политики — вѣдь голодъ, созданный неудержимымъ экспериментаторствомъ далекихъ отъ жизни теоретиковъ, всегда и всюду былъ сильнейшимъ аргументомъ для рѣшенія самыхъ запутанныхъ вопросовъ.

Мы видѣли выше, какъ проблема урегулированія разсчетнаго баланса съ неумолимой логикой приводить Россію къ необходимости отказа отъ торжественно провозглашеннай націонализациіи разныхъ частныхъ имуществоў, а проблема развитія производства и къ отказу уже отъ всѣхъ остальныхъ эфемерныхъ «завоеваній» соціалистической мысли.

Недаромъ вѣдь гнѣвъ всѣхъ умѣренно соціалистическихъ, т. е. разумно прогрессивныхъ элементовъ давно уже съ дѣйствительно буржуазныхъ и откровенно реакціонныхъ слоеvъ перенесенъ на занесшихся въ облака близкихъ по идеѣ товарищѣ-максималистовъ.

Меньшевики и прочіе умѣренные элементы совершенно отчетливо представляютъ себѣ, что проигранный ими, по существу узкопрактическій, споръ съ большевиками о подходящемъ моментѣ для начала соціалистического опыта завелъ всѣ соціалистическія партіи въ безысходный жизненный тупикъ.

Выходъ рисуется только одинъ — въ появлениі какого-то суперъ-арбитра, который избавилъ бы умѣренные элементы отъ odium'a разрушенія ихъ собственными руками ихъ же собственныхъ идеаловъ, только неблаговременно воплощенныхъ въ жизнь и потому для жизни практически непереваримыхъ и непріемлемыхъ.

Однако, весь опытъ исторіи учить, что такой арбитръ всегда проявляетъ тенденцію оказываться tertus gaudens'омъ, который весь споръ кончаетъ тѣмъ, что уничто-

жаетъ обѣ спорящеія стороны и заботится только о своихъ личныхъ интересахъ.

Этотъ выводъ, съ полнѣйшей неопровергимостью вытекающій изъ дѣлового разсмотрѣнія чисто практическихъ вопросовъ экономической жизни страны, подводить твердую базу подъ интуицію умѣренныхъ партій, которая, путемъ историческихъ справокъ и чисто логическихъ разсужденій, въ свое время приходили къ предсказанію, что большевики фатально приведутъ Россію къ возстановленію монархіи.

Можетъ явиться вопросъ, да зачѣмъ же доказывать ссылками на практическую жизнь то, что поддавалось предсказанію чисто теоретическимъ, абстрактнымъ разсужденіемъ.

Въ туть то и цѣнность этихъ доказательствъ, что, онѣ, во-первыхъ, не даютъ возможности побѣды для болѣе сильныхъ діалектиковъ — вѣдь противъ жизненнаго факта всякая діалектика безсильна, во-вторыхъ, устраняютъ всякую попытку свалить вину въ произошедшемъ крахѣ на насильственное дѣйствіе какой-то грубой силы — эта сила рождается требованіемъ жизненнаго факта, а не сама его создаетъ и, въ-третьихъ, они заставлять, быть можетъ, русскую общественную мысль начать, наконецъ, съ большими уваженіемъ относиться къ жизни и дѣловому ея пониманію, перестать, проповѣдуя, якобы, материалистическая доктрины, витать въ облакахъ со всѣми присущими этому занятію опасностями.

Туть я вплотную подхожу ко второй причинѣ, заставляющей меня съ особымъ вниманіемъ останавливаться на вопросахъ хозяйственно-экономическихъ.

Я считаю, что сейчасъ союзники проходятъ черезъ полосу величайшаго риска для всего ихъ будущаго.

Вытекаетъ эта опасность изъ того, что союзники также

не дооцѣниваютъ значенія вопросовъ узко хозяйственныхъ, материальныхъ.

Они совершенно забыли дѣйствительныя военные цѣли Германіи, вѣрнѣе, ея единственную военную цѣль.

Германія начала войну только ради обеспеченія за своей гипертрофированной промышленностью рынковъ сбыта и сырья.

Все остальное для нея аксессуаръ, не имѣющій значенія. Удастся чего-нибудь еще добиться въ области чистой политики — хорошо, не удастся — тоже хорошо. Лишь бы только была достигнута основная «купеческая» цѣль войны — завоеваніе рынковъ.

Начала она войну именно въ 1914 году только потому, что именно къ этому сроку Россія проявила недвусмысленное намѣреніе отказаться въ 1917 г. отъ возобновленія кабального торгового договора съ Германіей. Чтобы имѣть возможность въ 1917 солидно аргументировать это свое нежеланіе быть въ экономической зависимости отъ Германіи, Россія, съ одной стороны, идеино воспріяла возможность союза со своимъ же недавнимъ врагомъ — въ то же время главнымъ врагомъ Германіи — Англіей и провела черезъ Государственную Думу т. н. большую военную программу, по которой въ 1917 г. русская армія должна была достигать $2\frac{1}{4}$ миллионовъ штыковъ въ мирномъ составѣ.

При такихъ условіяхъ Германіи оставалось одно изъ двухъ: или разстаться навсегда съ мечтами о міровомъ господствѣ, *) либо начинать пресловутую превентивную войну, ибо дальше шансы на победу могли только падать.

Что въ этомъ чисто «дѣловомъ» решеніи «кровожадность» лайзера, о которой такъ много говорилось, ровно

* Характерно для этихъ мечтаний, что нѣмцы уже давно называютъ свой Берлинъ не иначе, какъ Weltstadt Berlin.

не при чёмъ, показываетъ съ неспоримостью простая историческая справка.

Въ 1904 г. разбить Россію стоило бы Германіи минимальнѣйшихъ усилий. Всѣ силы Россіи были отвлечены на Дальній Востокъ, запасы снарядовъ почти цѣликомъ были истрачены, съ Англіей она находилась въ полу-войнѣ.

И, однако, Германія Россіи войны не объявила, ибо Россія сдалась безъ боя. Россія пошла навстрѣчу основнымъ желаніямъ Германіи и открыла свои предѣлы для нѣмецкой эксплоатациі. Какой смыслъ быть при такихъ условіях рисковать хотя одной каплей крови померанского гренадера?

Въ 1914 г. положеніе радикально измѣнилось. Германская промышленность за 10 лѣтъ еще больше выросла, потребность въ обеспеченіи рынковъ усилилась колоссально, а Россія проявила явное намѣреніе бунтовать.

Оставалось или подчиниться, рвать со всѣми мечтами, или воевать.

Германія избрала второе.

Началась самая откровенно-разбойничья, «купеческая», война, какую только знала мировая исторія.

Союзники такой цинически откровенной постановки вопроса принять не могли, противъ этого вопіяла вся ихъ психологія, вся сохранившаяся въ этихъ странахъ любовь къ принципамъ, вся народная эстетика, все чувствоуваженія къ человѣческой личности.

Недаромъ вѣдь даже Англія — главный врагъ Германіи, экономическое соперничество которой съ нѣмцами уже давно было основной осью мировой политики, — и та не могла объявить Германіи войны, пока не произошелъ политический фактъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, оскорбившій чувство лояльности англійскаго народа и подвѣшившій подъ *его* участіе въ войнѣ идеиное обоснованіе.

Война перестала въ глазахъ англичанъ носить характеръ чисто коммерческаго предпріятія, въ которомъ, однако, поставлены на карту миллионы человѣческихъ жизней.

Предстоявшія жертвы кровью были освящены и оправданы идеей.

Впослѣдствіи политическая задача, которая должна была разрѣшить война, напаивалась одна на другую и все больше и больше отодвигали на задній планъ основной вопросъ — вопросъ о рынкахъ.

Для союзниковъ идеиность войны была важна психологически — они только ею поддерживали духъ своихъ народовъ.

Но это нежеланіе признавать открыто, что союзники тоже дерутся изъ-за рынковъ, *) но только не агрессивно, что они только не хотятъ превращать свои страны въ нѣмецкіе рынки, или уступать нѣмцамъ ранѣе завоеванные ими рынки въ другихъ странахъ, конечно, не могло оставаться безъ вредныхъ послѣдствій.

И недаромъ Германія такъ привѣтствуетъ союзническую идеиность войны, такъ охотно заводитъ разговоры на принципиальные темы.

Вѣдь въ блескѣ такихъ идей, какъ свобода народовъ всего міра, самоопредѣленіе народностей, возстановленіе попраннаго права, уничтоженіе вооруженій, уничтоженіе войнъ, справедливость какъ основа международныхъ решеній, вопросъ о рынкахъ, въ сущности только и вызвавший войну, ступевшійся, получаетъ какое то третьестепенное значеніе.

И Германія получаетъ возможность сдѣлать краси-
вый жестъ — согласиться чуть не на всѣ политическія

*) Любопытно отмѣтить, что Вреденъ, профессоръ политической экономіи Петроградскаго Университета, еще сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ доказывалъ, что всѣ будущія войны будутъ вестись изъ-за рынковъ.

требованія союзниковъ, лишь бы осталась незатронутой эта маленькая подробность торговыхъ договоровъ, рынковъ сбыта и сырья.

Какими силами правительства союзныхъ странъ заставлять свои народы дальше драться, проливать свою кровь, если въ тѣхъ вопросахъ, которые они выдавали за главные, Германія уступить?

И Германія это отлично понимаетъ, она старательно поддерживаетъ споръ въ сферѣ вопросовъ высшей политики. Она торгуется, хочетъ получить что-то и въ области политики, но это въ ея пониманіи своего рода несчитанный супердивидендъ.

Свою войну она не безъ основанія считаетъ уже выигранной, ибо ей удалось затемнить сознаніе союзныхъ народовъ и единственный для нея важный, кровный вопросъ о рынкахъ она себѣ обеспечила.

Въ этомъ вопросѣ Германія единодушна. Изъ-за него она будетъ драться до послѣдняго.

Онъ ясенъ какъ императору, такъ и послѣднему рабочему. Изъ-за него то германскія династія продолжаетъ быть по истинѣ национальной, ибо она сумѣла понять, формулировать и провести въ жизнь основную цѣль германскаго народа, цѣль понятную и дорогую, и промышленнику, и юнкеру, и рабочему.

Изъ-за этого и толки о революціи въ Германіи не серьезны. Тамъ нѣтъ того полнаго разрыва между династіей и народомъ, какой былъ въ Россіи. У кайзера и народа — общее знамя, общий языкъ.

Рабочіе могутъ бунтовать противъ недостаточной прогрессивности внутренней политики кайзера. но гдѣ и когда они заявляли о своемъ несогласіи съ его имперіализмомъ? Гдѣ и когда они отказывались отъ захвата рынковъ?

По этой причинѣ и бунтъ въ Германіи не можетъ

быть ни серьезнымъ, ни успешнымъ: полнаго разрыва не только нѣть, наоборотъ, царить полное согласіе въ определеніи основныхъ задачъ націи.

Совсѣмъ не то въ союзныхъ странахъ, особенно въ Россіи.

Тамъ смыслъ войны тщательно скрывали отъ себя съ самого ея начала.

Когда въ августѣ 1914 г. я пытался провести изложенные выше мысли въ русской прессѣ, то *ни одна* газета не рискнула ихъ помѣстить, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ основная позиція — что война для Россіи есть война за освобожденіе малыхъ народностей, за свободу міра отъ германскаго милитаризма.

Когда въ 1915 г. я докладывалъ тѣ же мысли въ Комитетъ Государственной Думы, то я добился нѣкотораго ихъ признанія только послѣ того, когда я поставилъ Предсѣдателю въ упоръ вопросъ: «а что если Германія согласится на всѣ Ваши политическія требованія и, взамѣнъ, потребуетъ только одного — возобновленія на 25 лѣтъ торгового договора 1904 г., согласитесь Вы подписать такой мирный договоръ?»

Родзянко съ живостью мнѣ отвѣтилъ: «Ну конечно нѣть!»

Этимъ онъ устанавливалъ, что для Россіи есть въ войнѣ *мнчто* болѣе важное, чѣмъ вопросъ о Галиції, о Сербіи, о милитаризмѣ, и т. д. это — вопросъ объ обеспеченіи ея экономической независимости.

Это признаніе тѣмъ болѣе было характерно, что Родзянко — помѣщикъ-интеллигентъ, съдовательно, въ русскихъ условіяхъ далеко не другъ промышленности.

Бѣда для Россіи была въ томъ, что это сознаніе копошилось гдѣ-то очень глубоко, не было отлито въ ясную форму. И поэтому не было и не могло быть никакой энергіи въ отстаиваніи этого кровнаго интереса Россіи.

Нынѣ даже самое сознаніе коренной важности вопроса, повидимому, утрачено. Нестерпимая боль отторженія Польши, Литвы, Балтійскихъ провинцій, контрибуціи, вмѣшательства во внутреннія дѣла, совершенно шрі-ступляетъ всякое вниманіе къ вопросамъ экономическимъ и поэтому въ видѣ какого-то малозначущаго примѣчанія: «и возобновленіе договора 1904 г.» проходитъ, почти незамѣтно ни для кого, экономическое порабощеніе Россіи.

Совершенно въ томъ же положеніи и всѣ союзники:

Не сегодня, завтра, они рискуютъ быть поставлены въ необходимость за поднесенную имъ Германіей чечевичную похлебку чисто политическихъ уступокъ отдать ей свое экономическое первородство.

А это будетъ закладкой прочнаго фундамента для будущей политической Weltmacht Германіи.

Ничѣмъ не стѣсненная на 10—20 лѣтъ впередъ въ торговомъ захватѣ міра, она за этотъ періодъ подготовить и политической захватѣ власти надъ міромъ.

И не видно, въ чемъ могло бы быть спасеніе отъ этой надвигающейся бѣды.

Пожалуй единственной надеждой — не для Россіи только, а для всего міра — было бы такое экономическое развитіе Россіи, которое затмило бы Германію.

Если бы Россія, съ ея несмѣтными богатствами, со смышленнымъ, талантливымъ, трудоспособнымъ населеніемъ, сбросила съ себя свою вѣковую лѣнь, откинула не суразныя фантазіи, привычку къ болтовнѣ и залетанію въ облака и принялась за реальную работу, то, конечно, она за немнога лѣтъ покрыла бы міровой недостатокъ товаровъ и развила бы такую экономическую мощь, передъ которой мощь Германіи стушевалась бы быстро.

Но возможно ли это?

Поэтъ сказалъ:

«Умомъ Россію не обнять,
«Ее аршиномъ не измѣрить,
«У нея особенная стать:
«Въ Россію можно только вѣрить».

И все существо безконечно любящаго родину-мать
сына рвется во мнѣ къ этой вѣрѣ.

Хочется вѣрить, что великая работа мысли народной
за время этой, по истинѣ, Великой Революціи оставить
свой глубокій следъ, что прежнее бездумное прозябаніе
народа немыслимо.

Хочется вѣрить, что неудачи, вызванныя главнымъ
образомъ сверхсильностью подъятаго народа подвига,
не убьютъ въ конецъ его энергіи и вѣры.

Но скептицизмъ дѣлового человѣка, неумолимая ло-
гика говорить: тяжелыя грядутъ для Россіи времена.

Обезсилена она въ конецъ материально, разбить,
униженъ ея духъ, больны ея умъ и сердце.

А союзники, недавніе друзья, не хотятъ понять, что
ихъ судьба не отдѣлма отъ судьбы Россіи.

Ихъ помощи не видно.

А свои силы — где онѣ?

Гдѣ люди-вожди, гдѣ идеи-свѣтильники для народа?
Не фейерверкъ фразъ, а дѣловая программа жизни?

Граждане! Думайте о Россіи!

A. A. Бубликовъ.

Нью Йоркъ, Plaza Hotel.
20 фев. 1918.

P. S. — Пока переписывалась и набиралась моя брошюра, произошли события величайшей важности.

Я разумею, конечно, не формальное заключение большевиками мира съ Германіей и, даже, не вспыхнувшій, было, вопросъ объ японской экспедиціи на Дальній Востокъ. а: 1) совершенно ясно для всѣхъ начавшійся процессъ торгового захвата Россіи нѣмцами и, параллельно съ нимъ, реставраціонная намѣренія въ отдѣленныхъ отъ Россіи областяхъ и 2) явно выдвигаемую нѣмцами новую платформу для мира съ союзниками — замѣчу формулы Берлинъ-Багдадъ, формулой Берлинъ-Владивостокъ при одновременной готовности поступиться всячими интересующими союзниковъ политическими идеяными «побрякушками» и, даже болѣе существенными величинами, какъ Палестина, Месопотамія и т. п., вплоть до Эльзаса-Лотарингіи включительно.

Мирный договоръ подписанный въ Брестъ-Литовскъ, военной обстановки почти не измѣнилъ: вѣдь русской арміи, какъ таковой, не существуетъ уже съ юля прошлаго года.

Невыносимый позоръ, запечатлѣнныи въ мирномъ договорѣ, можетъ сыграть даже добрую роль — послужить къ возрожденію угасшаго воинскаго духа, къ созданію новой военной силы въ Россіи, проникнутой сознательнымъ патріотизмомъ.

Разговоры о возможной японской экспедиціи несомнѣнно также оказали свое дѣйствіе въ этомъ направлѣніи. Русская народная гордость начинаетъ просыпаться. Кажется, это уже тотъ громъ, послѣ котораго русскій мужикъ долженъ начать креститься.

Нельзя, однако, скрывать и отрицательной стороны этихъ разговоровъ: они, внѣ всякаго спора, задержали

каденіе большевистскаго правительства дѣйствіемъ извнутри*) и даютъ большевизму нѣкоторую надежду «спасти лицо» ссылкой на мифической всемирный заговоръ капиталистовъ.

Но всѣ эти факты меркнутъ передъ значеніемъ начавшагося «мирнаго проникновенія» Германіи въ Россію. Это уже касается не 26% отторгнутаго отъ Россіи населенія, а всей Россіи въ совокупности, больше того, касается всего міра.

Рядъ телеграммъ указываетъ совершенно неоспоримо, что существовавшее здѣсь убѣжденіе, будто Германія экономически истощена, что ей «нечего» продавать Россіи, не имѣеть основаній. Волна германскихъ товаровъ уже полилась въ Россію, со всѣми вытекающими отсюда послѣствіями.

Завершивши политическое отторженіе отъ Россіи ряда областей, Германія переходитъ къ экономическому захвату остальной Россіи въ чаянії, разумѣется, также и политического ся порабощенія, но только въ будущемъ.

При этомъ въ политически захваченныхъ областяхъ вопросъ о монархической реставраціи поставленъ вполнѣ конкретно. Великій князь Финляндскій, Герцогъ Курляндскій, Король Польскій, Великій Князь Литовскій—всѣ эти новые нѣмецкіе чиновники высокаго ранга должны родиться не сегодня, завтра. Не сегодня, завтра, будетъ и наборъ.

Но что особенно характерно, такъ это то, что не слышно ни о какомъ, сколько нибудь серьезному, противодѣйствію населенія этихъ областей попыткахъ наградить ихъ новыми царьками. Наоборотъ, находятся въ нихъ элементы, привѣтствующіе такое решеніе ихъ судьбы.

Очередь за Украиной. Но нечего сомнѣваться, что и

*) Едва ли они не заставили многихъ противниковъ большевиковъ повременить выступлениемъ противъ нихъ, чтобы на нихъ легъ и этотъ позоръ, а не одинъ позоръ сепаратнаго мира.

за ней дѣло не станетъ. Недаромъ вѣдь Австрійскій эрцгерцогъ, убитый въ Сараевѣ, еще за долго до войны прімѣрялъ запорожскіе шаровары и учился говорить по украински.

Батумская, Карсская и Карабахская области такъ даже прямо возвращены «подъ Султана».

Передача этихъ областей Турціи въ высокой степени знаменательна. Это—явная компенсація за тѣ уступки, которыя имѣютъ быть предложены союзникамъ за счетъ той же Турціи. Это—цѣна Месопотаміи, Палестинѣ и Сиріи и цѣна не плохая, ибо отъ Карса прямой безпрепятственный ходъ на Тифлісъ, а изъ Карабаха—въ Баку. Перспектива—богатѣйшая для нищей страны Падишаха.

И этотъ выдвигаемый «обмѣнъ» проливаетъ яркій свѣтъ на существо тѣхъ «неожиданно крупныхъ» уступокъ союзникамъ, на которыя, де, готова Германія и намеки на которыя неоднократно широрывались въ германской прессѣ.

Ясно, что Германія готовится великодушно пожертвовать столь пугавшемъ воображеніе союзныхъ странъ формулой: Берлинъ-Багдадъ, лишь бы только ей предоставили безпрепятственно бороться съ «мировой инфекціей», съ «опаснымъ всему миру беспорядкомъ» на протяженіи между Берлиномъ и Владивостокомъ, или, хотя бы, Иркутскомъ.

При этомъ, съ весьма благоразумной предосторожностью, Германія отнюдь не поднимаетъ вопроса о формально-политическомъ подчиненіи незавоеванной еще Россіи. Такая «аннексія», конечно, всѣхъ бы отпугнула, а по существу она Германіи не нужна: вѣдь «мирное проникновеніе» въ Россію, лишенну всѣхъ морскихъ портовъ, съ разрушенной промышленностью, съ разоренными финансами и *перебитой интелигенцией*, дасть Германіи решительно тѣ же самые результаты.

Весь ужасъ такого рѣшенія міроваго конфликта заставляетъ всѣхъ, и русскихъ людей, и союзниковъ, съ трепетомъ ставить вопросъ: «Что-же дѣлать?»

Русскимъ людямъ отвѣтъ, мнѣ кажется, простой: пора демобилизоватъ не только развращенную армію, но и развращенные языки, и мобилизоватъ разумъ, совѣсть и энергию народную.

Пора понять, что улица, грязная, обнагльвшая улица — не нація.

«Вожди», авторитетные въ глазахъ только этой улицы и не признаваемые и презираемые всѣмъ остальнымъ міромъ, и врагами, и друзьями,—не вожди націи и спаси страну не могутъ.

Союзникамъ отвѣтъ тоже простой.

Россія вышла изъ рядовъ потому только, что она обнинцала вконецъ.

И вернетъ ее въ боевые ряды тотъ, кто извлечетъ ее, поможетъ ей выйти изъ этого ужаса надвинувшейся на нее нищеты, рабства, голодной смерти.

Внѣ помощи какого то иностранного капитала для Россіи спасенія нѣть.

И Германскій капиталъ изъявляетъ полную готовность «спасать» Россію, подъ защитой нѣмецкаго шупмана. Чѣмъ кончится это спасеніе—ясно.

Германскій милитаризмъ—факторъ служебный. Даже сломивши его, мы отъ агрессивности Германіи не избавимся.

Агрессивенъ въ основѣ, по самой природѣ своей,— германскій торгово-промышленный капиталъ, это онъ командуется германскими арміями и онъ не перестанетъ быть агрессивнымъ и послѣ того, какъ замолкнутъ пушки на боевомъ фронѣ и *кто бы кого ни заставилъ прекратить стрѣльбу.*

Германскай угроза можетъ быть устранина только тѣми средствами, которыми она дѣйствуетъ.

Германія кончила военное нашествіе на Россію и начала нашествіе экономическое. Поэтому и борющимся противъ Германіи надо взять въ руки на восточномъ фронѣ это новое оружіе.

Рѣчь идеть не о томъ, чтобы поставить государственные ресурсы странъ Согласія и, въ частности, Америки въ распоряженіе промышленной ініціативы, какъ это дѣлала и дѣлаетъ Германія, а чтобы потребовать национальный промышленный капиталъ, национальную промышленную энергию на великое служеніе величайшимъ задачамъ политики государства, послать ихъ бороться съ нѣмецкимъ врагомъ съ не менышей энергией и съ не менышимъ рискомъ, чѣмъ это дѣлаютъ солдаты на фронтѣ.

Надо никогда не забывать, что у Россіи есть великій множитель — 180.000.000 и что съ этимъ множителемъ можно одинаково выковать и величайшее счастье и величайшія цѣли для всего человѣчества.

Поработеніе Россіи — первый шагъ къ поработенію всего міра.

Такъ да не будетъ этого!

A. B.

22 Марта, 1918.

40 290572 53 005 ER 3

6814

DK 265 .B917
Russkala revoluttala :
Stanford U.L.

Stanford University Libraries

3 6105 040 949 708

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

